

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ



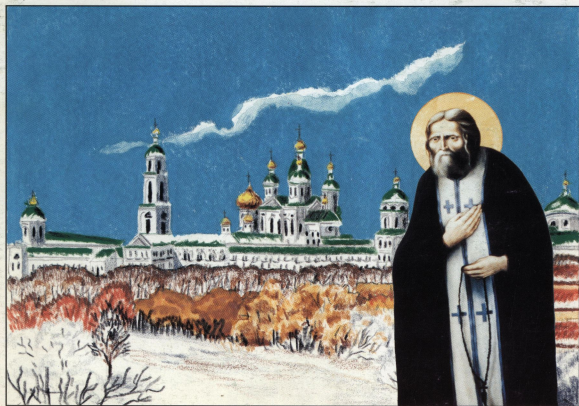
ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ
Valaam Society of America: P. O. Box 70, Platina, CA 96076 U.S.A.

Годъ XLV.

— № 26 —

2002 г.

САРОВЪ 1903 — 2003





Царь Николай II и Царица Александра.



Преп. Антон Саровъ «Ощевникъ»

1903 — 2003

СЕРАФИМЪ ПРЕПОДОБНЫЙ извѣстенъ по всему міру, гдѣ только знаютъ о Россіи и ея историческомъ и духовномъ значеніи. Сто лѣтъ тому назадъ въ Россіи, хранительница и защита мѣста Вселенскаго Православія и всемірное украшеніе Христіанства, знала и почитала великій подвигъ Преп. Серафима. Въ то время, можно смѣло сказать, что вѣсть о немъ гремела по Св. Руси. Самъ Государь Императоръ Николай II съ Царичею, посѣтили Саровъ, собственноручно неся Св. мощи Святаго Старца Серафима, а до этого своей царской силой велѣлъ прославить его, когда либеральная часть синодальныхъ вельможъ усумнилась въ святости великаго Чудотворца, по молитвамъ котораго чудеса источались обильно по всей Руси. То была высшая точка слиянія православнаго народа и его Монарха, истиннаго представителя Византийскаго Порфириноснаго слуги Церкви Христова. Вся Православная Россія ликовала.

Но враги ея, готовясь къ царевбиѣству, ждали своего часа окаянства, что бы, какъ покончили съ Великими Князьями Борисомъ и Глѣбомъ, такъ и заклать Праведнаго Государя и пустить Россію въ рабство богоотступникамъ, какъ вождь ихъ Ленинъ изрыгалъ: «Мнѣ на Россію наплевать!»... и «Чемъ больше реакціонныхъ церковниковъ мы разстрѣляемъ, тѣмъ лучше».

И полилась кровь могучаго русскаго народа. Покорно слушаясь богоотступническихъ вождейубійцъ, русскіе братья истребляли своихъ же братій. Милліоны невинныхъ русскихъ честныхъ людей отъ рукъ окаянныхъ братій, пали и насочилась земля кровью Новомучениковъ, число которыхъ превзошло всѣхъ замученныхъ за Христа всѣхъ прежнихъ вѣковъ Христіанства. И длилось это на Руси библейскихъ 70 лѣтъ.

А святая обитель Саровская, гдѣ Преп. Серафимъ и многіе его соратники достигли великой святости — тоже пала жертвой русскаго бунта противъ Бога. И воцарилась тамъ духъ нечистый: сперва устроили тамъ концлагерь для невинныхъ невольниковъ; потомъ тюрьму для дѣтей. Самъ Преп. Серафимъ являлся дѣтьямъ въ лѣсу, пѣлъ имъ Христова Воскресе; женщинамъ невольницамъ являлся и вдохновлялъ

ихъ на подвигъ монашескій (одна изъ нихъ, освободившись и достигнувъ свободнаго міра, создала свой монастырь въ Америкѣ). А потомъ начальники ГУЛага, видя, что слишкомъ много изъ нихъ отъ нападавшихъ на нихъ духа унынія и отчаянія кончали самоубійствомъ, рѣшили на святомъ мѣстѣ, предназначеномъ Самимъ Богомъ для процвѣтанія Бого-данной жизни и радости на землѣ, дѣлать эксперименты атомной/ядерной энергіи, что бы научно какъ можно больше людей и вообще жизнь истребить на землѣ и держать всё это въ строжайшей тайнѣ. Одинъ Богъ знаетъ, какое зло тамъ готовится, ибо добрые дѣла не держатъ въ секретѣ. Такъ тамъ и понинѣ. Окруженъ Саровъ, какъ будто томъ зараза какая, «железная завѣсой» поставлена сердитая стража, оружіе, да пропуски, какъ въ тюрьмѣ, хотя тамъ и вольныя люди рабами служатъ. Незнаюшій паломникъ, стремясь къ Преподобному, проникнуть туда не можетъ. Да тамъ Преподобнаго и нѣтъ: онъ въ Дивѣевѣ. А соратники его, святые Назарій, Пахомій, Марко, лежать подъ асфальтомъ дорогъ и новыхъ знаній, храмы-соборы несены, колокольня превращена въ телевизионную башню...



Прижизненный эскизъ.

Интересно, неужели на Руси мѣста мало для экспериментовъ, что нужно именно засѣсть и осквернить святыню? Но по сути смыслъ этихъ опытовъ временный, испытать Божіе терпѣніе. Дождь?

Съ такими мыслями приближаемся мы къ столѣтію Серафимову. Весь свободный міръ, любящій Преп. Серафима, смотритъ съ надеждой на открытіе Сарова, свободнаго, святорусскаго, вселенскаго Православія, того святаго мѣста, что воспитало такого Всѣмірнаго Святителя, равныхъ которому на Руси за всѣ двѣ тысячи лѣтъ мало. Когда нахлынетъ народъ со всѣхъ концовъ вселенной къ запертымъ вратамъ Сарова, что скажетъ въ самооправданіе дара свободы, полученной современной Россіей отъ Бога? Дай-то Богъ, что бы спали оковы старой темницы Саровскаго ГУЛага и восторжествовала Свобода надъ святыми мѣстами Св. Руси, куда бродятъ современные Паломники, ищущіе правды и воздыхая по Небесному Граду преддверіемъ котораго есть Святая Русь.



Современная икона Препп. Серафима и Антония, в Спасскомъ Монастырь, в Муромѣ.

На 1-ой стр. обложки акварель присланная из мексики,

икона преп. Серафима написанная в Бостоне, США в 1955г.

СОВРЕМЕННЫЙ ПАТЕРИКЪ

ПРЕП. АНТОНІЙ «ГРОШЕВНИКЪ»

Прозорливый Сльпець Муромскій Сотаинникъ Преп. Серафима

Память 15-го Августа (†1851) г.

Когда русскій человекъ, лишенный съ юныхъ лѣтъ своей родины, обращается къ ея прошлому, украинскому яркими представителю Св. Руси, хотя и гонимой, униженной, упрямой въ своемъ катакомбномъ полусуществованіи, тогда кажется ему, что каждая деталь Св. Руси насыщена глубокаго смысла. Вся панорама прошлаго утоляетъ въ немъ жажду по Правдѣ Божіей и даетъ толчокъ, приливъ радости на земной. Эти святлыя дѣйствующія лица превращаются для него въ живыхъ друзей, вдохновляющихъ на Богосознаніе и Богоуожденіе.

Такимъ толчкомъ послужило описаніе Паломничества въ Саровъ наканунѣ его разгрома. Авторъ, Анатолий Павловичъ Тимофѣевичъ, будучи «Въ Гостяхъ у Преп. Серафима», знакомитъ читателя не только съ Преподобнымъ и монастырской обстановкой, но и съ другомъ Преп. Серафима, о которомъ почти ничего не извѣстно. И вотъ, несмотря на то, что богоборческая власть разорила Саровъ и превратила въ какіе-то тайники злодѣянія (иначе зачѣмъ держать славный монастырь въ страшномъ секретѣ, какъ будто на Руси другого мѣста не хватаетъ), выступаетъ изъ прошлаго, какъ изъ испаряющагося тумана при лучахъ грюющаго салта, невдомолый ранне образъ крохоткаго сльпцаго странника Схимонаха Антонія, сотаинника дорогаго Батюшки Серафима. О Антоніи недавно былъ прославленъ. Мощи его лежатъ въ тюрьмѣ на мѣстѣ Покровскаго Монастыря въ Ардатомъ, покрыты асфальтомъ спортивной площадки. Но онъ стережетъ тамъ юное поколѣніе, осаждающее освобожденіе отъ узъ міра сего.

«Когда же человекъ снабдитъ душу свою словомъ Божіимъ, тогда исполняется разуміемъ того, что есть добро и что есть зло».

Преп. Серафимъ Саровскій

1. ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ САРОВЪ*

ДОРОГА ШЛА вначалѣ не густымъ лѣсомъ, а версть черезъ 5 онь кончился, и потянулись безкрайнія, необозримыя поля нашей необъятной матушки Россіи. Погода окончательно прояснилась, и легкій паръ подъ лучами жаркаго солнца клубился надъ влажной землей. Лошаденка еде брела, кругомъ безлюдье, кучеръ блаженно спалъ, раскинувшись на телегѣ, но мы были

счастливы своимъ одиночествомъ и своимъ путешествіемъ и громко пѣли стихирѣ Преподобному.

Проѣхали лѣсколю деревень, бѣдныхъ и убогихъ, дѣтшки гурьбой бѣжали за нами, прося копейчку. Въ это время нашъ кучеръ уже пришелъ немного въ себя и сказалъ, что недалеко до Ардатова. Мѣстность стала болѣе возвышенной, и дорога вилась между холмами, дѣлая порой довольно крутые повороты. Неожиданно слѣва отъ насъ на фонѣ темно-синяго неба выросъ какъ изъ-подъ земли прекрасный бѣлый храмъ съ высокой папертью и портикомъ съ колоннами. Противъ него показались огорада кладбища.

*«Въ Гостяхъ у Преп. Серафима», Д-ръ А. П. Тимофѣевичъ, 1953, Св. Троицкій Монастырь, США.

— «Что это за церковь? — спросили мы. — Никакъ Ардатовъ», — сказала вновь задремавший возница, протирая глаза.

Действительно городъ былъ спрятанъ въ низинѣ и только теперь сразу открылся нашему взору. Обычный уздичный городокъ старой Россіи съ плохо мощеными улицами, деревянными изветшалыми тротуарами и одноэтажными домиками, Повернувши въ одну изъ боковыхъ улицъ, мы стали подниматься въ гору и вскорѣ очутились передъ Св. вратами Ардатовской Покровской женской обители. Высокая, каменная стѣна изъ краснаго кирпича и угловыми башнями, входящая въ монастырь, была очень красива. У входа въ обитель поднялась

сидящая на скамьѣ привратница-старушка монахиня и приветливо поклонилась. Пройдя Св. врата, мы очутились на сравнительно очень обширномъ монастырскомъ дворѣ, посреди котораго возвышался главный монастырскій храмъ, его плотно окружали со всѣхъ сторонъ монастырскія келліи и хозяйственныя постройки. Прижимаясь къ старому храму, бѣлились крестики и ограды на могилкахъ.

Нашъ возница, по-видимому, былъ здѣсь своимъ человѣкомъ, такъ какъ моментально юркнулъ въ одно изъ помѣщений, откуда вскорѣ показались двѣ инокини въ бѣлыхъ апостольникахъ и отъ имени матушки игуменьи сердечно насъ приветствовали и просили насъ побрезговать ихъ хлѣбомъ и солью.

«Простите, Христа ради, только нашу скудость въ нынѣшнее время», — ласково замѣтила старшая изъ нихъ, — «ну да, какъ говорится, лучше блѣдою зеленью съ любовью, нежели жаренаго быка съ ненавистью».

Подкрѣпивъ свои силы скромнымъ монастырскимъ обѣдомъ, мы отправились благодарить матушку игуменью за гостеприимство и просить благословенія осмотрѣть достопримѣчательности.

Узнавъ, что мы держимъ путь въ Саровъ, м. игуменья замѣтила: «Ну вотъ и хорошо, что не миновали насъ грѣшныхъ. Вѣдь мы себя считаемъ тоже не чужими нашему дорогому батюшкѣ, и при

жизни его монастырь нашъ многимъ пользовался отъ его щедротъ и благодѣяній, не мало присылалъ онъ къ намъ душъ, ищущихъ спасенія, да и нашъ почившій Старецъ О. Антоній нѣкогда вмѣстѣ съ Преподобнымъ подвизался въ Саровской пустыни».

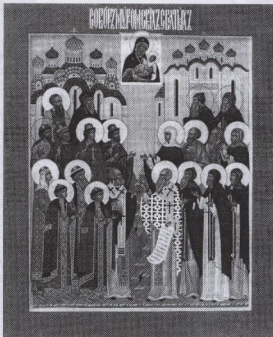
Попрошавшись съ м. игуменей, мы въ сопровожденіи уже знакомой намъ монахини отправились осматривать монастырь.

Высокій трехпрестольный соборный храмъ, хотя и не поражалъ своими размѣрами, но былъ очень изященъ по архитектурѣ.

«Вы слышали, конечно», — сказала наша спутница, — «что въ молодыхъ лѣтахъ, ещѣ послушникомъ, батюшка О. Серафимъ хорошо изучилъ старинное мастерство и былъ искуснымъ рѣзчикомъ по дереву. Вотъ и удостоился наша обитель получить отъ самого батюшки сей даръ его работы», — и она подвела насъ къ одной изъ колоннъ лѣваго придела храма и указала на висѣвшее на ней под стекломъ небольшихъ размѣровъ рѣзное распятіе съ предстоящими Маріей — Матерью Господа, и Маріей Магдалиной. Мы съ благоговѣніемъ приложились къ этой святыни».

Осмотрѣвъ храмъ, направились мы въ небольшой флигель, гдѣ нѣкогда жилъ славившійся своей богоугодной жизнью Старецъ-свѣнецъ Антоній. Мы вошли черезъ маленькія темныя сѣни въ небольшую келлію съ однимъ окошечкомъ. Около стѣны лѣва стоялъ скромный деревянный диванчикъ, рядомъ столикъ и нѣсколько стульевъ. Съ правой стороны также находился столъ, но уже значительно большихъ размѣровъ, на которомъ разложены были книги, лежалъ крестъ, четки и стояло на деревянномъ блюдѣ нѣчто вроде камиллавки, но нѣсколько необычной формы, оббитое черной матеріей. Въ углу довольно много образовъ. Теплились лампады. Монахиня за аналоемъ посреди келліи читала исалтырь».

«Здѣсь-то и подвизался нашъ Старецъ», — сказала матушка, — «и здѣсь же, въ день Успенія Богоматери, и почилъ сномъ праведника. Трудень ужъ очень былъ путь его жизни и велики страданія и



Соборъ Муромскихъ Святыхъ. Икона работы Игоря Сухова 1996 г. въ Муромскомъ Троицкомъ Монастырѣ. Преп. Антоній второй справа въ верхнемъ ряду.



Общая панорама Спасского монастыря на фонѣ разлившейся Оки въ 19-омъ вѣкѣ, какъ видѣть Преп. Антоній. Купола тогда были другой формы, чѣмъ первоначально и теперь.

Тяжкими подвигами томилъ онъ свою плоть, борясь со страстями и съ помощью Божіею побѣдилъ ихъ».

— «Взгляните», — продолжала матушка, указывая на деревянное блюдо, — «хотя бы на эту шапочку, которую батюшка всегда надвѣвалъ на себя во время молитвы какъ знакъ своей побѣды надъ врагомъ нашего спасенія. Да не только взгляните, а и одѣньте на себя. Вотъ и получите какъ бы благословеніе отъ самого Старца».

Я подошелъ къ столу, желая выполнить совѣтъ матушки, взялъ её и тутъ же отъ неожиданности чуть не уронилъ на полъ.

Оказалось, что эта «шапочка» была изъ чугуна и только обшита матеріей. Вѣсила она около 20 фунтовъ. Съ трудомъ смогъ удержать я её нѣсколько минутъ на своей головѣ и невольно подумалъ, какъ же это батюшка могъ такъ долго маливаться въ ней. Какъ бы угадывая мою мысль, матушка замѣтила.

— «Вамъ трудно даже себѣ и представить, какъ батюшка могъ утруждать себя такой тяжестью, но

вѣдомо ли вамъ, что въ молодости онъ въ этой шапочкѣ, за послушаніе своему Старцу, хаживалъ въ самый Киевъ, оттого и потерялъ зрѣніе».

Я былъ пораженъ. Нести такой сверхчеловѣческой подвигъ съ тѣмъ, чтобы потерять цѣннѣйшій даръ Божій — зрѣніе, было совершенно необъяснимо, и я откровенно высказалъ это матушкѣ.

Выслушавъ меня и слегка улыбувшись, матушка добавила:

— «Для нашего слабого разума многое кажется непонятнымъ, и, конечно, если бы челоѣкъ самовольно лишилъ бы себя этого великаго дара, то это было бы непостытельнымъ грѣхомъ, но вѣдь ещё болѣе цѣнный даръ, чѣмъ зрѣніе, это наша душа и вѣчное блаженство. Господь устами великаго Старца, святителя Антонія Воронежскаго, видя усердное желаніе батюшки спасти свою душу, послалъ его именно на зтотъ подвигъ. Кто знаетъ, какія страшныя искушенія или вражескія козни могли грозить батюшкѣ, имѣя онъ тѣлесныя очи. На



Покровскій Монастырскій храмъ, до его полного уничтоженія: онъ снесенъ и на его мѣстѣ ничего нѣтъ. Рядомъ, съ сѣверной стороны, могила Преп. Антонія заасфальтирована, но администрація знаетъ его мѣстопохожденіе.



Ардатовскій Покровскій Монастырь за монастырской стѣной, нынѣ превращенный Совѣтской властью въ тюрьму для малолѣтнихъ преступниковъ.

примѣрахъ жизни нѣкоторыхъ подвижниковъ мы это видимъ. Просвѣтленный же разумъ святого провидѣлъ, что, теряя телесное зрѣніе, батюшка взаменъ получитъ духовное».

— «Простите меня, матушка, — могъ только возразить я, — «вы глубоко правы, ужъ очень слабъ нашъ разумъ, чтобы дерзать объять не постижимое».

Молча мы вышли изъ келліи на крыльцо.

— «Матушка, а гдѣ же погребенъ Старецъ?»

— «А вонъ, видѣлись и могилка батюшки, около церкви». Мы подошли поближе. У алтарной стѣны храма лежала большая чугунная плита и стоялъ деревянный крестъ съ горящей внутри его лампадой. Гдѣ-то изъ оконъ монастырскихъ келліи доносилось стройное дѣвнѣ женскихъ голосовъ, такъ гармонирующее со всей окружающей картиной.

— «Это стѣвка нашего хора», — объяснила матушка. Я попросилъ разрѣшенія снять могилку О. Антонія. Снимокъ получился очень удачный.

Солнце начинало склоняться къ западу, и дневная жара замѣтно спала, когда мы, поблагодаривъ матушекъ за радушное гостепрѣмство, выѣхали изъ воротъ обители. Дорога опять вошла полями. Кругомъ видѣлись скирды сжатого хлѣба. Приятно пахло полянью и чабрецомъ, мелодично позвывали бубенчики у нашей лошадки. Нѣжными легкими тонами окрасилось вечернее небо, и золотистыя стайки облаковъ торжественной процессіей стройно двигались куда-то вдаль. Угасающій день, какъ и уходящая молодость, всегда охватываютъ душу какимъ-то чувствомъ безотчетной грусти и сожалѣнія о безвозвратномъ прошломъ.

(На этомъ кончается знакомство съ Старцемъ Антоніемъ. Но Анатолій Павловичъ говорилъ намъ, что гдѣ-то онъ видѣлъ портретное изображеніе Старца Антонія, ещѣ въ Россіи, но копію себѣ сдѣлать не могъ. И вотъ 40 лѣтъ инѣмъ мы его святой обликъ.)



Муромскій Соборъ, время Преп. Антонія. Открытка. Разрушенъ.



Саровъ, Успенскій соборъ разрушенъ до основанія. Тутъ возносили молитвы Преп. Серафимъ, Антоній и всѣ Саровскіе подвижники.

2. ОТЪ МУРОМА ДО САРОВА

По лицу необъятной Русской Земли течетъ извилистая рѣка Ока. Порой узкая и мелкая, она мѣстами, да ещѣ весной, разливается по своимъ привольнымъ берегамъ до 20-ти километровъ въ ширину. Другого берега и не увидишь! И вотъ тамъ, гдѣ она разливается, какъ пустынное море, на холмѣ изрѣвле стоить дремлетъ старый городъ Муромъ. Вокругъ него, какъ и въ былое время, ютятся, покочиваясь, рыбацкія лодки. Узкой лентой двигается силавляемый лѣсъ. Древнѣ, высоко поднимающіеся надъ водной гладью храмы свидѣтельствуютъ о быломъ благоденствіи, о хорошо развитомъ эстетическомъ вкусѣ, о славномъ бытѣ, овянномъ духомъ истиннаго христіанства. Исторія намъ скупно оставила свѣдѣнія о насельникахъ Муромъ; но преданіе церковное гласитъ о предстателяхъ у Всевышняго, объ угодникахъ Божіихъ, когда-то, въ своемъ земномъ странствованіи, обитавшихъ на этихъ берегахъ. То былъ край знаменитыхъ безконечныхъ Муромскихъ лѣсовъ. Муромъ существовать ещѣ съ времянь Св. Благовѣрнаго Князя Владиміра.

Однимъ изъ уроженцевъ этихъ мѣстъ былъ пророчливый слѣпецъ, великій угодникъ Божій, другъ Преп. Серафима — Антоній, оставшійся известнымъ какъ «Муромскій».

Въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, въ деревнѣ Волицѣ родился будущій подвижникъ. Мы не знаемъ его мірскаго имени, ни о родителяхъ его, ни о его воспитаніи, ни объ образованіи. Известно, что съ юныхъ лѣтъ онъ чувствовалъ склонность къ уединенію и благочестивымъ размышленіямъ. Наверно, участвовалъ онъ въ жизни окружающаго быта; бывалъ въ шестивѣхъ крестныхъ ходовъ, ходилъ на богомолье не только въ близлежащіе монастыри, но и въ знаменитыя «святыя мѣста». Суровая жизнь лѣсныхъ пустынниковъ и уединенныхъ монастырей не могла не рождать таинственную, благоговѣйно-восторженную тягу къ нимъ въ его юной душѣ.



Муромская икона
Божией Матери.



Монастырь Блж. Неофиллы «Утоли Моя Печали»,
до революции.



Праведная Неофилла, основательница
«Утоли Моя Печали».

Сравнительно недалеко от Муром, в дремучем лѣсу, находилась Саровская Пустынь. Туда и ушел юный Антоній ещё до 20-лѣтняго возраста, а возможно, и много раньше. Тамъ тогда спасались великіе подвижники: строитель Пахомій, Питиримъ, Нифонтъ, игумень Назарій, схимникъ Марко и Иларіонъ, прибывшій вмѣстѣ съ О. Назаріемъ изъ Валаама и ставшій ближайшимъ сотрудникомъ у Преп. Серафима и другимъ Антонія. Въ Саровѣ были дѣти-подвижники: семилѣтній Василій Кишкинъ и 12-ти лѣтній Германъ, впоследствии подвизавшійся на Валаамѣ и скончавшійся миссіонеромъ-пустынникомъ на Аляскѣ въ Америкѣ. Сюда пришелъ и 19-ти лѣтній Серафимъ, который и сталъ ближайшимъ другомъ и духовнымъ совѣтникомъ у сотаинникомъ Антонія.

Юный послушникъ Прохоръ (Серафимъ) заболѣлъ, какъ всѣ тогда думали, водяной. Онъ пробылъ въ болѣзни 3 года, полтора года пролежавъ въ постели. Во время болѣзни ему явилась Божія Матерь, послѣ чего онъ чудесно выздоровѣлъ, но шрамъ, гдѣ вышла матерія, наполнявшая тѣло больного, остался навсегда. Это событие должно было произвести сильное впечатленіе на молодого Антонія. Въ благодарность за чудесное исцѣленіе, Прохоръ, съ благословенія старцевъ, принялъ на себя нелегкій трудъ сборщика на построеніе болынной церкви, которую строили какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ во время болѣзни и гдѣ ему явилась Божія Матерь. Послѣтивъ свой родной мѣста, онъ возвращался черезъ Муромъ. Спутникомъ его былъ Антоній, къ этому времени уже принявшій монашество. Судя по лѣтописи Дальне-Давыдовскаго монастыря, это было въ 1785 году. Вотъ что знаемъ мы объ этомъ путешествіи.

«Къ концу второй половины XVIII вѣка, когда Муромскіе лѣса сливались съ Саровскими, когда западная окраина Нижегородской губерніи была покрыта сплошными лѣсами, тогда только большая

дорога съ Урала, черезъ Муромъ, въ Москву прорѣзывала эти темные дремучіе лѣса. По этой лѣсной дорогѣ рѣдко можно было встрѣтить кого путешествующего: она была безлюдна и опасна. Въ лѣсу жили дикіе звѣри, разныя темныя подозрительныя личности, а потому для охраны мирныхъ путешественниковъ разставлены были шкеты, гдѣ находилось человѣка по четыре стражниковъ.

По этой-то лѣсной дорогѣ нерѣдко путешествовали любители пустынной жизни, Саровскіе подвижники. Бѣдные путники ходили пѣшкомъ и для отдохновенія, пропитанія и ночлега вынуждены были идти проселочными дорогами и въ селеніяхъ, лежащихъ на пути, останавливались для отдохновенія и ночлега, а потомъ отправлялись въ путь иногда въ сопутствіи привѣтливыхъ страннолюбцевъ, ведя съ своими спутниками благочестивые разговоры.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ жаркихъ дней по пути къ Сарову изъ Муромъ шли два инока; оба они были ещё молоды, но въ подвигахъ духовной жизни они были уже люди, достигшіе духовнаго совершенства. Несмотря на свою молодость, они были извѣстны народу какъ люди святой жизни. Это были Саровскій инокъ Серафимъ и Муромскій — Антоній. Дошли они до мѣстечка, называемаго «Крыжева сѣчь», или «Мокрое», остановились и сѣли отдохнуть на дубовыхъ пняхъ.

О. Серафимъ сказалъ Отцу Антонію: «На этомъ самомъ мѣстѣ, отче, будетъ женскій монастырь: его осуетъ дѣвица. Она будетъ людямъ на посмѣяніе, а Царниѣ Небесной на прославленіе. Здѣсь будетъ храмъ во имя Матери Божіей «Утоли моя печали». Сказавъ это, О. Серафимъ всталъ и топорникомъ, который онъ имѣлъ обыкновеніе носить при себѣ, срубилъ два дубка, заострилъ одинъ изъ нихъ и, обращаясь къ спутнику, сказалъ: «А ты, отче, этотъ крестъ утверди!» Отецъ Антоній утвердилъ поперечную часть креста. Ямку для водруженія

креста тѣмъ же топорикомъ вырвалъ Отецъ Серафимъ; потомъ, пропѣвъ тропарь кресту: «Спаси, Господи, люди Твоя...», воздвигъ крестъ между кустарниками и снова заплѣть тотъ же тропарь, поклоняясь кресту. Отецъ Антоній принялъ участіе въ этой молитвѣ кресту, и оба благочестивыхъ путника вмѣстѣ снова, въ третій разъ, заплѣть тотъ же тропарь, продолжая молиться. Объяснивъ духовнымъ восторгомъ, Отецъ Серафимъ сказалъ: «Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ будетъ соборный храмъ!»

Случайнымъ свидѣтелемъ этого разговора и молитвеннаго восторга иноковъ былъ крестьянскій мальчикъ изъ деревни Натальина, по фамиліи — Дубовъ. Ещё до прибытія иноковъ къ этому мѣсту онъ прохаживалъ мимо него съ жельзомъ изъ Муромъ. Недалеко отъ этого мѣста у него сломалась оглобля, а потому ему пришлось невольно остановиться, чтобы сдѣлать новую оглоблю. Онъ пошелъ по лѣсу прискакать подходящее дерево и услышалъ разговоръ подоседавшихъ къ мѣсту путниковъ. Заслышавъ говоръ, мальчикъ притаился въ кустахъ, чтобы не обнаруживать себя пришельцамъ.

Окончивъ молитву, Отецъ Серафимъ, обращаясь въ ту сторону, гдѣ былъ мальчикъ, совершенно не зная его, называлъ его по имени и, подозвавъ къ себѣ, сказалъ: «Ты думаешь, когда это будетъ? Это будетъ тогда, когда меня въ живыхъ не будетъ, а ты доживешь до того времени, когда будетъ устроена обитель, доживешь и до освященія храма въ обители!»

Отецъ Антоній былъ свидѣтель, какъ предсказаніе преподобнаго Серафима начало исполняться. Въ Дальне-Давыдовскомъ селѣ являлась икона Божіей Матери «Утоли моя печали» дѣвнѣй Неоилѣ, великой подвижницѣ. Отецъ Антоній былъ ея духовнымъ совѣтникомъ. Онъ принималъ у себя и указалъ путь в начинающуюся обитель одной благодѣтельницѣ, которой Сама Пресвятая Богородица въ сонномъ видѣніи повѣляла ѣхать къ Неоилѣ.

Предсказаніе Отца Серафима окончательно исполнилось въ 1858 году, послѣ утверждения

общины, основанной на этомъ мѣстѣ: 2-го октября былъ освященъ 1-й храмъ во имя Всѣхъ Святыхъ, и на этомъ духовномъ торжествѣ привелось быть престарѣлому Дубову. Онъ плакалъ отъ умиленія и послѣ литургии, обливаясь слезами, рассказывалъ первоначальницѣ общины, матери Антоніи Соколовой и всѣмъ тутъ бывшимъ о предсказаніи батюшки Отца Серафима и о своемъ случайномъ подслушаніи этого предсказанія. Возвратясь домой, Дубовъ вскоре заболѣлъ и померъ.* Впоследствии, уже за два года до своей кончины, Преп. Серафимъ такъ



Преп. Серафимъ благословляетъ Антонія идти въ Воронежъ. Литографія Фесенко 1903 года.

описывалъ свой путь изъ Муромъ: «Когда я хожилъ по сбору въ Муромъ (въ 1785 г.), то на пути, въ лѣсу, я видѣлъ мѣсто, избранное Божією Матерію для монастыря, я тамъ сидѣлъ на дубовомъ шнѣ, и этотъ шнѣ попадетъ подъ первую церковь... Когда я тамъ былъ первый разъ, то удостоился, грѣшный, видѣть, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ соборный храмъ, спустилась икона Божіей Матери «Утоли моя печали». Я успѣлъ только поклониться спустившейся иконѣ и всталъ, а икона уже исчезла; я былъ тогда ещё молодой. Мѣсто это святое: его возлюбилъ Царица Небесная.»

Вскорѣ послѣ того, какъ Прохоръ и его муромскій пріятель вернулись въ обитель, Прохора построили и, въ 1797 году, будучи іеромонахомъ, онъ поселился въ лѣсной частъ въ пустынькѣ, на красивомъ мѣстѣ у рѣки, недалеко отъ мѣстожительства другихъ пустыньниковъ. Отецъ Антоній его посѣщалъ. Онъ иногда и дольше пребывалъ въ его «дальней» пустынькѣ.

3. СОВѢТЬ ПЕРЕП. СЕРАФИМА

Къ тому времени, когда Сама Пресвятая Богородица повѣляла Преп. Серафиму выйти изъ затвора и начать старчествовать, многіе проводившіе его подвижническую жизнь письмененно спрашивали

*Дибельская Лѣтопись.

его совѣтовъ. Отвѣтовъ его, хотя они несомнѣнно были, не сохранилось.

Однимъ изъ большихъ почитателей Преп. Серафима былъ Воронежскій Архіепископъ Антоній Смирницкій. Это былъ замѣчательный архипастырь и подвижникъ, долгіе годы поддерживавшій связь съ преподобнымъ. Иногда онъ посылалъ ему подарки. И Преп. Серафимъ питалъ къ нему особенную любовь, называя его великимъ Архипастыремъ Божиимъ. Ещё до прославленія святымъ мощей Митрофана Воронежскаго, Преп. Серафимъ написалъ ему собственноручную записку, въ которой поздравлялъ съ открытіемъ мощей св. угодника, хотя никакихъ откровеній и никакихъ явленій тогда ещё не было. Лично они никогда не видались. У нихъ была особая духовная дружба, которая имѣла рѣшающее значеніе въ жизни Отца Антонія.

Однажды, очевидно, послѣ выхода на общественное служеніе, Преп. Серафимъ, провидя духовный путь своего друга, Отца Антонія, послалъ его въ Воронежъ къ Пресвященному Антонію. Тотъ оставилъ его у себя на послушаніи. Прозорливый Пресвященный приказалъ ему, по внушенію свыше, идти въ Кіевъ, но не просто странникомъ, а въ чугунной шапкѣ Тамбовскаго Святытеля Питирима. Она была 17 фунтовъ вѣса и внутри обшита бархатными шапочками очень тогда почитаемаго Свят. Митрофана и Великомученицы Варвары. Въ то время какъ разъ совершалось много чудесъ по молитвамъ Св. Питирима, но о происхожденіи его чугунной шапки ничего неизвѣстно. Пресвященный Антоній приказалъ послушнику Антонію идти всю дорогу, не снимая шапки. О. Антоній исполнилъ это послушаніе съ усердіемъ. Когда онъ вернулся, Пресвященный приказалъ ему вторично исполнить то же послушаніе. По совершеніи этого вторичнаго подвига у праведнаго Антонія лопнули глаза, но зато онъ прозрѣлъ духовно: онъ получилъ даръ прозорливости. Таинственное взаимообщеніе духа между угодниками Божиими, преодолевающее и пространство не подлежитъ нашему разумію. Такъ, 2-го января 1833 года Владыка Антоній



Святытель Питиримъ Тамбовскій не былъ прославленъ, когда О. Антоній носилъ его камиллаву.



Муромъ, Троїцкій монастырь, за оградой котораго въ такомъ дворикѣ подвизался въ своей келліи О. Антоній.

сообщилъ Мотовилову, который тогда пребывалъ въ Воронежѣ у Пресвященнаго, что Преп. Серафимъ въ ночь на этотъ день, во второмъ часу за полночь, скончался. Владыка соборѣ отслужилъ по Старцѣ панихиду. Только черезъ нѣсколько дней дошли вѣсти о кончинѣ святаго Старца.

Отецъ Антоній своей прозорливостію былъ очень извѣстенъ. Онъ поселился въ своемъ родномъ Муромѣ въ домѣ одного куша и прожилъ тамъ свои постыднѣе 23 года. Онъ жилъ около Спасскаго Монастыря, куда ежедневно рано утромъ ходилъ на Богослуженіе. Къ нему стекалось со всѣхъ сторонъ много народа, разнаго сословія, и никто не уходилъ отъ него безъ душевнаго утѣшенія и добраго совѣта. Его келлія стояла неподалеку отъ древнихъ храмовъ, гдѣ покоились останки небесныхъ Муромскихъ заступниковъ, окруженные множествомъ лампадъ. Но въ монастырѣ такъ и не жилъ, а остался странникомъ до конца своихъ дней, слылъ «грѣшникомъ» т. е. видно добирала гроши для бѣдныхъ (грошь = поль копейки).

4. ПРОЗОРЛИВЫЙ СЛѢПЕЦЪ

Что представлялъ собой Отецъ Антоній — этотъ слѣпецъ тѣлесными очами, но все видѣвшій духомъ?..

Строитель Св. Параклитской Пустыни, Иеромонахъ Дорошеѣ, ещё будучи 25-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, загорѣлся желаніемъ монашескаго житія. Онъ имѣлъ счастье быть въ близкихъ отношеніяхъ съ О. Іоанномъ Смирновымъ, замѣчательнымъ іереемъ-подвижникомъ, который, однако, не совѣтовалъ ему вставать въ Саровѣ. А Саровъ тогда сталъ особенно привлекательнымъ мѣстомъ изъ-за славной памяти тогда ещё «праведнаго» Старца Серафима. «Когда я пришелъ, — пишетъ онъ, — въ Саровскую пустынь, мнѣ и понравилось тамъ, и нѣтъ, помня совѣтъ О. Іоанна, я, вѣроятно бы, и ушелъ отсюда, но на гостиницѣ мнѣ попадаетъ странникъ, который мнѣ прямо велитъ остаться въ Саровѣ. Я, разумеется, не послушалъ его, и сколько онъ меня ни уговаривалъ, я рѣшительно отказался его послушать. Тогда онъ мнѣ говоритъ:



Спасскій монастырь послѣ реставраціи
сегодня въ Муромѣ.

Главный соборъ въ Спасскомъ монастырѣ.
Снимокъ 19-го вѣка.



«Тебѣ должно быть въ Саровѣ, а для того, чтобы ты повѣрилъ, что я правду тебѣ говорю, пойдемъ со мною въ Муромъ къ Старцу Отцу Антонію, мужу прозорливому, который тебѣ всё скажетъ: иди тебѣ на пользу жить». Я согласился на его предложеніе, и мы пошли въ Муромъ.

Поклонившись здѣсь почивающимъ угодникамъ Божіимъ, мы приходимъ къ Старцу Антонію. Калитка къ его келліи заперта была наглухо и заколочена досками — значитъ, пройти нельзя. На стукъ мой, сквозь заборъ слышу старческой голосъ, но не вижу говорящаго.

«Что ты шлешься? Развѣ мало благодати въ Саровѣ-то? Тамъ ея цѣлое море. Ну, что пришелъ къ пустому старицкису? Хотя ты, братъ, и философъ, да держись-ка за носокъ, да помни смертный цасокъ, а не шлешься! Поди прошь! не пушшу!»

Съ этими словами, слышу, отошелъ отъ забора и захлопнулъ дверь. Но рѣшился непременно видѣть его. Для этого на другой день пошелъ въ Спасскій монастырь, куда онъ ходилъ всегда къ ранней литургіи. Послѣ литургіи я подхожу къ нему и говорю, что я нарочно пришелъ изъ Сарова видѣть его и воспользоваться его совѣтами и не отступлюсь, доколѣ не приметъ меня къ себѣ въ келлію. Видя мою неотвязчивость, онъ пустилъ меня къ себѣ и со мною еще нѣкоторыхъ другихъ странниковъ и странницъ. Потомъ ушелъ въ другую комнату и оттуда вынесъ горшокъ съ сухарями изъ бѣлыхъ хлѣбовъ и мнѣ велѣлъ взять изъ него сухарей. Я, слуху, опустилъ руку и захватилъ цѣлую горсть сухарей и между прочимъ — дугу отъ калача. Когда Старецъ «увидѣлъ», что я взялъ очень много, то сказалъ: «Не знаю, братъ, выдержишь ли? Ну да, впрочемъ, и здоровъ!» Потомъ взялъ дугу отъ калача изъ горсти моей и началъ говорить: «Согнись-ка дуга да будь

вѣсьмъ слуга». И затѣмъ бралъ по одному сухарю и при каждомъ сухарѣ давалъ наставленія, — всего насчиталъ двадцать сухарей. Потомъ я спросилъ: «Гдѣ мнѣ благословите, батюшка, жить?» — «Откуда пришелъ, туда и иди. Я тебѣ сказывалъ, чтобы ты жилъ въ Саровѣ, ну и поживешь тамъ годка три, а тамъ помашесь, а тамъ ... какъ Богъ велитъ!»

Возвратясь съ тѣмъ же странникомъ въ Саровъ, я сталъ вникать въ порядки службы, въ чиноположеніе монастыря, и чѣмъ болѣе всматривался, тѣмъ болѣе мнѣ всё нравилось, такъ что я рѣшился наконецъ остаться тамъ въ числѣ братства, и попросилъ О. Игумена Исаію принять меня въ послушники. Онъ принялъ меня не сразу. Четыре раза я ходилъ къ нему; цѣлыхъ три недѣли прожилъ въ гостиницѣ; наконецъ услышалъ отъ него: «Ну, Богъ тебя благословитъ, оставайся и иди на послушаніе къ келарю Отцу Ѳеодору». Я такъ обрадовался этому рѣшенію, что буквально запрыгалъ, какъ козель, и думалъ, что меня приняли прямо на небо».

Такъ заканчиваетъ свой разсказъ о поступленіи въ монастырь О. Доровей. Предсказанія же муромскаго Старца Антонія надъ нимъ сбылись: три года онъ подвизался въ Саровѣ со вѣсьмъ жаромъ усердія; но неумѣренные подвиги, да еще безъ вѣдома духовнаго отца, скоро надломилъ его здоровье; «помаялся» онъ еще «годка три» и «не выдюжилъ»: въ 1856 году онъ вынужденъ былъ оставить Саровъ и поступилъ въ обитель Преп. Сергія, въ которой и служилъ на разныхъ послушаніяхъ до конца дней своихъ...

5. СВИДѢТЕЛЬНИЦА СВЯТОСТИ

Молва о благочестивой жизни Отца Антонія и о его прозорливости широко распространялась. Въ городѣ Ардатовѣ жила нѣкая г-жа Лихутина,

оставившая намъ драгоценныя записи. Всё слышанное про него возбудило въ ней пламенное желаніе увидѣть Старца, и наконецъ, удалось ей добраться до Мурома, куда она поѣхала со своей четырехлѣтней дочерью. По прѣздѣ въ Муромъ, у нея сильно разболѣлась голова, да, кромѣ того, вообще г-жа Лихутина страдала женскою болѣзною.

«Эта болѣзнь мучила меня невыносимо», — пишетъ она. — «Безуспѣшно испробовавъ всѣ роды леченія, не исключая магнетизма и электричества, я рѣшилась предоставить всё на волю Божию. Едва я успѣла войти въ келію Отца Антонія, какъ мнѣ стало дурно; я поспѣшила лечь на скамью, чтобы не упасть. Саша, моя дочь, увидавъ меня больною, сильно расплакалась. Желая её утѣшить, Отецъ Антоній приказалъ своему послушнику и племяннику Андрею принести ей клюквы съ медомъ. Малютка моя начала кушать и успокоилась. «Сашенька, матушка, возьми на ложку ягодокъ», — сказалъ Старецъ, обращаясь къ моей дочери. «Сколько взяла, — спросилъ онъ, — пять?» — «Пять, старичокъ», — сказала дѣвочка. «Дай-ка ихъ сюда, голубушка!» — сказалъ Старецъ и потомъ, прочитавъ молитву и перекрестивъ ложку, добавилъ: «Ну, теперь дай ихъ своей матери; можетъ быть, милостію Царицы Небесной ей отъ нихъ полегче станеть». Я съѣла предложенныя мнѣ ягоды и тотчасъ почувствовала облегченіе. И не только головная боль моя прошла, но даже спазмы съ этихъ поръ прекратились. Съ того времени усердіе мое къ Отцу Антонію увеличилось.

Въ свою очередь онъ не оставлялъ меня своимъ духовнымъ вниманіемъ и незадолго до своей смерти пожелалъ прѣхать умереть ко мнѣ. Я предложила ему выбрать себѣ комнату въ домѣ моемъ, но благочестивый Старецъ, по своему смиренію, избралъ себѣ въ жилищѣ отдѣльный флигель, гдѣ у насъ готовилось кушанье.

Теперь же г-жа Лихутина имѣла возможность ближе познакомиться съ образомъ жизни благо-

честиваго Старца. По ея словамъ, Отецъ Антоній большую часть ночи проводилъ въ молитвѣ и постоянно носилъ вериги. Во время чтенія своихъ дневныхъ правилъ и земныхъ поклоновъ онъ опоясывался колючимъ поясомъ изъ проволоки, идтой въ ремень, въ видѣ шетки, шириною въ вершокъ, а на голову надѣвалъ терновый вѣнецъ и сверхъ него желѣзную шапку, отъ которой онъ ослѣпъ. Конечно, Отецъ Антоній хранилъ тайнѣ свои подвиги, и г-жа Лихутина случайно узнала о нихъ отъ послушника. Разъ, когда она встала ранѣе обыкновеннаго и, торопясь зачѣмъ-то видѣть Старца, пошла къ нему, то сотворила молитву, но не дождалась обычнаго отвѣта «аминь» и отворила дверь. Отецъ Антоній молился Богу, стоя на колыняхъ, а вокругъ него на полу были слѣды крови. «Батюшка, что съ тобой?» — воскликнула Лихутина испуганно и бросилась къ нему. Вмѣсто объясненія, Отецъ Антоній сказалъ ей, чтобы она больше никогда не входила къ нему безъ благословенія и отвѣта на молитву словомъ «аминь». Онъ запретилъ ей говорить видѣнное при его жизни.

Изъ случаевъ прозорливости Отца Антонія г-жа Лихутина записала слѣдующіе:

Одна Ардатовская купчиха Тихомирова пришла просить благословенія купить себѣ домъ: «Не совѣтую тебѣ это дѣлать», — отвѣтилъ Отецъ Антоній. Но когда она стала усиленно просить благословить покупку, то онъ сказалъ: «Ворона не живетъ въ хоромахъ, а на волѣ летаетъ и попусту крылья обиваетъ... Если ты купишь,

Настасья, то домъ твой обратится въ угли и ты ничего не получишь, да и прежде этого сойдешь съ ума и будешь сидѣть на пѣли, а потомъ жди пожара». Но Тихомирова не послушалась и купила домъ, въ которомъ она вскорѣ сошла съ ума и была привязана на пѣль, а когда умопомышательство прошло, вскорѣ сгорѣлъ купленный ею домъ, и она ничего не получила, кромѣ угля.

Г-жа Карницкая, отираясь въ Саровскую Пустынь, заѣхала къ Отцу Антонію просить его



Муромъ, сестры Свято-Троицкаго монастыря 1921 года, иѣкоторые могли помнить Старца Антонія.

благословения. Старец долго беседовалъ съ нею, такъ какъ любилъ её за усердіе къ Богу и доброту и наконецъ передъ прощаніемъ сказалъ ей: «Любовь, ты гови въ Саровѣ, приготовайся въ путь». «Я давно готова, батюшка, къ переселенію въ вѣчную жизнь, да только мнѣ жаль своихъ дѣтей оставить!» — Сказала она, показывая, что беременна третьимъ ребенкомъ. Отецъ Антоній на это отвѣтилъ: «Царица Небесная за твою благочестивую жизнь, за терпѣнье, любовь къ бѣднымъ, не оставитъ ихъ сиротами... Послѣ твоей смерти къ 40 днямъ они всѣ трое будутъ съ тобой на лонѣ Авраамовомъ и ты безъ трепета

и скажешь Господу: се — азъ и дѣти мои!» Предсказаніе Отца Антонія исполнилось: она умерла черезъ мѣсяцъ послѣ этой бесѣды, а за нею и всѣ дѣти. Младшій умеръ черезъ день послѣ рожденія и былъ положенъ съ нею въ гробъ, другой — къ 20-му дню, а третій — наканунѣ 40-го дня.

Пришла къ Отцу Антонію горничная г-жи Лихутиной, Елена, дѣвушка, и стала просить, чтобы Старецъ помолвился, дабы её отпустили на волю. Отецъ Антоній сказалъ ей: «Купи, Елена, сорокъ паръ лаптей, подавай каждый день по парѣ и вели поминать за здоровье твоей барыни; ты выйдешь на волю, и у тебя будетъ хорошій женихъ!» Пока Старецъ это говорилъ Еленѣ, вошла г-жа Лихутина и огорчилась словами батюшки, такъ какъ эта дѣвушка была нужна и любима. Она даже не скрыла своего неудовольствія. «Вѣра, — сказалъ Отецъ Антоній г-жѣ Лихутиной, — Господь повелѣлъ мнѣ такъ сказать; ты не въ силахъ будешь удержать её у себя! Какъ она послѣднюю пару подасть, то и пойдеть замужъ за Жениха петлѣваго». Дѣйствительно, послѣ смерти Отца Антонія горничная Елена купила 40 паръ лаптей и стала ихъ подавать за здоровье своей госпожи. Двѣ пары она куда-то заложила и, такимъ образомъ, поѣхала въ Москву съ г-жой Лихутиной, которая отправилась опредѣлить своихъ племянницъ-сиротъ въ институтъ. Черезъ мѣсяцъ они вернулись въ Ардатовъ, и Елена въ тотъ же день отсыкала эти двѣ пары лаптей. Одну пару подала въ день прѣзда, а вторую — на другое утро; затѣмъ захворала, приобщилась и скончалась, вспоминая предсказанія Отца Антонія.

6. НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МОТОВИЛОВЪ

Сестра Серафимо-Дивѣевской общины Марія Васильевна Никишина сообщила слѣдующее воспоминаніе свое объ Отцѣ Антоніи: «Хотя и была я уже въ общинѣ, — говорила она, — но много ещё жениховъ сватали меня. Что же, думаю, не лучше ли въ самомъ дѣлѣ выйти замужъ? Съ этою мыслью и пошла я въ городъ Ардатовъ, отстоящій въ 23 верстахъ отъ Дивѣева, навѣстить тамъ странника Старца Антонія, слѣплого, который жилъ на покоѣ у одной барыни, Вѣры Михайловной Лихутиной...



Николай Александровичъ Мотовиловъ.

Вошла я къ нему въ келлію и вижу, что никого нѣтъ у него, а самъ онъ лежитъ на печкѣ... Мнѣ стало совѣстно, я остановилась, да и притаилась у порога; пусть, думаю, дожждусь, пока самъ слѣзеть за чѣмъ-нибудь. А онъ прямо началъ говорить отсюда: «Что тамъ за святая, что за женихъ, къ чему это замужъ! Не надо, не надо! А отецъ-то какой у васъ въ Дивѣевѣ, отецъ-то какой! Вѣдь Серафимъ-то къ вамъ въ мошакъ изъ Сарова въ Дивѣево почитать придетъ! Вѣдь вотъ какой отецъ-то у васъ, что за женихъ, къ чему ещё замужъ!» Увѣрившись въ святости и прозорливости слѣплого Антонія, я измѣнила совѣсьмъ свои намѣренія и вернулась въ Дивѣево.

Когда вошла къ Отцу Антонію Елизавета Александровна Ушакова, то онъ ей сказалъ: «А ты матери не слушаешься; она тебѣ назначаетъ послушаніе (т.е. назначеніе быть казначейшей), а ты отпихиваешься! Тебѣ недолго быть на этомъ мѣстѣ; ты должна быть матерью! Вотъ тебѣ мое послѣднее слово: если не послушаешься, то Божіимъ велѣніемъ будешь изгнана изъ обители и нѣтъ тебѣ спасенія!» Болѣе страшнаго и угрожающаго не могъ никакъ сказать Елизаветѣ Александровнѣ, которая, конечно, только ради спасенія покинула свѣтъ и вступила въ неустрашенную Серафимову обитель. Пока Отецъ Антоній бесѣдовалъ съ Елизаветой Александровной, мимо дома г-жи Лихутиной проѣхалъ Н.А.

*Эти слова или онъ слышалъ отъ самого Преп. Серафима или это прозорливость — за 140 лѣтъ впередъ видѣть онъ, что произошло въ 1991 году!

Мотовиловъ съ женой. Увидѣвъ ихъ, хозяйка дома крикнула Николаю Александровичу, что Отецъ Антоній живетъ у нея. Конечно, было приказано экипажу остановиться, и горячо любящихъ Господа Николай Александровичъ послѣдшилъ испросить благословенія у Отца Антонія. Онъ вошелъ къ Старицу въ ту минуту, какъ выходила Елизавета Алексѣевна и, вѣроятно, чтобы и другіе знали волю Божію относительно Ушаковой, Отецъ Антоній поворнулъ Мотовиловымъ всё сказанное Елизаветѣ Алексѣевнѣ... Затѣмъ Отецъ Антоній предсказалъ Николаю Александровичу многое, касающееся его семейной жизни и предстоящихъ ему неудачъ и испытаний.

Между многими другими воспоминаніями изъ своей жизни Елена Ивановна рассказала о Старцѣ Антоніи Муромскомъ, слѣномъ, достигшемъ большаго совершенства въ духовной жизни. «Однажды мы были въ нашемъ Дивѣвскомъ домѣ», — говорила Елена Ивановна, — «и я сильно захворала (у меня была грудница). Николай Александровичъ рѣшился ѣхать въ Ардатовъ показать меня доктору. Мы поѣхали. Выхавъ въ городъ и проѣзжая мимо дома одной знакомой барыни, мы увидали её въ окно. Она просила насъ зайти, говоря, что у нея находится Старецъ Антоній изъ Мурома, о которомъ мы много слышали. Когда мы вошли, то нашли его лежащимъ (онъ былъ слѣной): онъ началъ говорить много съ Николаемъ Александровичемъ. Во время разговора я, видя, что у него на рукѣ надѣтъ чулокъ, подумала: для чего онъ его надѣтъ? Какъ вдругъ, отвѣчая на мою мысль, онъ сказалъ: «Это, матушка, я надѣлъ потому, что рука болитъ». Бесѣда его съ Николаемъ Александровичемъ была очень продолжительная и стало ужъ смеркаться. Николай Александровичъ и я стали собираться домой. Вдругъ Старецъ Антоній поднялся, взявъ свою тяжелую желѣзную шапку, которую носилъ много лѣтъ, и этой шапкой три раза перекрестилъ мнѣ грудь со словами: «Коснись благодать Божія рабы Божіей Елены», и такъ сильно зацѣпилъ мнѣ за большую грудь, что у меня, какъ говорится, искры посыпались изъ глазъ. Распростившись, мы сѣли въ повозку, и Николай Александровичъ велѣлъ ѣхать обратно домой, говоря, что теперь уже поздно, а завтра побдемъ пораньше къ доктору. Приѣхавъ домой, я хотѣла было перевязать большую грудь, но, къ моему удивленію и всѣхъ домашнихъ, я не нашла и слѣдовъ болѣзни».

Отецъ Антоній просилъ казначею Ардатовскаго Покровскаго монастыря Устинью Андреевну, впоследствии Игуменью Серафиму, чтобы она взяла его жить въ монастырь, въ новую келлію. «Извольте,— отвѣтила она, — я вамъ построю келлію на огородѣ нашемъ!» «Не

торопись, — сказала ей Старецъ, — я поживу пока у Вѣры! Когда святые ворота доложатъ, я тогда переѣду къ тебѣ на новоселье, а теперь стучать, а я не люблю стука!» Вскорѣ послѣ этого разговора пришелъ къ Отцу Антонію протоіерей Покровскаго монастыря О. Симеонъ, чтобы проститься по случаю отъѣзда на Выксенскій заводъ, по благочинію его. Отецъ Антоній, обратясь къ г-жѣ Лихутинѣ при этомъ протоіерей, сказалъ: «Вѣра, когда я умру, похорони меня въ монастырѣ!» Потомъ онъ спросилъ Отца Симеона, согласится ли онъ похоронить его въ монастырѣ. «Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ протоіерей, — если только Вѣра Михайловна согласится внести 10 рублей серебромъ въ монастырскую церковь!» Лихутина, конечно, съ радостью обѣдала всё внести, что необходимо, такъ какъ въ Ардатовѣ было запрещено хоронить въ монастырѣ и требовалось особое разрѣшеніе Святышаго Синода. Слушая этотъ разговоръ, Отецъ Антоній молча покачалъ головой, а когда О. Симеонъ ушелъ и, прощаясь съ послушникомъ Андреемъ, пожелавъ послѣднему прожить ещё 20 лѣтъ, Старецъ сказалъ: «Послѣ моей смерти онъ проживетъ 14 недѣль и два дня; въ день храмового праздника Знаменія Пресвятой Богородицы у него въ церкви отнимется языкъ, и онъ не докончитъ обѣдни и будетъ 7 дней безъ языка. Онъ теперь много общается, матушка Вѣра, когда же я умру, первый откажется хоронить меня. Но ты, ангелуша моя, попроси письмомъ архіерея, онъ дозволитъ тебѣ похоронить меня около церкви монастырской, а ты, матушка, много не трай, у тебя дѣти». Въ эти слова Отца Антонія сбылись: преосвященный Іеремія разрѣшилъ его хоронить, а О. Симеонъ былъ лишенъ языка въ церкви, въ день праздника Знаменія Божіей Матери, во время благословенія народа чашей Св. Таинъ, и 7 дней прожилъ безъ языка.

7. ПРАВЕДНЫЕ МАРІЯ И АНАСТАСІЯ

Одно время Отецъ Антоній жилъ въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ въ городѣ Ардатовѣ. Этотъ монастырь возникъ всецѣло по молитвенному руководству Преп. Серафима. Въ немъ сохранился небольшой флигелъ, гдѣ нѣкоторое время жила О. Антоній и духовно руководилъ сестеръ обители къ духовному совершенству. Подъ его старческимъ благодатнымъ воздѣйствіемъ нѣкоторыя достигли подлинной святости. Нѣкоторыя свидѣнія имѣются о праведной Монахинѣ Маріи.

Ещё въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ крестьянка Матрона приходила къ Старицу. Черезъ маленькія темныя сѣни въ небольшую келлію съ однимъ окошкомъ ступала она съ душевнымъ трепетомъ, дабы предстать предъ святымъ угодникомъ Божіимъ. Въ келліи теплились лампы



Блаженная Афанасія Логачева.

Игуменя Ардатовскаго
монастыря М. Тарасія.Сестры Свято-Покровской
обители 19-го вѣка.

предъ образами. Около стѣны слѣва стоялъ деревянный диванчикъ, рядомъ — столикъ и нѣсколько стульевъ. Съ правой стороны — столъ, на которомъ лежали вещи Старца. Послѣ смерти Старца тутъ же хранилась его желѣзная шапка, т.е. клобукъ (до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка).

Дѣвица, отъ всей души стремясь къ духовной жизни, ждала совѣта и благословенія на поступленіе въ монастырь. Это было ещё при первоначальницѣ Вѣрѣ. Отець Антоній, выслушавъ Матрону сказать: «Что тебѣ сказать, Матронушка! Вотъ даю тебѣ правило, живи такъ; никому изъ людей не завидуй, а довольствуйся тѣмъ, что сама имѣешь, безропотно терпи скорби и болѣзни, какія тебѣ встрѣтятся въ жизни. Въ этомъ всё твое спасеніе». Давая такое правило, Старецъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предрекъ, что въ жизни она встрѣтитъ бѣдность, скорби и болѣзни. И, дѣйствительно, прозорливый Старецъ былъ правъ въ своемъ прозрѣніи. По поступленіи въ монастырь всѣ претерпѣла смиренная духовная дочь Отца Антонія. Уже послѣ смерти Старца у неѣ обнаружился ракъ груди.

Наканунѣ неизбежной операціи всю ночь провела она въ молитвѣ къ Богородице, ходила на могилку къ своему Старцу Антонию, который по собственному желанію былъ похороненъ въ обители, и просила его молитвы. Операція прошла очень удачно, и она скоро выздоровела и къ концу своей жизни достигла высокаго духовнаго совершенства. Кончина еѣ была праведная, она слыхала ангельское пѣніе. Къ умирающей подошла одна недоразвитая «слупенькая» Пелагія, горько заплакала и сказала: «Матушка, возьми меня съ собой подъ правое крылышко». Больная только сказала: «Буду молиться». Въ 12 часовъ ночи съ улыбающимся лицомъ со словами «Царица Небесная» она предала

свой духъ Богу. Дѣвица же Пелагія скончалась въ девятый день по смерти праведной Монахини Марин и похоронена въ одной могилѣ съ ней по правую сторону.

Другая Ардатовская праведница была Мать Афанасія (Анастасія Логачева). Когда впервые она пришла въ Муромъ къ О. Антонию, то онъ ей повелѣлъ ещё разъ сходить въ Кіево-Печерскую Лавру на поклоненіе святымъ мошамъ. Авторъ ея жизнеописанія, О. Александръ Приклонскій, со словъ самой пустынницы (большую часть своей жизни Афанасія провела въ пустынножительствѣ въ лѣсахъ, даже сибирскихъ, гдѣ и скончалась) сообщаетъ о видѣніи ей бывшемъ въ связи съ О. Антоніемъ, молившимся за неѣ въ это время. Возвращаясь домой изъ Мурома, ей стало дурно на самой дорогѣ. Она свалилась и люди думали, что она скончалась. Придя въ себя она сообщила, что съ ней случилось: «Когда я умерла, потолокъ и крыша раскрылись и двое юношей спустились ко мнѣ въ бѣлыхъ ризахъ опоясанныхъ золотыми орарами какъ у діаконовъ. Взяли они меня подъ руки и пронесли меня черезъ крышу. Передъ нами открылась дорога прямо въ церковь. Вѣнныя двери открылись сами собой, и мы вошли въ храмъ. Царскіе врата такъ же открылись, и меня ввели въ Св. алтарь, гдѣ они сдѣлали три земныхъ поклона, приложились ко кресту и Евангелію на престолѣ и приказали мнѣ сдѣлать то же. Верхъ алтарной стороны открылся, юноши поднялись и взяли меня съ собой. Передъ нами открылась, какъ бы дорога черезъ облака, по которой мы шли. Съ обѣихъ сторонъ дороги ангелоподобные юноши шли и пѣли духовные пѣсни. Я понимала ихъ, но передать не могу... Въ рукахъ у нихъ были свѣчи. Затѣмъ передъ нами открылось поле, покрытое золотыми садами. Въ сторонѣ отъ

этого поля виднѣлся огромный домъ со многими трубами, безъ оконъ, изъ каждой трубы дѣтскіе ручки высовывались. «Что это?» — спросила я у юношей, меня сопровождавшихъ. «Въ этомъ домѣ», — они отвѣтили, — «находятся души мертвыхъ дѣтей не крещенныхъ, которые, хотя не испытываютъ мученій, однако лишены свѣта. Поднявъ ручки, они вопрошаютъ, скоро ли будетъ 2-ое пришествіе Христово, ибо послѣ того ихъ участь исправится». Тогда мы подошли къ морю, по которому, какъ по сушѣ мы перешли. Справа я замѣтила роскошные сады; въ деревьяхъ сидѣли райскія птицы и великолѣпно расцвѣли. А нальво было видно темное ущелье, гдѣ темные и черные люди толпились терзаемые ангелами. Были слышны поби и вопли избиваемыхъ»... * Племянникъ самой Афанасіи Павелъ Логачевъ, специально прїѣзжалъ изъ Кудля, что бы записать. Мать Афанасія скончалась праведницей уже послѣ кончины О. Антонія.

8. КОНЕЦЪ СТРАННИЧЕСТВА ЗЕМНАГО

Дня черезъ четыре, передъ смертью Отца Антонія, пришла къ нему казначья Покровскаго монастыря и стала просить благословенія ѣхать въ Нижній къ архіерею, такъ какъ Пресвященный Іеремія только что прибылъ и вступилъ въ правленіе епархіей. «Поѣзжай съ Господомъ», — отвѣтилъ Отецъ Антоній, — онъ приметъ тебя, какъ отецъ. Но помни, матушка, что я къ тебѣ перейду жить безъ тебя. А къ будущей Пасхѣ къ вамъ привезутъ въ монастырь колоколъ, который вамъ ничего не будетъ стоить. Онъ дивно будетъ перевезенъ черезъ Оку». Слова его исполнились, и колоколъ былъ привезенъ на страстной недѣль, когда уже тронулся ледъ.

За пять дней до своей смерти Отецъ Антоній пожелалъ собороваться и самъ стоялъ во время таинства на ногахъ и подпѣвалъ клироснымъ монахинямъ. На другой день послѣ соборованія онъ приказалъ разбудить Лихутину рано и сказалъ ей: «Теперь еще рано, рано, ангелуша моя, я боюсь, чтобы ты не кушала что-нибудь сегодня. Ты не кушай, вѣдь нынѣ пятница Успенія Божіей Матери».



Ардатовъ Знаменскій храмъ сегодня.

«Я готова была исполнять его приказаніе за его молитвы, — пишетъ г-жа Лихутина, — и поговѣла. Отецъ Антоній заставилъ меня читать акаонысты Иисусу, Богородицѣ, Великому ченицѣ Варварѣ, Николаю Чудотворцу, «Утоли моя печали» Божіей Матери и каѣннику въ Псалтири. Потомъ велѣлъ мнѣ перестать читать и сталъ говорить. Онъ давалъ мнѣ духовные совѣты, предупреждалъ во всемъ меня и запретилъ мнѣ танцевать. (Мнѣ было 25 лѣтъ, и я очень любила танцевать). «Вѣра, — сказалъ онъ мнѣ, — если ты будешь танцевать, то мы съ тобой будемъ судиться въ будущемъ». Я только спросила его, какъ же мнѣ не учить танцевать дѣтей? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Дѣтей учи, а сама не танцуй». По окончаніи нашего разговора Отецъ Антоній призвалъ къ себѣ монахъ дѣтей, благословилъ ихъ, сдѣлалъ разныя предсказанія, а старшему сыну Ивану отдалъ свою желѣзную шапку. Когда дѣти ушли и онъ остался со мною наединѣ, то сказали: «Послушай, послѣдній день я говорю съ тобою! Я просилъ Царицу Небесную, чтобы у меня на три дня до смерти отнялся языкъ. Теперь я все болтаю, а тогда стану лежать нѣмъ, какъ рыба. Въ день Успенія Божіей Матери будетъ мнѣ ршеніе, и я помру въ третій колоколъ, какъ ударятъ ко всенощной въ монастырь, и тогда ты вели выставить все рамы, а то тебе душно будетъ, моя матушка; народу много найдеть глядѣть на Антонія-грошовника, какъ будетъ помирать онъ».

Въ эту минуту вошла къ Отцу Антонію моя горничная Лукерья просить благословенія идти на исповѣдь. Старецъ всталъ за нею на молитву. Тогда я сказала ему: «Вотъ, батюшка, ты за нею молишься, а я горюю и намѣрена пріобщиться въ день Успенія Божіей Матери, а ты хочешь умереть въ этотъ день! Кто же станетъ молиться за меня, грѣшную?! Ты любишь меня меньше ихъ!» Мнѣ стало грустно, и я заплакала. Отецъ Антоній взялъ мою голову, положилъ себѣ на грудь и произнесъ: «Вѣра, Вѣра! Если бы ты могла знать, какъ я люблю тебя! Теперь я молюсь браннымъ тѣломъ моимъ, а тогда пойду молиться за тебя ко Господу лицомъ къ лицу!» Затѣмъ, обратясь къ образу Спасителя, онъ продолжалъ: «Господи! Если ей назначена вѣчная мука, то пошли меня, Царь Небесный, вмѣсто нея!!!» Потомъ сталъ молиться за весь домъ мой. По окончаніи молитвы онъ сказалъ

* *Blessed Athanasia and the Desert Ideal*, by Fr. Alexander Priklosky, Platina, California, 1993 (съ англійскаго перевода).

миѣ: «Когда тебѣ будетъ скучно, матушка, то ты уйди въ уголокъ и тихи голосокъ ко Господу, пой молитву: «Молитву пролию ко Господу и Тому возвыщу печали моя» и т.д.

Отецъ Антоній открылъ миѣ, что онъ тайный схимонахъ, ему дано имя Арсеній, былъ постриженъ курскимъ Преосвященнымъ, и отдалъ миѣ въ руки мантю и схиму. Только онъ передалъ миѣ всё это и я успѣла войти въ свой домъ, какъ приближалась за мной дѣвушка Авдотья, которая прислуживала ему, по личному выбору изъ всѣхъ людей моихъ, и сообщила, что батюшкѣ дурно, онъ упалъ на постель и не можетъ выговорить слова. Я же знала впередъ, что будетъ, такъ какъ Отецъ Антоній самъ миѣ всё сказалъ. Вхожу къ нему и вижу его лежащаго безмолвно... Подхожу къ нему и говорю: «Батюшка, вставай, помолимся!»

Онъ сейчасъ же всталъ, но былъ блѣдный. Я его спросила: не послать ли за священникомъ, чтобы его причастить? Онъ миѣ отвѣтилъ на ухо: «Хорошо... скорѣй!» Такъ какъ его духовника не было въ городѣ, ибо онъ уѣхалъ по благочинію, то я послала за своимъ духовникомъ, Иваномъ Осиповичемъ Смирновымъ, который у Отца Антонія никогда не былъ, потому что ему не вѣрилъ.

Теперь же, придя по обязанности исповѣдника, онъ думалъ, что ему придется получить вмѣсто отвѣтовъ знаки, и началъ читать молитву передъ исповѣдію, когда же окончилъ, мы вышли въ сѣни. И что же? Батюшка ему всё сказалъ про его собственную жизнь, болѣзни и что жена его и дѣти умрутъ, а дочери будутъ въ монастырѣ. Онъ вѣшеть къ намъ со слезами и послѣ передалъ весь разговоръ свой съ Отцомъ Антоніемъ. Предсказанія исполнились, ибо жена умерла, дочери поступили въ Ардаговскій Покровскій монастырь, а самъ онъ болѣлъ 8 мѣсяцевъ ногами».

Такимъ образомъ Отецъ Антоній приобщился, и на другой день самъ пожелалъ вторично приобщиться обѣденными дарами, послѣ чего не кушала уже пищи и не пилъ даже воды. Четыре дня онъ прожилъ въ полной памяти, но безъ языка. Когда онъ сталъ отходить, г-жа Лихутина пошла въ церковь, такъ какъ въ соборѣ служили вечерню. Она подошла къ протоіерею О. Симеону и спросила, какъ

одѣтъ Отца Антонія, такъ какъ онъ тайный схимонахъ? О. Симеонъ сказалъ, что если она его одѣнетъ въ схиму, то онъ не станетъ хоронить, и что только въ угѣшеніе онъ говорилъ Старцу, что похоронить его въ монастырѣ, но это невозможно. Лихутина объяснила, что Отецъ Антоній впередъ зналъ всё и не повѣрилъ его словамъ.

«Я воротилась со скорбію на душѣ моей; подхожу къ умирающему Старцу и говорю ему, что всё данное миѣ имъ на руки я зашью въ подушку и положу ему въ гробъ подъ голову. Онъ всё слушалъ молча. Я стала читать акаѣистъ Иисусу, Богородицѣ, молитву Нифонту Цареградскому, и, когда ударили въ третій колоколъ въ монастырѣ, онъ тихо и незамѣтно перешелъ въ вѣчную жизнь. Онъ скончался на 89-омъ году отъ рожденія въ 1851-омъ году, 15 августа, въ день Успенія Божіей Матери. Я его одѣла во всё монашеское и положила схиму въ подушку подъ голову».

Съ разрѣшенія Епископа Іеремія онъ былъ погребенъ по собственному желанію, близъ церкви, напротивъ оконъ прибыла Великомученицы Варвары, въ Ардаговскомъ Покровскомъ монастырѣ. На могилѣ лежитъ чугунная плита съ надписью его лѣтъ и дня кончины... («Дивѣвская» Лѣтопись», 1903 г.) Останки его почитаютъ въ предѣлахъ св. обители, о которой другъ его, Преп. Серафимъ, лично заботился, духовно благословляя и пророчествами охраняя долго послѣ своей кончины...
Въ колоколъ, навѣрно, ужъ давно тамъ больше не ударяютъ... Да жива ли еще память о немъ?
Въ древнемъ Муромѣ, у широкаго сѣраго разлива, храмы совсѣмъ осепаются и стоятъ пустыми... Нѣкоторые превращены въ склады. А Свято-Николасвская, всё ещё розовая, церковь, что на самомъ обрывѣ, будто вотъ-вотъ сейчасъ улетитъ ввысь — нынѣ курятинки!.. Въ памяти проходитъ сонмъ Муромскихъ святыхъ, завершаясь смиреннымъ слѣпцомъ, ушедшимъ на вѣки изъ нашего бреннаго міра... И такъ и слышишь, какъ Лихутина оплакиваетъ неосиусемо дорогое и нашему сердцу: «...Утоли наша печали... Утоли болѣзни многовоздыхающія души моея, Утолившая всяку слезу отъ лица земли, Ты бо человѣкомъ болѣзни оттоணிши и грѣшнымъ скорби разрушаеши: Тебѣ бо



Муромъ: Воскресенскій монастырь на берегу рѣки въ 1954 г.

вси стяжамъ надежду и утверждение, Пресвятая Мати Дѣво». «Радуися, Радосте наша, избави насъ отъ всякаго зла и утоли наша печали... Не глушайся мене, сквернаго, въ дерзновенномъ молении недостойныхъ устъ моихъ, и молотъ угаси ми пламень грѣховный и ороси покаяніемъ изсохшее сердце мое отъ мрака грѣховнаго...»

Семинаристъ Глѣбъ Подмошенскій
1961

9. 40 ЛѢТЬ СПУСТЯ

Прошло 150 лѣтъ со дня блаженной кончины великаго молитвенника передъ Богомъ за Русскій народъ, который, вставъ на дыбы противъ Бога, посягнувъ на Его достоиніе, разрушеніе домовъ Божіихъ и убійствомъ Его служителей. Всё это было предвидѣно Преп. Серафимомъ и передано преданному своему «службѣ» Мотовилкову, который и записалъ, и это было известно русскому народу, который въ общій одержимости, не послушавъ Богооткровенное пророчество Преподобнаго и извергъ Русь въ пропасть, изъ которой по сей день Россіи трудно выкарабкаться. Сорокъ лѣтъ тому назадъ казалось всё безнадежно, выхода нѣтъ. Начали просвѣщать Западъ, дабы спасти человечество отъ Коммунистической заразы, ибо на Западъ она родилась какъ естественное послѣдствіе Апостасіи. И они приняли, и Добрая вѣсть о Преп. Серафимѣ начала распространяться по лицу земли, хотя и незаметно.

Теперь Коммунизмъ себя изжилъ, оставивъ скверну по всей Руси. Надо собирать камни прошлаго и отстранять и отмаливать сѣ у Бога, что бы НЕ ПОВТОРИЛОСЬ. Ради этого стоитъ снова привести тѣ пророческіе слова Преп. Серафима, которые онъ намъ оставилъ въ назиданіе. Они особенно уместны сейчасъ, когда Россія начинаетъ свободно смѣряться на вещи такъ какъ они есть — трезво. Чувство любви другъ къ другу ощущается въ Россіи, потаенная радость о Господѣ чувствуется въ воздухѣ. Пора увидѣть, какую небесную милость Господь послалъ Россіи въ своихъ дивныхъ угодникахъ Божіихъ, какъ Преп. Серафимъ и его другъ во Христѣ Антоній. Да и нужно очищеніе его могилки въ Ардатовскомъ Покровскомъ монастырѣ, требующемъ возобновленія святой общественной молитвы. Этого требуетъ молодое поколѣніе, жаждущее Слова Божіяго, вдохновенія и очищающей крылатой молитвы.

Вотъ что повѣдалъ Преп. Серафимъ Мотовилкову незадолго до своей кончины:

ИЗЪ РУКОПИСИ МОТОВИЛОВА ОБЪ УЧАСТИ ВЪРННЫХЪ ХРИСТІАНЪ*

Записано въ ночь съ 26-го на 27-е Октября 1844 года

Однажды я былъ въ великой скорби, помышляя, что будетъ съ нашей Православною Церковью, если современно намъ зло всё болѣе и болѣе будетъ размножаться и, будучи убѣжденъ, что Церковь наша въ крайнемъ бѣдствіи какъ отъ преумножающагося разврата по плоти, такъ равно, если только не мигомъ болѣе, отъ нечестія по духу чрезъ разсѣваемыя повсюду новѣйшими лжеумудрвателями безбожныя толки, я весьма желалъ знать, что мнѣ скажетъ о томъ Батюшка Серафимъ.

Распространившись подробно бѣдствію о святомъ пророкѣ Іліи, онъ сказалъ мнѣ на вопросъ мой, между прочимъ, слѣдующее:



Преп. Серафимъ,
единственный
улыбающийся
старый портретъ.

«Ілія Всевышній, жалуюсь Господу на Израилъ, будто онъ весь преклонилъ колѣны Ваалу, говорилъ въ молитвѣ, что ужъ только одиъ онъ, Ілія, остался върѣнъ Господу, но ужъ и его душу шуютъ изыати... Такъ что же, батюшка, отвѣчалъ ему на это Господь? — «Семь тысячъ мужей оставихъ во Израилі, иже не преклонили колѣны Ваалу». — Такъ если во Израильскомъ царствѣ, отпадшемъ отъ Іудеисаго вѣрнаго Богу царства и пришедшемъ въ совершенное развращеніе, оставалось еще семь тысячъ мужей, вѣрныхъ Господу, то что скажемъ о Россіи? Мнѣ я, что въ Израильскомъ царствѣ было тогда не болѣе трехъ миллионъ людей. А у насъ, батюшка, въ Россіи сколько теперь?»

Я отвѣчалъ: — «Около 60 мил-

ліонъ». И онъ продолжалъ:

«Въ двадцать разъ больше. Суди же самъ, сколько теперь у насъ еще обратятся вѣрныхъ Богу! Такъ-то, батюшка, такъ-то: ихже предвидѣе, сихъ и предызбра; ихже предызбра, сихъ и предустави; ихже предустави, сихъ и блгодѣтъ, сихъ и прославятъ. Такъ о чѣмъ же увѣчатъ-то намъ!... Съ нами Богъ! Надѣющийся на Господа, яко гора Сионъ, и Господь окрестъ людей Своихъ... Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое отъ нынѣ и до вѣка; во дни солнце не ожжеетъ тебе, ниже луна поноитъ.»

И когда я спросилъ его, что значитъ это, къ чему говоритъ онъ мнѣ о томъ.

«Къ тому», — отвѣтствовалъ Батюшка Отецъ Серафимъ: «Чѣто такимъ-то образомъ хранитъ

*«Беседа Преп. Серафима Саровскаго о Цѣли Христіанской Жизни», Санъ Франциско, 1968.



Муromъ: Сохранившіеся мужскіе монастыри: Благовѣщенскій и Спасскій.
По этой дорожкѣ ходилъ въ Спасскій монастырь О. Антоній, медленно
и творя Иисову молитву.



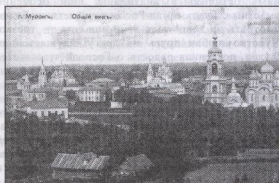
Городъ Ардаатовъ, рабочій поселокъ, хорошо
знакомый Преп. Антонію.



Ардаатовъ, одна изъ улицъ города, гдѣ Преп. Антоній
собираетъ свои грошки для бѣдныхъ или на обители.



Муromъ: Московская улица, по которой ходилъ
Преп. Антоній. *Открытка того времени.*



Муromъ, общій видъ города времени Преп. Антонія.
Открытка.



Муромъ, Ярмарка у Благовѣщенскаго монастыря
21-го Мая. Открыта.



Часовня надъ мѣстомъ, гдѣ колынопреклонно молился
Преп. Серафимъ. Была разрушена врагами Христа. Это
новопостроенная, какъ она выглядить сегодня.

Господь, яко зещу око Своего, людей Своихъ, то есть православныхъ христіанъ, любящихъ Его и всемь сердцемъ, и всею мыслию, и словомъ, и дѣломъ, день и ночь-служащихъ Ему. А таковыи — христіанце всецѣло въ уставы, догматы и преданія нашей Восточной Церкви Вселенской и устнами исповѣдающе благочестіе, ея преданное и на дѣль во всехъ случаяхъ жизни творящие по свѣтымъ заповѣдямъ Господа нашего Исуса Христа».

Въ подтвержденіе же того, что ещѣ много на земль Русской осталосъ аврнхъ Господу нашему Исусу Христу, православно и благочестно живущихъ, Батюшка Отець Серафимъ сказалъ некогда одному знакомому моему: — то ли Отцу Гурію, бывшему гостиннику Саровскому, то ли Отцу Симеону, хозяину Масличенскаго двора, — что однажды, бывъ въ духъ, видѣль отъ всю землю Русскую, и была она исполнена и, какъ бы, покрыта дымомъ молитвъ аврующихся, молящихся ко Господу...

Въ одной изъ бесѣдъ своихъ съ Мотовиловымъ Преподобный Серафимъ, говоря о духовномъ состояніи послѣднихъ христіанъ, оставшихся вѣрными Богу предъ концомъ міра, повѣдалъ нѣчто весьма важное на подкрѣлку остатку исповѣдниковъ Христовыхъ:

«И во дни той великой скорби, о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы, избранныхъ ради, не сократились оныя дни, въ тѣ дни остатку вѣрныхъ предстоитъ испытать на себѣ нѣчто подобное тому, что было испытано некогда Самимъ Господомъ, когда Онъ, на крестѣ всия, будучи совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ Человѣкомъ, почувствовалъ Себя Своимъ Божествомъ настолько оставленнымъ, что возопилъ къ Нему: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ? — Подобное же оставленіе человечества Благодатію Божіею должны испытать на себѣ и послѣдніе христіане, но только лишь на самое

короткое время, по минованіи коего не умѣлеть вслѣдъ явиться Господь во всей славъ Своей и вси Святіи Ангели съ Нимъ. И тогда совершится во всей полнотѣ всё отъ вѣка предопределенное въ Предвѣчномъ Совѣтѣ».

(Изъ книги С.А. Нилуса «Близъ есть пріи дверехъ» Изд. 191)

ИСТОЧНИКИ:

1. Л.И. Денисовъ: «Житіе Преп. Серафима Саровск.», Москва, 1904.
2. Архим. Серафимъ Чичаговъ: «Дивѣвская Лѣтопись». 1903.
3. Епископъ Никодимъ Белгородскій: «Жизнеописанія Подвижниковъ Благочестія 18 и 19 Вѣкомъ». Москва, 1906-1910.
4. Д-ръ. А.П. Тимофѣевичъ: «Въ Гостяхъ у Преп. Серафима», Св. Троицк. Монастырь, 1912.
5. Marie Noele Kelly: "Mirror to Russia," County Limited, London, 1952.
6. «Бесѣда Преп. Серафима Саровскаго о Цѣли Христіанской Жизни», Санъ Франциско, 1968.
7. «Ардатовскій Покровскій Женскій Монастырь», Нижній Новгородъ, 1906.
8. "Blessed Athanasia and the Desert Ideal," by Fr. Alexander Priklonsky, 1912 in Platina, California, 1993.

Дай Богъ, чтобы подобная часовня была построена юными насѣльниками бывшей обители надъ самой могиллой Преп. Антонія.



(Изъ книги занесен. ведомыхъ пріи павловскаго Припорожнаго Собора въ Петербургѣ)



Царственный Страстотерпец за Русь Святую,
Император Павел I.

ВѢНОКЪ НА ТРОБНИЦУ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-го 1801-2001

Прошли двѣ сотни лѣтъ со дня мученической кончины Вященосца и Страдальца за Русскую землю Павла Перваго — праведнаго императора Русской земли. Изъ-за лихихъ лѣтъ послѣдняго вѣка ничего не было собрано изъ посмертныхъ случаевъ его чудесной помощи его страждущему народу. То малое, что осталось изданнымъ передъ самой грозой, вытравившей смести съ лица земли саму Русь Православную, найдено нами въ архивахъ, въ послѣдній день его юбилейнаго года. Эту рѣдчайшую брошюру, появившуюся въ 1916 году, печатаемъ ниже и просимъ дорогаго читателя помннуть его святое имя въ своихъ молитвахъ, да услышитъ Господь мольбу Своего вѣрнаго Святורусскаго Монарха и поможетъ Россіи современной стать на Правый Путь, ибо со всехъ сторонъ дуютъ оживляющіе вѣтра, направляя на исконно вѣрный путь нашъ Святोरусскій корабль къ вѣчному его назначенію.

«Поистинѣ нѣтъ ни утѣшенія, ни подкрѣпленія иного, кромѣ того, котораго ищемъ мы въ Богѣ» (1 Декабря 1785 г.). «Нѣтъ изрѣченій, довольныхъ благодарности моея предъ Богомъ, и силы мои слабы заслужить

Его милости».
(5 Февраля 1786 г.).*

1. ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

ИЗДРЕВЛЕ, почти со времени самой кончины Благочестивѣйшаго Государя Императора Павла I Петровича (12 Марта 1801 г.), многіе люди разныхъ классовъ, положеній, званій и состояній приходили въ Петропавловскій соборъ (усыпальницу Русскихъ Государей и всей Царской фамиліи) и просили священниковъ собора служить панихиды при гробницѣ Императора Павла I, повѣствуя иногда при этомъ о случаяхъ заступленія и помощи — послѣ молитвы по Императорѣ Павлѣ I —

*Изъ писемъ Цесаревича Павла Петровича къ Митрополиту Платону, бывшему его наставнику въ Законахъ Божіихъ.

Русскій архивъ, 1887, ч. 2, стр. 42 и 43. Изданіе 2-е (съ предисловіемъ). Петроградъ, Изданіе Петропавловскаго Придворнаго Собора, 1916. Отъ Петроградскаго Духовнаго Цепзурнаго Комитета печатать дозволяется 19 Февраля 1916 г. Цепзуръ архимандритъ Неофитъ.

со стороны Его въ разныхъ тяжелыхъ жизненныхъ обстоятельствахъ, особенно въ дѣлахъ тѣлесныхъ и судебныхъ, при явно наносимыхъ обидахъ со стороны сильныхъ слабымъ. Иногда присылались письма изъ разныхъ мѣстностей Россіи съ просьбой отслужить панихиду при гробницѣ Императора Павла I. И нынѣ присылаютъ. Въ послѣдніе годы паломничество къ этой гробницѣ увеличилось, — и не проходитъ почти ни одной недѣли (въ 1911, 1912 и 1913 годахъ), въ которую бы никто не обращался съ просеніемъ о служеніи панихиды по Императорѣ Павлѣ I. А съ Декабря 1913 года стали особенно много ставить свѣчей на гробницу Его. Панихиды почти ежедневны, а иногда — по нѣскольку. Все это побудило причтъ собора по возможности опрашивать молящихся при гробницѣ Императора Павла I: 1) давно ли они молятся? 2) по какимъ побужденіямъ? 3) видятъ ли блага послѣдствія своихъ молитвъ, — и все эти свѣдѣнія записывать» (Изъ книги записей, ведомыхъ причтмъ Петропавловскаго Придворнаго Собора въ Петроградѣ).

помощи; Петербургскій мастеровой свидѣтельствуеъ, что онъ въ Новгородѣ обрѣлъ вѣру, что Императоръ помогаетъ въ душевной скорби; вотъ торговакъ изъ Холмогорскаго уѣзда Архангельской губернии: 15 лѣтъ тому назадъ она по совѣту близкихъ прѣѣхала помолитися у гробницы Павла I передъ началомъ своего дѣла и теперь дѣлаетъ это каждый разъ, какъ прѣѣхаетъ въ Петроградъ; а вотъ дама со старинной громкой фамиліей свидѣтельствуеъ, что всѣ ея родичи издавна чтутъ память Павла I и, особенно въ трудныя минуты жизни, считаютъ долгомъ помолитися на его могилѣ; вотъ разсказъ жителя Тобольска, вотъ крестьянка Рязанской губернии...

Всѣ они пришли къ могилѣ любвеобильнаго царя, слава котораго свѣтится во всѣхъ концахъ Россіи. И житель Пскова передаетъ о чудной молвѣ жителю Москвы.

Если небеса повѣдываютъ славу Божію, то тѣмъ болѣе поражаетъ душу человѣческую и къ Богу приводитъ та власть, которою Господь надѣлилъ Своего помазанника по его смерти.

Извѣстный лекторъ В.П.Б. повѣдалъ причту собора о томъ, какъ переѣнилось сердце жестокаго человѣка за 2-3 часа времени. Тотъ самый человѣкъ, который только что глумился надъ вдовою, пришедшею къ нему получить деньги, данныя ему въ долгъ покойнымъ съ мужемъ безъ росписки, «на слово», черезъ 3 часа умоляетъ еѣ прѣѣхать къ нему за получениемъ 10.000 руб. сполна. А вѣдь вдова только и сдѣлала, что по совѣту своей старой служанки поѣхала плакать у гробницы Павла I. Да и что оставалось ей, въ самомъ дѣлѣ?

Вотъ Игуменя Б. монастыря С. губернии свидѣтельствуеъ причту собора, что лѣтъ 27-28 тому назадъ Императоръ Павелъ I явился ей во снѣ съ двумя придворными и обѣщалъ помочь ей въ нуждахъ ея убогой обители, и что, дѣйствительно, черезъ 2 дня сдѣлано было въ монастырь пожертваніе въ 25.000 руб.

Вотъ двѣ содержательницы учебнаго заведенія для дѣвочекъ, получившія совершенно неожиданно «поддержку ихъ бюджета» на другой день, какъ онѣ, тоже по совѣту, отелужили панихиду у гробницы; вотъ и жена капитана I ранга, уже испытывавшая помощь въ своихъ дѣлахъ послѣ крѣпкой молитвы у гробницы и теперь постоянно прибѣгающая къ ней въ трудныхъ случаяхъ своей жизни.

Много есть такихъ записей о случаяхъ помощи, поданной Императоромъ Павломъ; много ихъ передается изъ устъ въ уста. Но и того, что выше пересказано, думается, достаточно, чтобы поколебать сердце невѣрующаго и возрадовать сердце добраго христіанина. Къ тѣмъ же, кто испыталъ на себѣ помощь присно помимаемаго Императора, обращается покорнѣйшая просьба

сообщить объ этихъ случаяхъ причту Петропавловскаго Придворнаго Собора (который съ любовью приметъ такія извѣстія).



3. СРЕДИ ЦАРСКИХЪ ГРОБНИЦЪ

Молва народная, чудесная,
Вела меня чрезъ мостъ Невы.
Курантовъ голось поднебесный
Купался въ даяхъ синевы.
Широкой, ледяною лентой
Легла недвижная рѣка.
Отъ бронзоваго монумента
Тянулася къ сѣверу рука, —
Рука Царя, любимица Славы,
На символическомъ кофѣ,
Заставшемъ — тамъ, гдѣ златоглавыи
Исаикъ виситъ въ огнѣ...
На звоиъ курантовъ отдаленный,
Влекомый чудною молвой,
Я, въ размышленья погруженный,
Шель, чтобъ склониться головою
У императорской гробницы,
Отмѣченной огнемъ свѣчей,
Возжженныхъ на гробницѣ сей
Усердьемъ жителей столицы.



Отъ одного къ другому
Идетъ молва.
И въ избы, и въ хоромы
Проникла вѣсть одна:
Какую даль награду
Господь Царю!
Благая вѣсть отраду
Влила и въ жизнь мою.



Владимиръ Вишняковъ
29 Января, 1916 г.

У двери Свѣрной собора
Увидишь свѣчи на гробу,
Въ какую бь ни пришелъ ты пору —
Хотя бы рано поутру.
У саркофаговъ величаво
Застыли пальмы и венки.
Но на одномъ — имбуоть право
Зажечь вѣсь воскъ своей свѣчи.
Прошло столѣтье — освѣтился
Гробъ бѣломраморный царя.
Съ Нимъ духъ народный породнился,
Душой Онъ чистъ былъ — и сравнился
Теперь съ слугами алтаря.



Вы свѣчи къ гробу Филарета
Несете в Лаврѣ, подь Москвой;
А здѣсь мы ставимъ ихъ — на эту
Гробницу, съ вѣрою святой.
Ты не разыскивай въ соборѣ
Еѣ посереди гробницъ.
Найдешь еѣ при первомъ взорѣ:
Она — какъ голубьъ среди орлицъ.
Величье власти отражаетъ
Холодный мраморъ отъ себя.
А та гробница такъ сияетъ,
Что можно думать — почиваетъ
Святого прахъ, а не царя.



По Геніи почившемъ — снова
Продлился на небѣ перезвонъ
О брѣнности всего земного,
О перемѣнности времени,
Когда я подходилъ ко храму,
Оберегающему прахъ земной
Царя, на лонѣ Авраама
Обрѣтшаго душѣ покой.



Соборъ Петровскій, одноглавый,
Высокій, горделивый шпиль.
Внутри — колонны, величавый
Рядъ бѣлыхъ мраморныхъ гробницъ.
Съ невольной робостью ступая
Я проходилъ межъ ихъ рядовъ.
Горятъ лампады, не мигая;
Сплошные стѣны изъ вѣнковъ;
Осьмиконечный, православный
Лежить на каждой изъ гробницъ
Крестъ, освѣяющій вѣхъ равно,
Царей, ...убогихъ и вдовъ.
И вотъ, открылся мнѣ для взора
Ковчегъ пылающихъ свѣчей —
При полусумракѣ собора
Рядъ несмежаемыхъ очей!
Огни. Огни. Нелицемернымъ
Усердьемъ преданныхъ сердецъ
Они пылали — въ символъ вѣры,
Что въ жизни кто страдалъ безмерно,
Тому даруетъ Богъ вѣнецъ.



При выходѣ въ курантномъ звонѣ
Переливались голоса
О Славіи Божьей, о Сионѣ
И объ отшедшихъ въ небеса.



НА ГРОБЪ ИМПЕРАТОРА

Вотъ ужъ годъ, какъ я не былъ у гроба
Императора Павла. Спѣша,
Я шаги ускорялъ, чтобы снова
Тамъ нашла возрожденне душа.
Вотъ гробницу вдвали за столбами
Увидаль я сквозь сумракъ дневной.
Бѣлый мраморъ, согрѣтый огнями,
Звалъ къ молитвѣ своей теплотой.
Я поставилъ свѣчу на гробницѣ,
Утвердивъ среди многихъ свѣчей, —
Счастливы Ты, что къ Тебѣ верницей
Идутъ люди со скорбью своей!
Колебался молитвенный пламень,
Застывалъ воскъ слезой на краю —
Какъ Ты принялъ свѣчу на Своей камени,
Такъ — услышь меня въ свѣтломъ Раю!

Въ панихидныхъ словахъ поминались
 Повелитель земной и рабы —
 Много слезъ здѣсь людьми проливалось
 Прель Тобою подъ шёпотъ мольбы!
 Струйка лада. Тихое пѣнье
 «Вѣчной памяти». Вотъ и конецъ —
 Многимъ подать Ты здѣсь облегченье,
 Смывь молитвою горь съ сердца!
 Съ сожаленьемъ покинувъ тотъ уголь,
 Гдѣ лежитъ Императоръ въ землѣ,
 Я — дорогою — шель и всё думалъ,
 Какъ Онъ счастливъ въ небесномъ Кремлѣ.



ПАВЛУ ПЕРВОМУ

Свѣтозарный, далекий и благостный,
 Для порфиры рожденный земной,
 Нынѣ житель Обители радостной, —
 Ты къ намъ сходишь небесной тропой
 Утирать слезы бѣднымъ, обиженнымъ,
 Помогать людямъ щедрой рукой.
 Ты къ намъ небо содлалъ приближеннымъ
 У могилы Своей дорогой.
 Притекаемъ мы къ ней убоженными,
 Что здѣсь ближе мы будемъ къ Тебѣ.
 Пусть уйдемъ отъ нея возрожденными —
 Отъ небесныхъ дверей на землѣ.
 Дай душевный миръ міру мятежному,
 Облегчай людямъ жребій земной!
 Намъ, плывущимъ по морю безбрежному,
 Пребывая путеводной звѣздой!



Взамѣнь брилліантовой короны
 Тебѣ далъ Богъ вѣнецъ безцѣнный;
 Но и въ Раю земные стоны
 Къ тебѣ доходятъ неизменно.
 Приемля здѣсь отъ насъ моленья,
 Ты, житель горниго Сіона,
 Несешь ихъ въ Свѣтлыя сеня
 И повергаешъ тамъ у Трона.
 Ты, до блаженства съ керувимами,
 Былъ на землѣ земнорожденнымъ —
 Умилосердись надъ гонимыми,
 Спѣши помочь изнеможеннымъ.
 Мы — люди слабые, и падаетъ

Въ насъ вѣра съ каждымъ испытаніемъ —
 Зато всегда насъ въ жизни радуетъ
 На Промыслъ Божій упованіе.
 Мы познаемъ въ твоёмъ примѣрѣ
 Путь къ достиженію блаженства —
 Такъ помоги же нашей вѣрѣ,
 Разжи еѣ до совершенства.
 Грѣхъ малодушныхъ колебаній
 Въ насъ пресѣки при самомъ корнѣ.
 Побѣду намъ на полѣ брани,
 О, испроси въ Сіонѣ горнемъ!

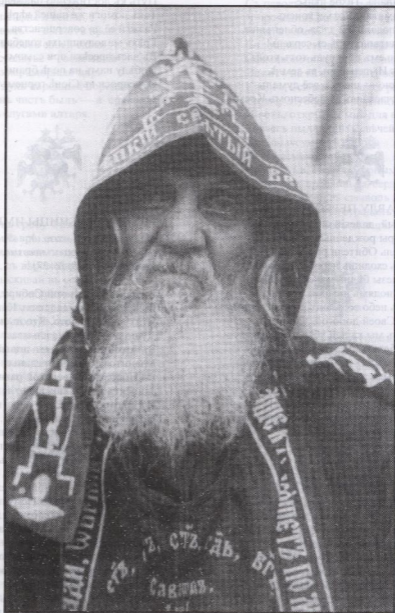


МЫСЛИ У ГРОБНИЦЫ ИМПЕРАТОРА

*Слышавшіе сіе сказали: кто же можетъ
 спасти? Но Онъ сказалъ: невозможное людямъ
 возможно Богу (Лк. 18, 26-27).*

Въ далекой-далекой Сибири,
 Въ предгорьяхъ далекихъ Кавказа —
 Чтять память Того, Кто въ порфирѣ
 Душою былъ чище алмаза.
 Въ Архангельскѣ свято почитѣ
 Хранится о Павлѣ преданье.
 Въ Поволжской великой равнинѣ
 Заносятъ Его въ поминанья.
 И Новгородъ знаетъ о царственномъ сынѣ,
 Носившемъ душевныя раны.
 Чтять память его и въ пустынѣ
 Привольныхъ степей Туркестана.
 Проникла въ глухую обитель
 Молва о заступникѣ новомъ.
 Москвы блококаменной житель
 И житель стариннаго Пскова —
 Чтять равно почившаго имя,
 Христова раба и земного владыки...
 Какими делами своими
 Стяжалъ Онъ сей жребій великій?
 Отъ глаза людского сокрытой
 Унесъ эту тайну въ могилу
 Царь Павелъ — подъ камень, обвитый
 Молитвеннымъ дымомъ кадила.
 На мраморѣ бѣломъ, холодномъ.
 Пылаютъ возженныя свѣчи...
 И всюду молвою народной
 О Павлѣ возносятся рѣчи.

Владиміръ Вишняков
 29 Янв. 1916 г.



Схинонахъ Михаилъ

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГІЯ

ПОЛНЫЙ Валаамскій Пятерикъ

Схимонахъ Михаилъ

Ново-Валаамскій и Харбинскій въ Сибири

Память 27-го Января 1939

Когда-то прекрасный духовный писатель Сергій Нидусъ, сидя «На Берегу Божьей Рѣки» Оптинской, воздыхалъ о быстро уходящихъ въ вѣчность представителяхъ старой Св. Руси, взывалъ къ русскимъ людямъ, находящимся на краю гибели, чтобы они обернулись и посмотрели на свое безымянное прошлое, оцѣнили бы свое духовное лицо, свое самознание, святорусское призваніе и Божій даръ, хранящейся въ недрахъ русской земли... Но безмалъствовалъ народъ — и упалъ въ пропасть иноплемennыхъ заблужденій.

Очарованіе обернулось трагедіей. Самъ народъ своими ногами топталъ и уничтожалъ свое благородство и подлинную красоту. Попраны и забыты были носители Духа. Память о нихъ съ вѣтромъ «духа времени» улетучилась...

Теперь народъ просыпается, какъ отъ наркоза. Пора пришла новой Св. Руси выкапывать позабытую святость, вновь распознавать героевъ Духа... Вотъ и еще одинъ праведникъ даетъ о себѣ знать. То Божій человекъ, схимонахъ Михаилъ. Пора прислушаться...

«Большее всего не бойся людей, люди всѣ одинаковы, только форма иная. Жалѣй, люби каждого. Нѣтъ любви въ мирѣ. Спѣши дѣлать добро. Время коротко».

Схимонахъ Михаилъ Харбинскій.

1. ИНОКЪ ШМАКОВСКАГО ВАЛААМА

ДУХОВНИКОМЪ покойной Игуменіи Михайлы, схимницы Ново-Дивѣвской, былъ Старецъ Михаилъ, умершій въ 107-ми лѣтнемъ возрастѣ въ Манчжуріи. Всю жизнь она была преемницей его схимы и оставила память о немъ намъ, молодому поколѣнію. Черезъ любителей благочестія мы нашли

двухъ человекъ, которые подѣлились съ нами своими воспоминаніями. Такъ мы узнали о позабытомъ праведникѣ. Отъ Схимыменіи получили портретъ Старца, сдѣланный въ 1933 году. Но ни фамиліи его, ни біографическихъ данныхъ такъ и не нашли.

Происходилъ онъ, очевидно, изъ простого крестьянскаго сословія, но въ какой части Малороссіи онъ жилъ, неизвѣстно. Принималъ

участіе въ Турецкой войнѣ, защищая родину. Сообщается, что онъ «долгіе годы монашествовалъ на Новомъ Валаамѣ — въ Шмаковскомъ Уссурійскомъ монастырѣ» («Шмаковскій» по названію ближайшаго почтового селенія, гдѣ было у обители подворье). Долгіе годы онъ тамъ не могъ быть, т.к. сама обитель была молодою: валаамскіе монахи Отцы Сергій и Германъ прибыли въ 1898 году. Но если «долгіе годы» обозначать вообще пребываніе въ монашествѣ, то, по всѣй вѣроятности, Монахъ Мелетій (будущій Схимонахъ Михаилъ) могъ именно долгіе годы подвизаться на Старомъ Валаамѣ и прибыть въ Приамурскій край вмѣстѣ съ Отцами Сергіемъ и Германомъ.

Онъ всегда отличался какъ подвижнической суровостью къ себѣ, такъ и особой гостеприимностью, тѣмъ паче, что у него было послушаніе гостинника и трудился онъ въ братской трапезной. «Любилъ Старецъ», — вспоминаютъ очевидцы, — «угостить чаемъ или монастырскимъ обѣдомъ, а при прощаніи любилъ давать въ карманъ кусочекъ монастырскаго хлѣба, т.к. много лѣтъ въ Шмаковскомъ монастырѣ онъ несъ послушаніе трапезника и черта гостеприимства осталась до глубокой старости».

Паломница М.М. Толмичева вспоминаетъ: «Кончили 3 дня монастырскаго житья. Пора домой. Гостинникъ О. Мелетій, нынѣ покойный Схимонахъ Михаилъ, умершій здѣсь въ Харбинѣ, небольшого роста, съ мягкимъ малороссійскимъ говоркомъ, добрый, по-родственному принимающій паломниковъ на гостиницѣ монастырской и руководящій ихъ въ порядкѣ обители, направлялъ къ О. Игумену Сергію «на благословеніе». Изъ этого явствуетъ теплый благостный характеръ Старца».

Жизнь въ Сибирскомъ Валаамѣ шла по примѣру Старога Валаама. Новая обитель быстро устраивалась, число братьевъ росло. Со всѣхъ сторонъ шла поддержка юной обители, сама Россія была въ роскошномъ свѣту во всѣхъ отрасляхъ. Св. Батюшка О. Іоаннъ Кронштадтскій прислалъ въ благословеніе икону Святаго Исидора, равно какъ и изъ Старога Авона шли подобныя благословенія. Климатъ былъ хорошій, но вотъ притокъ великой рѣки Амура рѣка Усури иногда страшно наводнялась и затопляла обитель, подымая уровень воды на 3 метра, что именно случилось въ 1913 году, причинивъ много бѣдствій обители и наводя страхъ.

Очевидно, съ волной бѣженцевъ, отходящихъ съ Бѣлой Арміей на Востокъ, оказался О. Мелетій въ Манчжурію, а когда въ 1924 году въ Харбинѣ открылся монастырь въ честь образа Казанской Божіей Матери, онъ присоединился къ немногочисленной братіи и подвизался тамъ, а въ 1927 году въ столѣтнемъ возрастѣ принялъ схиму. Этотъ обрядъ детально описываетъ Г. Баранова-Попова,

присвокупая воспоминаніе о своемъ личномъ съ нимъ общеніи. Изъ этихъ строкъ видно, что Старецъ проявлялъ себя какъ духовный прозорливый душевѣдѣцъ и чуткій сострадателъ къ народному горю, умѣвшій утѣшать страждущихъ, которыхъ въ то время было много — нуждающихся русскихъ на чужбинѣ. Правда, Харбинъ былъ русскій городъ, но Руси-то уже не было. А горя хлебнули дальне-восточники не мало, убывая отъ лютаго врага рода человѣческаго — безбожнаго воинствующаго кровожаднаго коммунизма.

О. Михаилъ любилъ Россію, любилъ Государя Николая II-го, сътовалъ, говоря: «Россію прекрасную, сильную Россію создавали наши правды, лѣды и отцы, а мы что сдѣдали. Мы — клятво-преступники. Мы присягали Государю Императору и затѣмъ бросили, предали его... За грѣхи наши Господь надолго отнял у насъ Родину... Мои глаза уже не увидятъ еѣ никогда...»

2. УХОДЯТЪ ИЗЪ НАШЕЙ ЖИЗНИ БОРЦЫ ЗА СВ. РУСЬ*

Уходятъ изъ этой жизни борцы за Святую Русь, покидаютъ насъ молитвенники. Рѣдкѣе ряды старой эмиграціи... Съ чувствомъ глубокой скорби мы вспоминаемъ о смерти Схимонаха Михаила изъ Богородице-Казанскаго мужскаго монастыря...

Первое наше знакомство съ нимъ (если такъ можно выразиться въ отношеніи человека, совершенно отрывнипагося отъ міра) было, когда день уже клонился къ вечеру и въ монастырѣ раздался торжественный звонъ. Мы поспѣшили въ Церковь. Народу было не особенно много, но всѣ братія была въ сборѣ и притомъ находилась въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, чувствовалась торжественность момента. Вскорѣ пришелъ О. Архимандритъ Ювеналій. Его встрѣтили, и затѣмъ, одѣвъ на него мантію, провели на амвонъ. Помолвившись у алтаря, онъ повернулся къ народу, а братія выстроилась отъ амвона до дверей храма, образовавъ посерединѣ проходъ. Двое иеромонаховъ подъ руки вывели изъ алтаря маленькаго, худенькаго Старца въ одеждѣ схимника. Это и былъ новопосвященный Схимонахъ Михаилъ. Онъ только что кончилъ своё духовное испытаніе, пробывъ положенное количество сутокъ въ алтарѣ въ строгомъ постѣ и молитвѣ. Теперь его должны были проводить въ келлію...

Провѣдя схимонаха черезъ весь строй братіи, иеромонахи поставили его передъ О. Архимандритомъ. Въ одной рукѣ у схимника была зажженная свѣча, а въ другой — небольшое Евангеліе. Здѣсь

* «Схимонахъ Михаилъ «На Молитвенную Память», *Хлѣбъ Небесный*, № 4, 1940, стр. 43-46. Приводимъ въ сокращеніи.



Крестный ход у Уссурийского Св. Троицкого Николаевского Ново-Валаамского монастыря «Шмаковского», в 1910 г.

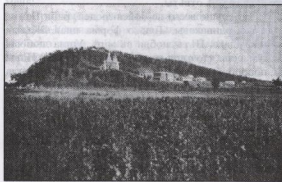
спутники оставили схимника, и онъ какъ-то трогательно буквально ухватилъ къ ногамъ своего авва.

Ря Отецъ Архимандритъ началъ говорить о великомъ подвигѣ свѣтъ схимы. Намъ запомнился конецъ его слова:

«Молись о насѣ!» — говорить онъ, — «молись о Святой Руси, молись о городѣ, въ которомъ живешь, молись о всемъ православномъ мѣрѣ. И на каждое «молись» схимникъ отвѣчалъ: «Буду молиться, святой отецъ,



Сибирскій Новый Валаам, подворье въ Шмаковѣ.



Общій видъ уссурийскаго Новаго Валаама, фото 1907 г.

помолитесь обо мнѣ грѣшномъ», — и слезы лились изъ его глазъ, и цѣловаль онъ ноги своего наставника, и падалъ головой своей на край амвона, и плечи его содрогались отъ рыданій, и было удивительно, что свѣча не гасла въ его рукѣ, когда всё тѣло его какъ бы распростиралось по полу... Вся фигура его и голосъ выражали смиреніе и послушаніе...

Всѣ присутствующіе были взволнованы. Вскорѣ раздался торжественный перезвонъ колоколовъ, и опять іеромонахи взяли подѣ руки схимника и въ сопровожденіи всей братіи, пышней тропари и

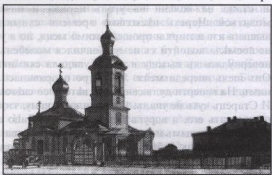
стихиры, увели его въ келлію. Закрывлась за нимъ дверь, и время отъ многихъ скрыло его, надолго...

Прошло два года... Вѣрующіе, близко стоящіе къ монастырю, стали говорить о Схимонахѣ Михаилѣ какъ о выдающемся молитвенникѣ и что Господь награждаетъ его временами даромъ прозорливости. Особенно много утѣшенія стали получать отъ него всѣ, кто скорбѣлъ. Вѣрующіе приходили къ нему за совѣтами, и если удавалось получить отъ него благословеніе на какое-нибудь дѣло, то Господь посылалъ по молитвамъ схимника успѣхъ.

Однажды въ келейники Схимонаху Михаилу Владыка Ювеналій назначилъ лицо съ высшимъ образованіемъ, только что поступившее въ монастырь. Его рассказъ о жизни этого молитвенника очень поучителенъ.

— «Онъ ничего не даетъ мнѣ дѣлать, — жаловался новый инокъ, — всегда обижается, если что-нибудь для него сдѣлаешь. Самое главное, я не знаю, когда онъ спитъ. Я совершенно выбился изъ колеи. Мнѣ кажется, что я только что легъ и забылся сномъ, и вдругъ слышу: «Что же ты спишь? Всѣ Царствіе Божіе проспинушь, дѣшннвыи рабъ!» Я срываюсь съ постели, бѣгу обмыть лицо холодной водой и съ трепетомъ смотрю на часовую стрѣлку. Она показываетъ 11 часовъ ночи. Я облегченно и разочаровано вздыхаю. Старецъ разбудилъ меня на правило... Иногда Старецъ долго молится и вдругъ запоетъ пасхальный канонъ и начинаетъ возжигать свѣчи передъ иконами. Поетъ радостно. Я вскакиваю отъ сна, начинаю пить, онъ умоляетъ и какъ-то сжигается. Присутствіе другого человѣка, очевидно, мѣшаетъ его молитвенному вдохновенію».

Много было о немъ рассказовъ поучительныхъ и утѣшительныхъ, но, какъ и всё въ этомъ несовер-



Казанскій монастырь въ Харбинѣ.

шенномъ мирѣ, ускользало отъ вниманія и предавалось забвенію...

— Бываютъ у каждого человѣка сильная переживанія отъ житейской накипи, сопровождающіеся безъисходной тоской и всевозможными неразрѣшимыми вопросами. Въ такомъ именно душевномъ состояніи я отправилась искать отвѣта на мучившіе меня вопросы къ Схимонаху Михаилу. Предупрежденная его почитателями, что онъ часто не принимаетъ лицъ, которая приходила къ нему, или же даетъ очень односложные, непонятные отвѣты, я съ большимъ волненіемъ отправилась въ монастырь.

Было 1-е Января по старому стилю. Разсчитывая, что литургія совершается Василия Великаго, я не особенно сбишла и опоздала, придя послѣ «Достойно». Это мнѣ окончательно испортило настроеніе.

Сознавая, что по своей вѣнѣ опоздала въ церковь, я уже не могла молиться съ тѣмъ усердіемъ, съ какимъ хотѣла. Всѣ мои помыслы были заняты Схимонахомъ Михаиломъ. Я боялась не замѣтить его среди массы молящихся. Но вотъ кончилась обѣдня и начался молебенъ, я увидѣла, какъ большая волна народу направилась въ лѣвый придѣлъ Архистратига Михаила, и я послѣдовала за всѣми. Здѣсь, въ этой части храма, находился Схимникъ. Къ нему подходили люди благословеніе. Пробираясь къ нему впередъ, я не помнила ничего. У меня было одно желаніе — чтобы поскорѣ получить благословеніе отъ схимника и чтобы онъ меня принялъ и выслушалъ. Подойдя къ нему вплотную, я сказала:

— «Благословите, батюшка!»

— «Богъ благословитъ!» — и онъ положилъ мнѣ руку на голову.

Я сказала ему: «Батюшка, примите меня, я хочу съ вами посоветоваться!»

— «Какіе совѣты?... Видишь, я занятъ, — теперь праздникъ. Приходи въ будни когда-нибудь». Сердце у меня упало... Я знала, что за житейской суетой врядъ ли я скоро соберусь, да и душа у меня сильно скорбѣла, и я отошла, полная невыплаканныхъ слезъ. Схимникъ ушелъ въ алтарь. Молебенъ продолжался. Я стала на колѣни въ уголокъ церкви и начала молиться. Черезъ нѣсколько времени схимникъ вышелъ изъ алтаря и прошелъ мимо меня, но я уже не посмѣла подойти къ нему. Кончился молебенъ, я повернулась къ выходу и снова увидѣла схимника. Онъ шелъ впередъ меня. Я быстро направилась за нимъ. На паперти дулъ свѣрѣлый вѣтеръ со снѣгомъ. И Старецъ чуть не упалъ. Я подошла къ нему, чтобы поддержать его, и вдругъ онъ улыбнулся. Лицо его стало прекраснымъ и кроткимъ, какъ у младенца.

— «Хочешь побесѣдовать со мной?» — вдругъ спросилъ онъ меня.

«Да, если благословите!» — отвѣтила я, радуясь. И вдругъ онъ засмѣялся.

— «Ну, пойдемъ, пойдемъ, раба Божія»... Движенія его сдѣлались быстрыми, и я едва успѣвала бѣжать за нимъ. Пришли. Онъ досталъ громадный ключъ и открылъ свою келью. Перекрестившись, я вошла со страхомъ и съ чувствомъ своей грѣховности.

Убогая, аскетическая обстановка окончательно убила во мнѣ всякую увѣренность. Деревянный столъ, ничѣмъ не покрытый, табуретъ и деревянные доски, покрытыя тонкимъ одѣяломъ, изображали кровать, вотъ и вся мебель кельи. Зато въ переднемъ углу масса было иконъ и столъ аналой съ книгами.

— «Кула же мнѣ тебя посадить?» — между тѣмъ говорилъ Старецъ: «Ну, садись на кровать!» Я села. И тутъ же подумала: «Богъ Ты мой, какъ же онъ отдыхаетъ на этихъ доскахъ? Вѣдь нѣтъ у него тѣла, а только кости. Вѣроятно, ему очень больно». Онъ улыбнулся, ласково взглянулъ на меня и началъ разспрашивать, что особенно сильно гнететъ меня. Я начала ему разсказывать всё, что мучило меня, и потекли слезы изъ глазъ моихъ, и я плакала и говорила, а казалось мнѣ, что жаловалась русская женщина, уставшая въ борьбѣ и зашедшая въ тупикъ.

Долго сидѣлъ съ понижая головой Старецъ и когда началъ говорить, то забыла я и время, и пространство. Никогда ни на одной лекціи у ученыхъ профессоръ не слыхала такихъ ясныхъ, простыхъ разясненій на вопросы о смысле жизни, о призваніи и т.д. Не успѣвала я задавать ему вопросы, какъ онъ уже давалъ мнѣ отвѣты.

— «Больше всего не бойся людей, раба Божія, люди всѣ одинаковы. Только форма иная. Жалѣй, люби каждого. Нѣтъ любви въ мирѣ. Ушла любовь! Ты думаешь, что твоя печаль самая главная? Нѣтъ! Ты попробуй загляни каждому въ душу, и тогда поймешь, что твоя печаль это — капля воды передъ океаномъ. Больше всего думай, какъ бы приносить пользу, а не вредъ для людей. Никогда не отказывай никому, если можешь сдѣлать благо по просьбѣ его. Спѣши дѣлать! Время коротко! Дѣлай для себя всё сама и не рони на свою жизнь, тогда печали не будетъ. Ты спрашиваешь меня относительно Родины... Россію прекрасную, сильную Россію создавали наши правды, дѣды и отцы, а мы что сдѣлали? Мы — клятвоступники. Мы — присягали Государю Императору и затѣмъ бросили, предали его. Что же сдѣлать Господь? Онъ допустилъ, теперь Сатану, чтобы онъ надругался надъ нами. Горе намъ! Мы не каемся и не желаемъ исправлять свои души! За грѣхъ наши Господь надолго отнял у насъ Родину... Мои глаза уже не увидятъ её никогда. Для насъ одно спасеніе — молитва. Молись — утромъ, молись — вечеромъ,

*Студентка Богословскаго факультета Института Св. Владимира, «Китайскій Благовѣстникъ», № 10, Октябрь, Пекинъ 1939, стр. 31.

обязательно молись среди дня и, если можно, ночью. Молись за других, вотъ я теперь за тебя помолось, и тебѣ будетъ легче!»

Онъ подошелъ къ аналою, а я стала на колѣни. Молился Старецъ просто, точно онъ велъ бесѣду съ Богомъ. Онъ кроткимъ голосомъ призывалъ на помощь Угодниковъ Божіихъ и молился онъ о Церкви Божіей, о служителяхъ ея, о Родинѣ нашей, о всѣхъ русскихъ людяхъ и въ концѣ помолился и обо мнѣ грѣшной.

И точно крылья выросли у меня и пелена спала съ очей моихъ, и легко стало, и снова я готова была работать. Полная благодарности къ нему, я размышляла: «Чѣмъ я отблагодарию его, что я ему дамъ? Имѣется у меня 50 копеекъ. Я ему отдамъ ихъ. Больше у меня ничего нѣтъ».

А онъ мнѣ и говоритъ:

— «Ты зтогъ хламъ — деньги-то — оставь у себя, онъ у тебя послѣдній, а у меня его много — этого хламу, мнѣ онъ не нуженъ, а сама поѣзжай, не ходи пѣшкомъ, далеко живешь».

Тутъ только я поняла, что Старецъ читалъ въ моей душѣ, какъ въ открытой книгѣ. Поклонилась я ему до земли и пошла, а онъ долго стоялъ на крыльцѣ своей келліи и благославлялъ меня...

Про деньги рассказывалъ мнѣ Владыка Ювеналій. Какъ-то разъ у него не было муки и онъ не зналъ, чѣмъ кормить братію, цѣлую ночь промучился думами настоятеля, а утромъ къ нему пришелъ Схимонахъ Михаилъ и принесъ бумажками въ своей расѣ 25 рублей и сказалъ:

«На-ко тебѣ хламу! Натаскали мнѣ. Онъ мнѣ не нуженъ».

Высыпалъ у порога деньги и ушелъ. А теперь и отъ насъ ушелъ навсегда человекъ, познавшій истинное богатство, человекъ, познавшій близость Бога... Да благословенъ будетъ Господь во вѣки, дающій намъ своихъ наставниковъ...

3. ВСТРѢЧА

Ниже приводимъ фрагменты изъ статьи духовной дочери Старца Михаила, написанной сразу послѣ смерти ея духовнаго наставника.* «Настоящая статья, посвященная Старцу Схимонаху Михаилу,

* Авторъ, Маргарита, принимала участие въ сборахъ пожертвованій на строеніе величественнаго Благовѣнскаго собора, превращеннаго коммунистами въ городской паркъ.

приносится какъ словесный вѣнокъ на его могилу, только составленъ онъ не изъ цвѣтовъ и лавровыхъ листьевъ, а изъ воспоминаній о немъ и изъ мудрыхъ его наставленій, оставшихся на утѣшеніе его почитателямъ.

Помню теплый лѣтній вечеръ (1925 г.), идемъ мы по аллеякъ монастырскаго сада, направляясь къ выходу. Солнце начинаетъ скрывать за горизонтъ, бросая на землю послѣдній пучокъ потухающихъ лучей. Вокругъ тишина... только кузнечики, перекликаясь, нарушаютъ безмолвіе и покой. Среди зелени деревьевъ виднѣтся монастырскій храмъ; въ колоколь ударили къ вечернѣ...

Подходя къ калиткѣ, навстрѣчу намъ идетъ старичокъ-монахъ маленькаго роста, худой, съ сѣдыми рѣдеными волосами, но съ довольно густой и большой бородой. На немъ ветхая раса, на головѣ такая же скуфейка, опущенная почти до самыхъ бровей.

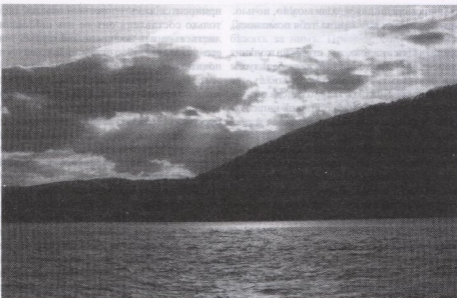
Увидя насъ, монахъ остановился около калитки, остановился на секунду и мы, увидя доброе старческое лицо съ отечески мягкой улыбкой. Глаза его смотрѣли мягко, просто и спокойно. Внимательно, даже можно сказать пронизательно, смотрѣлъ на насъ незнакомый инокъ. Удивлялась я необычному взгляду, который запалъ такъ глубоко и запечатлѣлся такъ прочно, какъ будто это было лишь вчера, а прошло уже 15 лѣтъ (это было первая встрѣча). И не подозрѣвала я тогда, что зтогъ монахъ — будущій Старецъ Схимонахъ Михаилъ...

Издреле Святая Русь съ вѣрою и смѣреніемъ принадлежала къ стопамъ святыхъ подвижниковъ и старцевъ. Русскій человекъ стремился къ святымъ обителямъ, къ святымъ мѣстамъ, какъ измученный пловецъ къ тихой пристани, и здѣсь въ тиши, вдали отъ бушующаго жизненнаго моря въ убогой келліи при свѣтѣ мерцающей лампады онъ, русскій человекъ, находилъ отраду, успокоеніе и отвѣтъ своей мятущейся душѣ. Вотъ гдѣ русскій человекъ черпалъ новыя силы для дальнѣйшаго плаванія по бурнымъ волнамъ житскаго моря. Благословеніе старцевъ Божіихъ надъ нимъ отверзало небеса, низводя Божіе благословеніе, а совѣты и наставленія предохраняли его отъ жизненныхъ ошибокъ.

И Русь благоденствовала, крѣпла и прославлялась... Много приходилось слышать, приходилось и читать о старчествахъ на Св. Руси, а сердце жаждало увидѣть и найти старца, вѣруа, что ищущій находить и просящему давати.



Игуменъ Сергій Ново-Валаамскій.



Рѣка Амуръ, недалеко отъ Новаго Валаама.

Однажды приходит знакомая и сообщает, что схимникъ такъ болѣе, что почитатели складываются купить для него гробъ. Тутъ она замѣтила, что старецъ, обладая даромъ прозорливости, преподаеъ совѣты и благословеніе, поэтому она совѣтовала мнѣ попросить благословеніе (т.к. предсмертному благословенію русской народъ придаетъ особенное значеніе и силу).

Всю дорогу я была поглощена самыми разнообразными мыслями, т.к. посѣщеніе это сложилось слишкомъ неожиданно: съ одной стороны, я боялась не застать его живымъ, съ другой стороны, я не могла рѣшить, на что же мнѣ просить благословеніе?

Войдя въ коридоръ, постучала въ дверь съ молитвой Иисусовой. Слышу сквозь дверь отвѣтъ: «Аминь... Ну кто тамъ — проходи». Я увидѣла, что Схимонахъ Михайль стоитъ у стола и заправляетъ лампаду.

Я остановилась у порога, не зная что дѣлать. Старецъ поставилъ лампаду на божничку и заставилъ меня помолиться, послѣ чего я встала на коѣнн... Мысли, предположенія — всё разомъ рухнуло и всё исчезло изъ моего сознанія, я видѣла лишь старца и себя, а въ головѣ мелькала бесвязная мысль — «черковъ» — и больше ничего.

Старецъ, едва касаясь пальцами моей головы, тихо произноситъ: «Путь этотъ самый хорошій, но самый трудный». Въ головѣ по-прежнему мелькаетъ слово «черковъ» и больше ничего.

Старецъ вторично произноситъ тѣ же слова; удивилась я этому, а въ головѣ ещё болѣе и ещё яснѣе

замелькала мысль о храмѣ Божіемъ, тогда онъ, ударяя пальцами по моей головѣ, какъ бы призывая всё мое сознаніе, повторяетъ грозно и твердо: «Путь этотъ самый хорошій, но самый трудный».

Слыша третій разъ одни и тѣ же слова, я удивилась, почему самый хорошій путь можетъ быть самымъ труднымъ? Конечно, я не сомнѣвалась въ правдивости его словъ, но лишь недоумѣвала, въ чемъ можетъ заключаться эта трудность. Стоя безмолвно на коѣняхъ, я твердо рѣшаю: пусть будетъ самый трудный, но только этотъ путь, а не иной, т.к. храмъ Божій съ дѣтства для меня всего дороже и всего отраднѣе.

Старецъ вдругъ съ оживленіемъ и радостью заговорилъ: «Господь тебя благословитъ, Господь тебѣ поможетъ, и я тебя благословляю». При этомъ онъ крестообразно обѣнилъ мою голову, послѣ чего на душѣ стало легко, свѣтло и отраднѣе, по-пасхальному.

Я по-прежнему безмолвно стояла на коѣняхъ и слезы радости лились изъ моихъ глазъ, а схимникъ стоялъ передо мною сияющій, одухотворенный, его духовная настроенность отображалась на лицѣ, изливая вокругъ покою и радость. Не знаю, сколько минутъ продолжалась эта безмолвная, съ моей стороны, встрѣча, только мнѣ не хотело уходить, а остаться такъ и такъ чувствовать, поэтому невольно возникъ вопросъ, когда же ещё можно придти къ Старцу и можно ли вообще придти ещё!...

И на мой безмолвный вопросъ Старецъ отвѣтствовалъ: «Какъ будешь въ Модягоу, такъ и приходи». Одной этой фразой онъ разрѣшилъ мое

недоумѣние, а также пригласил не только побывать, а даже бывать и определить когда бывать. И это въ отвѣтъ на мои безмолвные мысли, которые онъ читалъ въ моей головѣ!

☞ Поцѣловавъ благословляющую руку Старца, который сталъ такъ дорогъ и такъ духовно близокъ, я молча же поспѣшила из келліи, а тамъ внутри, въ сердцѣ засвѣтился новый огонекъ духовной жизни.

☞ Я вышла изъ коридора; свѣтъ, солнце, люди стали для меня совсѣмъ иными, чѣмъ были ранѣе, и какъ бы приобрѣли иной смыслъ въ моихъ глазахъ. Въ сердцѣ былъ миръ, покой и тихая радость, т.к. я нашла то, что такъ искала. Въ ухахъ всё ещё звучали слова Старца Божіяго: «Путь этотъ самый хорошій, но самый трудный». Но почему же трудный?

☞ И только теперь, когда съ Божіей помощью приходится идти этимъ путемъ, я отчасти начинаю понимать и трудность этого пути, т.к. тысячи невидимыхъ препятствій и неожиданностей встрѣчаются на немъ.* Грядущій смыслъ путемъ знаетъ, о чемъ я говорю, а идущему инымъ этого не нужно.

☞ Взявшій же иго Христово на себя радуется, ибо это его благо и бремя Христово легко (Мѡ.).

☞ Вотъ такъ прошла моя первая встрѣча со Старцемъ Михаиломъ.

4. СВИДѢТЕЛЬСТВА ПРОЗОРЛИВОСТИ

☞ Много совѣтовъ Старца и воспоминаній о немъ хранится въ моей памяти. Исполняя завѣтъ Отца Михаила, я посѣщала его каждый разъ, бывая въ Гондатыевѣ, теперь я ни одного рѣшительно шага не дѣлала въ жизни безъ его благословенія. Каждый уголокъ его келліи сталъ такимъ близкимъ и знакомымъ.

☞ Любилъ Старецъ угостить чаемъ или монастырскимъ обѣдомъ, а при прощаніи любилъ дать въ карманъ кусочекъ монастырскаго хлѣба... т.к. много лѣтъ въ Шмаковскомъ монастырѣ онъ несъ послушаніе трапезника и черта гостепріимства остался до глубокой старости. Самъ же онъ какъ-то смущался, когда что-нибудь ему приносили, и безъ числа благодарилъ.

☞ Какъ сейчасъ передъ глазами, худенькій, маленькій, подвижный и хлопотливый Отецъ Михаилъ быстро начинаетъ угощать.

☞ Однажды онъ особенно настойчиво угощалъ меня, я отказывалась, имѣя въ виду что, поеду на



Благовѣщенскій храмъ въ Харбинѣ.

именины, а онъ приговаривалъ: «Поѣшь, такъ я спокоенъ буду, что ты съѣла».

☞ И дѣйствительно, день былъ постный, а на именинахъ ничего постного... и мнѣ цѣлый день пришлось бы быть голодной, т.к. нѣкоторые дѣла заставили меня быть въ Могягоу до вечера!

☞ 1. 1930 годъ. Вотъ случай, имѣвшій мѣсто передъ закладкой Благовѣщенской церкви на подворье Россійской Духовной Миссіи въ Харбинѣ.

☞ По благословенію Митрополита Мелетія, тогда ещё Епископа Мелетія, намъ, членамъ Россійской Духовной Миссіи, были выданы подписные листы и кванціонныя книжки.

☞ Въ то время я только что кончала гимназію, поэтому я не знала, какъ приступить къ новому для меня трудному начинанію. Я затруднялась даже въ томъ, къ кому пойти и какъ просить? Однажды рано ещё передъ утреннимъ чаемъ къ намъ заходитъ монахъ Иринархъ, тогда ещё послушникъ, и говоритъ, что Старецъ Михаилъ велѣлъ съ листами и кванціонными книжками придти къ нему за благословеніемъ, а онъ даже не знаетъ о моемъ вступленіи въ члены Благовѣщенской церкви, тѣмъ болѣе онъ никакъ не могъ знать о взятыхъ мною листахъ и книжкахъ.

☞ Я обрадовалась намѣчающемуся пути. Торопливо пью чай, а въ головѣ назойливая мысль, гдѣ взять 20 копѣекъ на дорогу? (въ то время какъ туда и обратно надо не 20, а 30).

☞ Деньги я ещё въ то время не приобрѣтала, а обременять церковными нуждами своихъ я не хотѣла, да и идти въ Гондатыевку пышкомъ мнѣ тоже не совсѣмъ было желательнымъ.

☞ Несомнѣнно, отправляясь въ дальній путь, я получила на дорогу требующіеся 30 копѣекъ.

☞ Радостно я вошла къ Старцу, и первое его слово было слово одобренія объ исполненіи его желанія.

☞ Онъ велѣлъ встать на колѣни и, призывая Божіе благословеніе, благословилъ меня и принесенные листъ и книжки со словами: «Не бойся»; тутъ онъ наклонился и досталъ изъ-подъ кровати фанерный ящикъ, въ которомъ хранилась схима, досталъ изъ платка 1 рубль, и отдавая мнѣ, добавилъ: «Вотъ тебѣ мое благословеніе, не бойся, иди съ Богомъ и собирай на храмъ Пресвятой Богородицы». Я помолосъ, и Богъ тебѣ поможетъ, и соберешъ

больше всѣх сверстницъ своихъ». Послѣ этихъ словъ на душѣ стало опять легко, свѣтло и отрадно.

Затѣмъ Старецъ подаетъ мнѣ 20 копѣекъ: «А вотъ это тебѣ 20 копѣекъ на дорогу». Я смутилась и стала отказываться, а онъ ещё выразительнѣе говоритъ: «Возьми 20-то копѣекъ», подчеркивая слова «20-то копѣекъ».

Тутъ я вспомнила свои мысли, на которыя онъ и отвѣчалъ, и окончательно отказалась.

Этимъ нагляднымъ примѣромъ Старецъ, видимо, хотѣлъ утвердить во мнѣ вѣру его словамъ и въ отношеніи сборовъ на храмъ. Чтобы мнѣ очевиднымъ примѣромъ легче было повѣрить отвлеченному.

Онъ положилъ въ молитвословъ оторванную квитанцію, которую въ подтвержденіи молитвенной памяти неоднократно показывалъ потомъ со словами: «Я вѣдь молось, чтобы тебѣ Господь посылалъ на храмъ».

Я твердо вѣрила каждому слову Старца, и было такъ, что по его молитвамъ часто поступали жертвы, о которыхъ я не просила.

Фраза же: «Соберешь больше сверстницъ своихъ», — сбывалась, а отъ человеческой слабости и нескрываемой зависти пришлось немало потерпѣть, ибо «путь этотъ самый хороший и самый трудный».

Съ годами я всё болѣе и болѣе начинаю понимать, въ чемъ состоитъ трудность этого хорошаго пути.

2. Распространяя ежегодно отрывные календари Казанско-Богородицкаго мужскаго монастыря, я взяла, и въ 1931 г.

Календари быстро вышли и срочно требовались ещё, а пойти за ними я не имѣла времени.

Вдругъ опять рано утромъ, только что я встала, заходитъ послушникъ Илья.

Первый мой вопросъ былъ — есть ли при немъ календари? Онъ съ улыбкой досталъ и рассказалъ слѣдующее: «Схимничекъ рано утромъ будитъ меня и говоритъ, что у насъ гостя была, я встаю, а Маргарита сидитъ да календарчиковъ и проситъ».

Братъ Илья недоумѣваетъ, какъ Старецъ могъ пустить меня, не разбудивъ его, но тутъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло. Сразу послѣ утренняго правила понесъ календари.

Узнавъ, что они дѣйствительно нужны, передалъ этотъ расказъ.

3. Однажды сидя за работой, я размышляла о сотвореніи міра, о сотвореніи человѣка и о различныхъ человѣческихъ путяхъ, ведущихъ или къ Богу или отъ Бога, и когда спустя долгое время мнѣ пришлось быть у Старца, онъ, благословляя съ ласковой и вмѣстѣ со снисходительной улыбкой, какъ дѣдъ внучатамъ, сказалъ: «Думасць-то ты хорошо, да если бы такъ по-твоему и было, Господь Богъ до сихъ поръ людей творилъ бы изъ глины».

Я вспомнила давно забытыя мысли и поняла, что это отвѣтъ на нихъ.

Послѣ этого Старецъ, стоя и облокотясь на столъ, долго бесѣдовалъ о Библии, особенно о книгѣ Бытія, и объясненій его были такъ просты, такъ понятны и убедительны.

Наглядными жизненными примѣрами онъ указалъ на многочисленность путей человѣка и что каждый путь можетъ быть спасительнымъ и каждый можетъ быть гибельнымъ для него.

«Кому то дано», «могучій вмѣстити да вмѣстити» — этими словами изъ Евангелія закончилъ онъ свою поучительную бесѣду.

4. Такъ же размышляя, я думала о значеніи одежды для человѣка и о ненужности многого въ нашихъ одеждахъ для вѣка будущаго.

И при первой же встрѣчѣ старецъ съ улыбкой говоритъ: «И что это ты ДУМАЕШЬ? Вѣдь не въ мѣшкѣ же ходитъ».

Онъ говорилъ, что человѣкъ, живя въ міру, вращается въ кругу людей, ради которыхъ онъ долженъ быть соответственнымъ образомъ одѣтъ. «Вѣдь одеждой можно обидѣть человѣка и выразить непочтительность къ окружающимъ». «Это мы — другое дѣло». «Вѣдь если бы я что и замѣтилъ, сказалъ бы».

Вотъ какое вниманіе ко всей человѣческой жизни имѣлъ покойный старецъ Михаилъ!

5. Найдя въ жизни то, что я искала, т.е. старца, обладающаго даромъ прозорливости, мнѣ хотѣлось, чтобы и мои близкіе и знакомые могли получить отъ него назиданіе.

Для этого я рассказывала имъ многие примѣры изъ моей жизни и изъ жизни другихъ.

Особенно мнѣ хотѣлось заинтересовать подругу школьныхъ дней.

Несмотря на мои уговоры, она не шла и доставляла мнѣ нѣкоторую заботу, которой я каждый разъ, бывая у старца, хотѣла съ нимъ подѣлиться, забывала и вспоминала, лишь вернувшись домой.

Однажды старецъ говоритъ: «Слушаетъ не слушаетъ, а всё говоритъ», — затѣмъ перешелъ на тему о друзьяхъ и подружкахъ, тутъ я и вспомнила о моемъ безпокойствѣ и высказала тутъ же, а онъ выслушалъ меня и говоритъ: «Ты не можешь заставлятъ идти ко мнѣ, вѣдь человѣкъ созданъ со свободной волей, что онъ хочетъ, то и дѣлаетъ. Богъ сильно даже не спасаетъ, а ты кто?» — «Я жалѣю, потому и уговариваю», — сказала я въ свое оправданіе, а онъ отвѣтилъ: «Жалѣть можно скотину, которая дѣлаетъ, что хотятъ другіе, а человѣкъ не скотина, онъ дѣлаетъ то, что самъ хочетъ».

Вотъ урокъ по Закону Божию о свободной волѣ человѣка.

6. Одна знакомая, не имѣя службы, собиралась ѣхать въ Шанхай. Я посоветовала ей побывать прежде у старца.

А онъ, узнавъ отъ нея объ этомъ, говоритъ: «Не ѣзди, погоди, я помолюсь, Господь устроитъ, а въ Шанхай кто тебя встрѣтитъ. Некому (а онъ её видитъ впервые). Она заплакала и убѣдилась.

Идетъ она однажды, её догоняетъ братъ на машинѣ и начинаетъ съ ней говорить, а до сего времени нѣсколько лѣтъ онъ былъ въ ссорѣ съ ней и не разговаривалъ. Предложилъ ей съѣсть въ его машину и привезъ домой.

Вскорѣ нашлась служба и всё устроилось по-хорошему.

7. Другая знакомая собиралась въ Манилу къ дочери, мужъ которой долженъ быть принятъ на службу по предварительной перепискѣ.

Она пошла къ старцу за благословеніемъ въ дорогу, а онъ ей говоритъ: «Здѣсь на Церковь поработай!» Она ему стала возражать, что ужъ всё готово и вещи нѣкоторая проданы, онъ же опять повторяетъ: «Здѣсь на Церковь поработай». Она опять пробуетъ сказать: «Тамъ Церковь новая, болѣе нуждается», а онъ опять свои слова повторяетъ.

И что же? Вскорѣ получаетъ она письмо, въ которомъ дочь сообщаетъ, что они опоздали и, несмотря на предварительную переписку, устроиться на службу негдѣ. Эта знакомая до сихъ поръ вотъ уже лѣтъ пять работаетъ въ одной изъ Харбинскихъ церквей. А старецъ-то и не зналъ, она ему не говорила, что работаетъ въ церкви.

8. Ещё знакомая, видя всегда толпу народа, ищущихъ благословія старца, удивлялась, какъ къ простому монаху идти такъ стремительно? И рѣшила не подходить: «Ну да ладно ужъ и такъ».

Вдругъ толпа какъ-то разступилась и старецъ оказался возлѣ неё. Она, видя это, все-таки сложила руки и проситъ благословія, а старецъ ей говоритъ: «Да ладно ужъ и такъ». Она не поняла, а толпа её отгннула, вскорѣ разступилась, и она вторично оказалась передъ нимъ. Опять складываетъ руки и проситъ благословія, а онъ говоритъ: «Да ладно ужъ и такъ». Тутъ она вспомнила свои мысли, раскаялась, и только тогда онъ её благословилъ.

9. Одна дама, стоя за Богослуженіемъ, удивлялась, съ какой вѣрой люди шли къ Схимонаху за благословеніемъ, и думала — вотъ люди считаютъ, что монахъ святой, и вотъ какъ ему надобно, а онъ простой монахъ, но: «Дай и я пойду», — подумала она, а онъ говоритъ: «Уходи: я простой монахъ, нечего идти къ простому», — и не благословилъ.

Задѣло сердце дамы, и она заплакала, выходя изъ церкви. Схимникъ подошелъ къ ней и, благословляя, говоритъ: «Ну вотъ, теперь благословлю».

10. Рассказываютъ, какъ одна женщина, собираясь въ дальній путь, пришла къ нему за благословеніемъ, а онъ велѣлъ ей взять изъ-подъ кровати чуявки и сказалъ: «Поѣзжай, со Крестомъ поѣзжай».

Вскорѣ эта женщина умерла, и чуявки эти ей пригодились.

11. Многіе свѣтскіе люди, дѣлая градацію людей, различаютъ святыхъ и грѣшниковъ.

Одна такая свѣтская особа, желая проявить даръ прозорливости Старца и убѣдиться въ немъ, задумала такъ: если Старецъ святой, то онъ узнаетъ, если она положитъ руку на колонну, передъ которой стоитъ Старецъ, а если онъ не святой, онъ объ этомъ не узнаетъ.

Какъ задумала, такъ она и сдѣлала. А Старецъ, сердито оглянувшись, подошелъ къ ней и, строго грозя пальцемъ, сказалъ: «Уходи, здѣсь святыхъ нѣтъ, здѣсь грѣшники стоятъ»... Этого было довольно.

Этимъ Старецъ укрѣпилъ её вѣру и соблюлъ смиреніе, назвавъ себя грѣшникомъ, ибо Христосъ «готовъ и смиренъ сердцемъ», и такими должны быть и послѣдователи, особенно монахи.

* * *

Вхожу однажды къ Старцу Михаилу, онъ раздраженно ходитъ по комнатѣ и что-то ворчитъ. Я удивилась и остановилась возлѣ порога, думая уйти. А онъ говоритъ: «Вотъ ходятъ, безпокоятъ». Я повсе разстроилась, вѣдь я тоже безпокою его своимъ присутствіемъ.

«Спрашиваю, а сами по-своему дѣлаютъ», — я недоумела. «А ты что?» — нѣсколько смѣявшись, заговорилъ Старецъ. «Вѣдь не тебѣ говорю, была тутъ за соѣвтомъ одна, я ей говорю такъ, а она думаетъ, всё равно сдѣлаю иначе, зачѣмъ и ходить?».

Я молча смотрю удивленно, а онъ, какъ бы разяснивъ мое недоумѣніе, говоритъ: «Какъ только человекъ заходитъ ко мнѣ, я сразу ужъ чувствую, что у него на сердцѣ лежитъ и знаю, кто за соѣвтомъ приходитъ, а самъ по-своему сдѣлаетъ. Зачѣмъ и ходить?» Какъ это просто, а какой глубокой смыслъ. Дѣйствительно, бывая у схимника въ продолженіе 9-10-ти лѣтъ, я могу лишь согласиться съ его словомъ: съ чѣмъ на сердцѣ приходишь къ нему, такъ онъ и говоритъ.

Иногда не было никакихъ особенныхъ вопросовъ или духовнаго желанія побесѣдовать, а просто, исполняя завѣтъ навѣстить, я приходила къ нему, и онъ встрѣчалъ ужъ только со словами: «Ну, какъ ты тамъ поживаешь? Какъ твои?» — и разговоръ быстро заканчивался, какъ будто говорить было не о чемъ.

5. ПРОЩАНІЕ

Какъ-то разъ постила схимника. Только вошла, — какъ онъ началъ, какъ всегда, молиться, только какъ-то особенно торжественно.

И среди молитвы вдруг спросил, сколько лѣтъ я бываю у него, я отъ неожиданности не могла вспомнить, тогда онъ самъ за меня отвѣчаетъ: «Десять».

«За эти десять лѣтъ сколько у меня перебивало Марій, Дарій, гдѣ онъ? Не знаю. Пришли-ушли. Спасибо, что старика не забываешь. Господь вознаградитъ и въ вѣкъ семь, и въ вѣкъ будущее. Кто стариковъ не забываетъ, того Господь вознаграждаетъ. Спасибо, слышишь? Что ты молчишь?» Я действительно молчала, а онъ продолжалъ:

«Такъ и живи, трудись, работу Богъ пошлетъ. Когда меня не станеть, не забывай меня! За всѣхъ молился и за тебя всегда молился». Я заплакала, а онъ продолжалъ: «Старъ сталъ, немощь одолела, другимъ ужъ въ тягость. Что плачешь? Господь пошлетъ тебѣ другого Старца! Спасибо. Да поживу ещё, не плачь».

«Всѣ, что сказалъ тебѣ за эти годы, всё помни, тебѣ довольно на всю жизнь. Я всё тебѣ сказалъ», — и слезы покатались изъ его старческихъ глазъ.

«Теперь такъ говорить, какъ говорили, я не смогу, а какъ услышишь, что я слабъ — приди... Ты слышишь?»

«Я говорю: «Не хочется мнѣ это слышать». А онъ добавляетъ: «Пора и умирать, да смерти Богъ не посылаетъ. Усталъ... и немощь одолѣла...»

«Да поживу ещё, не плачь. Спасибо всѣмъ за всё, ко мнѣ ходило много, за всѣхъ я васъ молился день и ночь».

Это были прощальныя слова Старца, послѣ этого ещё года два жилъ онъ, но тѣхъ бесѣдъ и наставленийъ онъ вести не могъ.

Иногда онъ съ огорченіемъ замѣчалъ, что когда онъ сталъ немощнымъ, тогда многие перестали бывать, не получая совѣтовъ и отвѣтовъ на свои вопросы.

«Спасибо темъ, кто не забываетъ старика». Знаю близкихъ его почитателей, которые до послѣдняго вздоха не забывали его.

Въ минувшее лѣто 1939 г. я вижу сонъ: кто-то стучитъ въ дверь, открывая её, вижу передъ собой Старца Михаила — въ открытую узко дверь онъ входитъ въ коридоръ и, благословляя, идетъ въ

столовую. Молится передъ иконами, садится на стулъ и, сразу же вставая, направляется къ выходу.

Фигура его вовсе не такая, какъ въ жизни, но прямая, тонкая, воздушная и какъ бы невесомая. Лицо доброе, спокойное, но безъ улыбки, глаза сосредоточенно смотрятъ впередъ. Одѣтъ въ схиму. Пальцы тонкіе, длинные. Походка безшумная, плавная, какъ будто онъ не идетъ, а плыветъ въ воздухѣ. Ростъ необычный — высокій.

Когда я взглянула на ноги, онъ стоялъ не на полу, а надъ поломъ почти на полъ-аршина. Быстро направившись изъ двери, онъ вышелъ на крыльцо. Ступеньки для него не существовали, онъ вышелъ, не касаясь ихъ. Затѣмъ направился къ воротамъ и, сквозя узко открытую калитку, не нагибаясь подъ цѣпь, онъ вышелъ, хотя голова его была выше самой калитки. Старецъ быстро началъ удаляться по Ямской улицѣ. Я побѣжала быстро слѣдомъ, но старанья мои догнать Старца были тщетны. Когда я добѣжала до угла Диагональной, онъ уже повернулъ за уголъ по направлению Офицерской и, постепенно поднимаясь у меня на глазахъ, растаялъ въ воздухѣ.

Послѣ этого сна думалось, что жить среди насъ Старецъ будетъ недолго.

Смерть разлучила: простой монашескій гробъ заключилъ Старца Божія Схимонаха Михаила.

Многие почитатели пришли отдать послѣдній долгъ, послѣдній поклонъ. Съ любовью и скорбью возжигали свѣчи у его гроба. Женщины приводили дѣтей, которая хотя и съ дѣтскимъ сознаниемъ, но съ вѣрою, внушаемой взрослыми, подходили проститься со Старцемъ.

Отпѣваніе было просто, чинно и трогательно, а вмѣстѣ и торжественно. Чинъ отпѣванія совершили Епископъ Димитрій, Архимандритъ Поликарпъ, Архимандритъ Иосифъ, Протоіерей О. Аристархъ Пономаревъ, Игуменъ Иннокентій, Игуменъ Маркъ и духовникъ покойнаго Иеромонахъ Серафимъ, который и читалъ разрѣшительную грамоту.

Послѣ положенной литги гробъ внесли на улицу и на площади поставили на катафалкъ.



Схимникъ Игнатій Харбинскій, соратникъ старца по Казанскому Монастырю, а быть можетъ, они вмѣстѣ подвизались на Новомъ Валаамѣ въ Сибиріи.

См. «Русскій Паломникъ» № 21-22, 2000 г.

Скромную похоронную процессию возглавили Архимандритъ Иосифъ, Иеромонахъ Иосифъ, Игуменъ Маркъ. Почитатели же замѣтно желали нести Старца на рукахъ.

Когда шестые, миновавъ Говдатеьвку и ея окрестности, вышло на дорогу, ведущую къ кладбищу, внимание провожающихъ было обращено на лошадей, которая то и дѣло фыркали, били копытами въ катафалкъ и вовсе упирались ногами и чѣмъ дальше шли, тѣмъ становились безпокойнѣе и катафалки, которые, уговаривая и называя ихъ по кличкамъ, вели ихъ подъ уздцы.

Впечатлѣніе создавалось такое, что лошади какъ бы устали подъ тяжестью. Слона клубами, какъ вода, падала изо рта на дорогу. Старушки между собой говорили: «Схимничекъ не хочетъ ѣхать, а хочетъ идти», а одинъ господинъ, проходя мимо катафалка, высказалъ вслухъ желаніе нести гробъ на рукахъ. Онъ говорилъ вслухъ, чтобы найти сочувствующихъ, и таковыя нашлись. Гробъ былъ взятъ на руки.

Почитатели и почитательницы, мѣняя другъ друга, съ почестью донесли до самаго мѣста вѣчнаго упоенія.

Неся 110-тилѣтняго Старца на рукахъ, почитатели воздали почестъ почитаемому, и XX-ый вѣкъ, какъ бы преклоняясь, отдалъ честь предъ минувшимъ XIX-ымъ столѣтіемъ. Такіе люди бываютъ связью двухъ смѣжныхъ вѣковъ.

Новая могила для Старца помѣщалась на монашескомъ кладбищѣ, почти возлѣ памятникъ воинамъ, какъ бы напоминая окружающимъ, что и инокъ-воинъ Христовъ былъ въ прошломъ славнымъ участникомъ турецкой кампаніи.

Быстро ставя гробъ надъ могилой, и Старецъ, завернутый въ мантию, послѣдній разъ видится здѣсь.

Еще прощаются... и послѣ священническаго благословенія крышка заколачивается... забываются гвозди... и прахъ опускается въ могилу.

Держа въ рукахъ кулденный при воротахъ кладбища крестъ изъ хвоя и безсмертниковъ, я захотѣла положить его не на могилу, какъ предполагала, а въ могилу на гробъ Старца въ память того, что Схимникъ старался облегчить тяжесть жизненнаго креста, съ надеждой, что онъ облегчитъ и теперь.

Быстро выросъ свѣзкій холмъ надъ могилой, поставленъ крестъ, на немъ икона Архистратига Михаила, имя котораго носилъ покойный... одѣтъ вѣнокъ заботливой рукой на крестъ... и земной жизненный путь законченъ.

Одинъ изъ почитателей произнесъ сердечное слово благодарности надъ могилой.

Какъ надъ могилой воина воспоминаются его доблести, надъ могилой врача замѣчательные случаи изъ его практики, такъ и здѣсь на могилѣ воина Христова и Духовнаго врача были воспоминаемы

присутствующими многія добрая его наставленія, врачующія души и сердца.

Еще разъ помолвились... поклонились... и разошлись, и очень сожалѣли, что Старецъ похороненъ не въ монастырской оградѣ. Въ первую же ночь послѣ похоронъ Старца разсказывали сонъ, какъ кто-то говорилъ: «Кто придетъ на его могилку, того онъ услышитъ».

Еще шесть лѣтъ тому назадъ, когда Старецъ упалъ въ подполѣе и сильно болѣлъ, одна дама видѣла во снѣ, что онъ умеръ и кости его въ видѣ вѣточекъ дѣрева разсыпались на землѣ. Она имѣла желаніе обмыть ихъ и предать землѣ, вокругъ него не было, а она слышитъ голосъ съ неба: «Святыхъ не моютъ». Потомъ ей объяснили, что действительно монаховъ не обмываютъ.

Если христіане перныхъ вѣковъ за вѣру во Христа именовались святыми за то, что они освящены крещеніемъ, то тѣмъ болѣе это приложимо къ тѣмъ, кои, будучи крещены, несли подвигъ и оправдались предъ Господомъ добрыми дѣлами, а тѣмъ болѣе тѣмъ, кои, живя въ тѣлесной оболочкѣ, духовными очами могли зрѣть чужое сердце.

Потому-то Апостолъ Павелъ и сравниваетъ жизненное поприщъ челоуѣка съ ристалищемъ, а текущихъ этимъ поприщемъ съ бѣгущими по ристалищу, ибо тѣ и другіе, закончивъ свой подвигъ, получаютъ въ награду вѣнецъ.

Только бѣгущіе по ристалищу получаютъ вѣнецъ тѣмъ, а христіане — вѣнецъ негнѣбный, тѣмъ болѣе вѣримъ мы, что въ Бозѣ почившій Старецъ Схимонахъ Михайалъ, неся ради Царства Небеснаго лишенія и воздержанія (подвигъ иноческій), получилъ неуязвимый вѣнецъ въ Царствіи Отца Небеснаго.

Изъ лучшихъ цвѣтовъ и листьевъ сплетаютъ вѣнокъ для дорогихъ успошихъ, такъ и я, составляя словесный вѣнокъ Старцу Схимонаху Михайалу, избрала наилучшюя о немъ воспоминанія.

Благоговѣная почитательница Старца, студентка Богословскаго факультета Института Св. Владимира.

ПРИМѢЧАНІЕ.

У праведнаго Старца было много почитателей, но ихъ воспоминанія, даже упоминанія о немъ до насъ не дошли. Одна духовная дочь Старца Михаила, будущая Схингуменія Ново-Дивѣевской обители въ Америкѣ, всю свою монашескую жизнь провела какъ бы подъ покровомъ своего Старца и, мы вѣримъ, достигла вѣка праведниковъ. Краткія замѣтки о ней слѣдуютъ. Знавшихъ еѣ очень просимъ написать въ редакцію, ибо Матушка Михайала достойна, чтобы о ней молитвенно вспомнили какъ о соучастницѣ прославленія Преп. Серафима въ Америкѣ.



СХИГУМЕНІЯ МИХАИЛА НОВОДИВЬЕВСКАЯ
1884 - 1969

СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ

Схиигуменія Михаила

Ново-Дивтьевская

Память Июня 28 / Июля 11-го. (†1969)

Когда душа токуетъ по возвышенному, хотя и смущается отъ наплыва греховныхъ поползновеній, тогда напоминаніе о герояхъ духа дѣйствуетъ какъ бальзамъ на боль, раздирающую душу. Такъ добродѣтель одного творитъ чудаеса для другого, даже если его не знаешь; или онъ ушелъ въ иной, недослаемый для насъ, міръ. И какаѣ же радости охватываютъ душу, когда узнаешь о доселѣ неведомыхъ праведникахъ, жившихъ въ наше лихое время, дышавшихъ тѣмъ же смертоноснымъ воздухомъ, но избѣжавшихъ его отравы.

Вотъ почему цѣню беречь, собирать и березо хранить добрую память объ ушедшихъ хранителяхъ отечественнаго благочестія. А ихъ, думается, было немало, только не хватаетъ собирателей, умѣющихъ различать подлинныхъ отъ «официальныхъ». Приводимъ разсказъ объ одной такой забытой душѣ, которую мы, видя не цѣнили, а теперь такъ мало о ней знаемъ. Но и это малое говорить о многихъ.

«Отъ уединенія и молчанія рождается умиленіе и кротость. Они возводятъ челоѣка къ благочестію, приближаютъ его къ Богу и дѣлаютъ его какъ бы земнымъ ангеломъ»

Преп. Серафимъ Саровскій

1. ОТЪ СМЕРТИ КЪ ЖИЗНИ



Въ ГОРОДѢ Шанхаѣ въ 1920-ые и началъ 1930-ыхъ годовъ жила одна смастливая свѣтская дама, Анна Мерцалова. Родилась она въ г. Уфѣ въ семьѣ судебного дѣятеля Верещагина 6-го Августа 1883 г. Когда ей было 24 года, въ 1908 г., вышла замужъ за почтеннаго Михаила А. Мерцалова. У нихъ родилась дочь Ольга. Съ приходомъ совѣтской власти они оказались въ Китаѣ. Она знавала Старца Схимонаха Михаила, тогда Мелетія, проживавшаго въ Харбинѣ въ новоустроенномъ Казанскомъ монастырѣ.

Однажды, въ день ея Ангела 25 Июля 1933 г., на святую Праведную Анну, она получаетъ фотографію Старца Михаила, которая, кстати, скоро затерялась. А черезъ 2 мѣсяца разыгралась въ ея жизни настоящая трагедія. Любимый мужъ ея, убежденный анти-коммунистъ, въ бѣженскіе годы служившій въ городской французской полиціи жандармскимъ

офицеромъ, былъ убитъ преступникомъ, тайнымъ совѣтскимъ агентомъ, что въ тѣ времена въ Шанхаѣ, да и вообще по всему зарубѣжью, было не рѣдкостью. И убитъ въ своей квартирѣ. Жена очень любила своего мужа и была сокрушена, убита горемъ, тѣмъ болѣе, что ихъ любимая дочь, дѣвица Оля, скончалась ранней смертью. Въ отчаяніи Анна искала смысла жизни и тогда вспомнила о Старцѣ Михаилѣ и о его таинственно полученной фотографіи. Она поѣхала въ Харбинъ къ нему въ поискахъ спасенія отъ отчаянія.

Старецъ еѣ принялъ и успокоилъ. Онъ наставилъ еѣ на духовный образъ жизни. Вернувшись домой, она затворилась у себя дома, много читала о духовной жизни и паладила свою жизнь совсѣмъ по другому, чѣмъ жила раньше. Старецъ сталъ для нея руководителемъ, настоящимъ благодѣтелемъ, и, естественно, она пошла по монашескому пути, полудаворничества. Очевидно, Старецъ первоначально рекомендовалъ ей поступить въ монастырь,



Епископъ Иоаннъ Шанхайскій, прибывшій въ Китай въ 1934-омъ году, икона, изображающая его въ эти первые годы епископства.

Монахини и духовники Пекинской обители.



и въ 1937 году въ Русской Духовной Миссии въ Пекинѣ она была пострижена въ монашество. Но жизнь въ общежитиномъ монастырѣ её не привлекала. Её тянуло къ жизни внутренней, созерцательной. Кроме того, она часто болѣла, страдала втихомолку — и со временемъ духовно возросла.

2. СВ. ИОАННЪ ШАНХАЙСКІЙ.

Черезъ 2 года, зимой 1939 года, Старецъ Михаилъ покинулъ нашу земную юдолю. Ей казалось, что она осталась безъ руководства. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ея записей или воспоминаній о своей жизни или о Старцѣ. Но мы знаемъ, что она начала смущаться, правильно ли она живетъ, и обратилась къ Шанхайскому архiereю, которымъ въ то время былъ Владыка Иоаннъ Максимовичъ. Естественно, всѣ ей совѣтовали уйти во въ то время цвѣтущій многолюдный монастырь Игуменіи Руфины (позднѣ Игуменіи Ариадны), посвященный Владимірской Иконѣ Божіей Матери. Но Владыка Иоаннъ, слѣдуя наставленіямъ Старца Михаила, поддержалъ ея уже установившійся образъ жизни и совѣтовалъ продолжать вести, такъ сказать, скитскій образъ жизни у себя на дому, тѣмъ болѣе, что къ этому времени у нея пріютились нѣсколько одинодушнихъ молодыхъ женщинъ, жаждущихъ тишины духовной и Богоугодного времяпровожденія въ Богомыслии, въ сторонѣ отъ шума мірскаго. Такъ онъ и жилъ, хотя не избѣжалъ человѣческой критики и осужденія. Держа въ памяти умное дѣланіе, онъ ощущалъ нѣкую небесную близость Старца Михаила, а Владыка Иоаннъ оказывалъ ей земную поддержку и покровительство.

Итакъ, на улицахъ грѣшного города Шанхая ютились въ своей обособленности нѣсколько праведницъ. Съ ней были, ещё изъ Пекина, постриженная въ 1938 году Мать Христина, изъ дворянской семьи Томашевскихъ (родилась въ 1907 г. въ Томскѣ), страдавшая болѣзнью ногъ, прихрамывающая, всегда тихая и задумчивая, точно не отъ міра сего; и бойкая, очень малаго роста, бывшая духовная дочь

Новомученика извѣстнаго Уфимскаго Святителя Андрея (Ухтомскаго), создававшего въ Казани дѣвичью обитель, Мать Гавриіла, положившая тамъ свое иноческое начало. Она и слѣдила за хозяйственной стороной ихъ общежитія. Были и другія.

Епископъ Иоаннъ посѣщалъ ихъ, когда могъ, служилъ въ домашней ихъ часовнѣ литургію, причащалъ, духовно окормлялъ невидимо для міра. У нихъ было тихо, свѣтло и царило единодушіе.

Пришло время Матушкѣ принять схиму, такъ ужъ ея настроенность диктовала. Владыка согласился постричь. Конечно, Матушка молилась и своему первоначальному духовному отцу, Старцу Михаилу. Видно, таинственно онъ участвовалъ въ этомъ рѣшеніи. Но схимниковъ по близости не было. Даже и образа самой схимы, чтобы пошить, подъ рукой не было, а время, видно, было уже назначено. И тутъ, providенціально, нашлась потерянная фотография Старца, которая не вынималась всѣ эти годы. Вотъ какъ написала намъ объ этомъ ново-дивѣвская Монахиня Марія (Стаховичъ):

«... Когда же будущая схимница не могла найти никого, кто сумѣлъ бы сшить схиму, она достала фотографию схимонаха Михаила, по этому снимку ей была сдѣлана схима и дано было имя Михаила въ честь Михаила Архангела. Такимъ образомъ, Схиमेंія Михаила вѣрила, что полученная ею фотография и имя, данное ей — всё было заранѣе ещё при жизни ея мужа прозорливо предрѣшено Схимникомъ Михаиломъ».* Постригъ совершилъ Владыка Иоаннъ въ 1941 году въ Шанхаѣ.

Когда по окончаніи войны и прихода къ власти въ Китаѣ коммунистовъ Владыка, какъ древній Моисей, эвакуировалъ многихъ изъ Шанхая, въ томъ числѣ и тихихъ монахинь Матушки Михайлы, трудное время пришлось пережить бездомнымъ русскимъ. На долю ихъ всѣхъ выпало покинуть ихъ пріотившій Китай и въ транзитныхъ бѣженскихъ лагерьяхъ ждать возможности вернуться въ Родину.
*Письмо Братству Прп. Германа отъ 12/25 Апрѣля 1974 г.

лагерях ждать возможности попасть в Америку, Австралию или куда-нибудь подальше от коммунистов, поработивших бедную Россию. Господь помог, и выезды, после страшных переживаний на Филиппинских островах (съ вѣчными ураганами и смертоносными тайфунами), благополучно совершились.

3. НОВО-ДИВЬЕВО

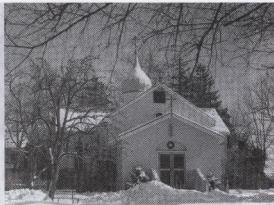
Примерно в это же время начал организовываться женский монастырь в Америкѣ, Ново-Дивьевскій близъ Нью-Йорка. Въ 1950 г. Владыка Иоаннъ послалъ ихъ туда къ О. Адриану, духовному сыну Оптинскихъ старцевъ, а сестеръ обители Игуменнѣ Ариаднѣ на другое побережье Соединенныхъ Штатовъ въ Санъ-Франциско.

Матушка Михаила, обладая тихимъ характеромъ, очень пришлась къ дѣлу О. Адриана, и еѣ со временемъ возвели въ Игуменнѣ ново-строившейся обители. Она была большая молитвенница, исихастского настроенія, и большую часть времени проводила у себя въ келліи на второмъ этажѣ главнаго монастырскаго корпуса, но тѣмъ не менѣе зорко слѣдила за порядкомъ и сестрами. А О. Адрианъ, строитель и духовникъ, былъ занятъ по горло, и тоже, какъ и она, да и какъ Мать Христина, былъ болезненнаго тѣлосложенія. Но жизнь въ Ново-Дивьевѣ, подъ покровомъ Прп. Серафима, гдѣ и по сей день хранится чудотворный прижизненный портретъ Преподобнаго, шла мирно и тихо, была духовно насыщена и сестры съ каждымъ днемъ прибавлялись.

О ней писали: «Въ течение многихъ лѣтъ Схигуменія Михаила болѣла, не покидала своей келліи, управляя жизнью монахинь и слушая богослуженія, передаваемая по проводу изъ храма. Она отличалась высокимъ благочестіемъ, мирнымъ и



О. Адрианъ, впоследствии Архиепископъ Андрей, †1978.



Ново-Дивьевскій Монастырь. Главная церковь въ монастырѣ въ честь Прп. Серафима, 1961 г.

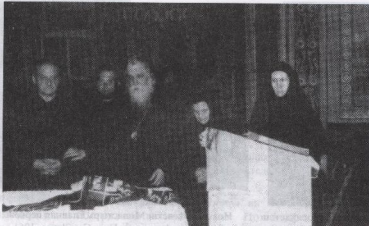


Схигуменія Михаила съ О. Адрианомъ и сестрами на монастырскомъ кладбищѣ. Вторая сверху Матушка Евгения Григорьевна, супруга О. Адриана.

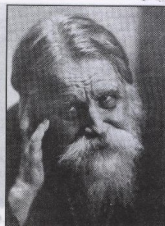
доброжелательнымъ характеромъ, создавъ единую среду сестеръ монастыря и способствуя его росту, развитію и преодолѣнію различныхъ опасностей, дѣйствуя въ полномъ согласіи и единодушіи со строителемъ монастыря, иная епископомъ Андрѣемъ. Созданіе при монастырѣ громаднато кладбища и трудолюбіе, усердіе и молитвенный подвигъ сестеръ при мудромъ руководствѣ его жизнью сдѣлали монастырь духовнымъ центромъ, находящимся недалеко отъ большаго расселенія русскихъ людей въ г. Нью-Йоркѣ и Нью-Йорскомъ штатѣ».*

О. Адрианъ не разъ намъ, ионамъ, рассказывалъ, что Матушка Михаила и ея соратница Мать Христина, высокой духовной жизни, очень начитаны въ святоотеческой литературѣ и что Богъ слышитъ ихъ молитвы, въ чемъ онъ неоднократно убеждался. Самъ Батюшка унаследовалъ отъ Старца Нектарія Оптинскаго благодать разсужденія, и его слова о схигуменнѣ имѣютъ большой вѣсъ. Но при жизни ея мало что глубоко интересовалось почти недостойной подвизницей, скрывающей отъ постороннихъ духовную сторону ея жизни, и поэтому до насъ дошли буквально крупинки. Но есть одинъ фактъ, который наводитъ на мысль о потустороннемъ мирѣ, который нѣтъ-нѣтъ да

*«Православная Русь» № 17, 1969.



Прощание съ Игуменией Михайлою: Др. А. П. Тимофiевичъ, О. Александръ, О. Адрианъ, Монахиня Марiя Стаховичъ и Монахиня Валентина, 1969 г.



О. Адрианъ въ 1958 году.

проскальзывала на поверхность житейскаго моря, какъ бы раздвигая волны и освѣщая, таинственное. Она умерла въ день памяти Валаамскихъ Чудотворцевъ Прпп. Сергiя и Германа, небесныхъ покровителей ея Старца Схимонаха Михаила. Онъ какъ бы спустился на землю взять её съ собой въ Соборъ Валаамскихъ Чудотворцевъ. Послѣ продолжительной болѣзни она скончалась 28-го Июня (11-го Июля) 1969 г., оставивъ послѣ себя добрую память, покрытую таинственной пеленой безмолвiя.

Великiй учитель исихазма Преп. Исаакъ Сиринъ въ своемъ 9-омъ словѣ говоритъ: «Отъ всякаго сокрытiя тайны твоя, и дѣянiя твоя, и брани твоя». А великiй Валаамскiй безмолвникъ, котораго могъ знать и ея Старецъ О. Михаилъ, Схимонахъ Агапiй, говорилъ: «Постарайтесь со смиреннымъ тишiемъ укрыть отъ всѣхъ свое смиренное дѣланiе (Иисусовой молитвы). Когда дорогiя вещи кладутся неосторожно при пути — онѣ удобно похищаются ворами, а хранимыя въ крѣпкихъ кладовыхъ, ноль хорошими замками, сохраняются отъ всѣхъ безопасно... Это вещь очень секретная...» — и повторяетъ съ Преп. Исаакомъ Сиринымъ: «Молчанiе есть таинство будущаго вѣка, а словеса лишь орудiя вѣка сего».*

4. ПРОЗОРЛИВОСТЬ

Нѣкiй Г. Патрикъ сообщаетъ слѣдующее по поводу дара прозорливости у Матушки Михаила:

«Было это лѣтомъ въ началѣ 1960-ыхъ годовъ. Стояла теплая, ещё весенняя погода. Мы, сестра моя и я, навѣщали нашего духовника О. Адриана въ монастырѣ Ново-Дивѣевскомъ, куда довольно часто прибѣжали издалека, изъ большаго сѣвернаго города въ другомъ штатѣ. Слава Богу, наша жизнь

налаживалась послѣ многихъ лѣтъ эмигрантскихъ сложностей и многолѣтней болѣзни въ семьѣ. Мы какъ бы воспряли духомъ, и вѣрилось, что, какъ и безоблачная погода, жизнь наша уже и потекла по радостному руслу и благополучiя и благоденствiя наступаютъ. Были молоды и радовались жизни. Мы знали почти всѣхъ Матушекъ въ обители, а съ нѣкоторыми особенно сблизились, я — съ Матерью Наталiей, а сестра — съ Матерью Гавриилою, которой помогала въ ея «свѣчномъ заводѣ», какъ матушка называла свое послушанiе. Пока я бесѣдовалъ съ Батюшкой Адрианомъ въ его уютной келлiѣ-прiемной, ловя каждое его слово, исходящее отъ его оптинскаго опыта и многихъ лѣтъ гонений за вѣру на Руси, сестра моя помогала съ уборкой въ домовую церковь, гдѣ хранился чудотворный портретъ (прижизненный) Преп. Серафима Саровскаго, и съ ней произошло что-то необыкновенное.

Мы знали также единственную схимницу, матушку Игумению, но она довольно редко появлялась даже и въ храмѣ за богослуженiями, недомогала и «цѣпила свою тишину», какъ О. Адрианъ выражался о ней. Но сестра моя чаще её видела, хотя редко имѣла возможность побесѣдовать. И вотъ вышла сестра послѣ уборки въ храмѣ и сѣла на ступеньки малость отдохнуть. Сяло ярко солнцшко, чирикали птички и порхали бабочки надъ лужайкой мѣжду церковнымъ корпусомъ и лѣскомъ, въ которомъ находилось продолговатое здание келлiй для монахинь и прибѣжающихъ, и туда шла дорожка, раздѣляя эту ярко зеленѣющую на полуденномъ солнцесекѣ лужайку. Слѣва шла дорога на кладбищъ, а ещё лѣвѣй были домики Батюшки Адриана, доктора Анатолия Павловича Тимофiевича, а затѣмъ и главный Серафимовскiй храмъ. А справа живописно видѣлся старый сарай фермера-сосѣдъ

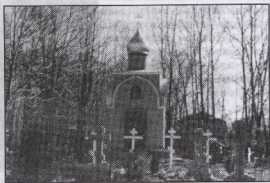
*«Русскiй Паломникъ» № 18, 1998 г.



Ново-Дивѣвскій монастырь, Серафимовская церковь.



Иконостасъ Серафимовскаго храма.



Монастырское кладбище съ часовней въ память Новомучениковъ, насильственно репатриированныхъ въ СССР въ 1945 г.

ярко красного шифта на фонѣ голубого неба съ быстро меняющимися свою форму барашками облаковъ. А въ самомъ центрѣ этой веселящей взоръ лужайки, разсыкая её надвое, была построена небольшая незатѣйливой формы бесѣдка со скамейками вдоль перилъ. Там сидѣла, грѣясь на солнышкѣ, сама игуменья въ своей расписанной бѣлыми крестами схимѣ съ кукулемъ, нависшимъ и закрывающемъ ея ликъ. Сидѣла, какъ застывшая, въ полномъ безмолвіи. Вокругъ нея кишѣла жизнь ликующей природы, жужжали пчелы, порхали мотыльки.

Увидѣвъ, что никого съ ней не было, сестра рѣшила подойти къ Матушкѣ Игуменѣи благословиться, благо что такой случай подвернулся. Она уже подходила къ Матушкѣ, когда та замѣтила её и, повернувшись къ ней, подняла свою бѣлую, какъ воскъ, благословляющую ручку и обнаружила свое улыбающееся бледное личико. И тутъ произошло что-то страшное. Схимница смотрѣла НЕ на неё, а какъ бы вокругъ нея, за ней, сквозь неё. Въ ея вѣчно уставшихъ глазахъ появился ужасъ! Брызнули обильно слезы, и она, продолжая смотрѣть вдаль,

разрыдалась отъ ужасной жалости, неописуемаго состраданія, пока не подбѣжали услышавшія плачь монахини и увели рыдающую схимницу, оставляя сестру въ полномъ недоумѣніи. Но, удаляясь, схимницѣ удалось взглядомъ дать лучъ надежды, несмотря на надвигающееся бѣдствіе, которое сестра невольно уловила въ этомъ неожиданномъ поведеніи схимницы. Событія жизни не замедлили, предчувствія игуменїи вскорѣ оправдались.

Вскорѣ появился у сестры молодой человекъ ея возраста, красивый, интеллигентный, глубоко православно вѣрующій, талантливый, способный во всѣхъ отношеніяхъ и горячо её полюбившій. Партія превосходная, родители съ обѣихъ сторонъ въ восторгѣ, и молодые подходили другъ другу, какъ говорится, «два сапога пара». Уже стали готовиться къ свадьбѣ, какъ разразилась трагедія. Предчувствіе игуменїи оправдалось. Онъ оказался душевно больнымъ. Онъ сбѣжалъ неизвѣстно куда, и пошли душу раздражающіе эпизоды; то онъ возвращался какъ ни въ чемъ не бывало, каялся, плакалъ, искренно говѣлъ и затѣмъ опять сбѣгалъ. Красть деньги на поѣздки въ монастырь и обратно. Страдать ужасно отъ шизофренїи. Нѣкоторые церковные люди твердили, что онъ бѣсноватый, но чудотворецъ Арх. Іоаннъ, знавшій его своимъ прислужникомъ по Шанхаю, категорически отрицалъ, говоря, что нужно найти православнаго психіатра, котораго такъ и не нашли. Страданія были у всѣхъ невыносимы. Горю нашему не было конца.

Было что-то потрясающее трагичное въ этомъ крайне привлекательномъ молодомъ человекѣ. Онъ всё сознавалъ, что дѣлаетъ съ нимъ душевная больная, ощущая себя, какъ прокаженный. Онъ особенно страдалъ, что причинялъ боль другимъ, любящимъ его. Когда въ трезвомъ состояніи читалъ Паремїи или Апостоль съ такимъ благоговѣніемъ, что вызывалъ слезы у слушающихъ, ибо помимо красиваго голоса и прекрасной дикціи и выразительнаго по византийской традиціи чтенія на распевъ, онъ самъ сильно молился Богу, что

передавалось цѣлой церкви молящихся. А то скрывался на пыльномъ чердакѣ цѣлыми днями и ни съ кѣмъ не говорилъ, дуясь на всѣхъ. Разъ засталъ я его тамъ за чтеніемъ «Бѣсовъ» Достоевскаго, онъ прерывалъ Богъ вѣсть въ какой разѣ. Потомъ снималъ подрясники, бѣжалъ домой, искалъ себѣ работу и всё начиналось снова. Часами онъ могъ мастерски играть по памяти цѣлые симфонїи, предложенныя для фортепіано, Шумана, Бетховена, Брамса, рыдая отъ безысходности.

Онъ искренно любилъ мою сестру и молился о ней изо всѣхъ своихъ силъ. И Богъ его слышалъ.

Потомъ онъ, казалось, окончательно исчезъ. А жизнь сестры, видимо, благодаря его молитвамъ, уладилась: прекрасный мужъ, ребенокъ, здоровье, благоденствіе и даже роскошь. А у него всё ухудшалось: отецъ умеръ послѣ долгихъ мучительныхъ лѣтъ болѣзни сердца, оставивъ жену на попеченіе единственнаго неравновѣснаго сына; потомъ мать нашли уже нѣсколько дней мертвой въ пустомъ домѣ, а сынъ пропалъ безъ вѣсти и по сей день. Въ немъ было что-то духовно утонченное-прекрасное, напоминающее древне-русскихъ блаженныхъ, городскихъ, благодѣтелей для народа, но себѣ причинявшихъ неимоверныя страданія. Помыни, Господи, страдальца Александра*.

А прозорливая игуменїя своимъ тонкимъ духовнымъ чутьѣмъ прозрѣла трагедію, но, какъ она при прощанїи намекнула, несчастье оказалось неизбежнымъ.

Навѣрно, были и другіе случаи проявленія ея духовныхъ даровъ, но по грѣхамъ нашимъ неудосужились узнать ихъ. А память ея свята. Помыни насъ, Праведная Матушка Михаила, и вымоли намъ надежду на спасеніе.

*Есть знаменитая картина Сурикова, «Боярина Морозова», съ изображеніемъ въ правой части полотна горюнаго, сидящаго на снѣгу; что-то схожее было и у этого современнаго «блаженнаго».



Прижизненный портретъ-икона Преп. Серафима, хранящаяся въ домовой церкви, гдѣ ежедневно совершается монашеское правило съ Исусовой молитвой по Дивѣевскому уставу.

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГИЯ

Рукописный Валаамский Патерикъ,

ИЛИ СОКРОВЕННАЯ ЖИЗНЬ ИНОКОВЪ НА ВАЛААМЪ

Окончаніе (см. «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» № 25)

5. О ПРОЗОРЛИВОСТИ СТАРЦА О. ИСАИИ

Скончался въ 1914 году Иеромонахъ Отецъ Исаія, прожившій въ обители 60 лѣтъ, изъ нихъ послѣднія 20 лѣтъ прожилъ онъ въ Предтеченскомъ скиту. Жизнь старецъ проводилъ суровую подвижническую. Нестяжаніе у него было поучительное — рукодѣліе, соединенное съ молитвой, — вседневное. Нѣкоторые подвиги у него были удивительны, такъ напримеръ, когда онъ жилъ въ отдельной келліи, то печку зимой не топили, поэтому вода, находящаяся у него въ келліи, замерзала, и онъ,

ради Бога, претерпѣвалъ стужу. Другой сокровенный его подвигъ узнали только послѣ его смерти, когда стали опрятьвать его тѣло, то оказалось, что ногти на ногахъ онъ никогда не остригалъ, вѣдствие чего они были настолько велики, что достигали нѣкоторые двухъ вершковъ длины, другіе, согнувшись, какъ бы вросли въ тѣло. Можно думать, что отъ этого старецъ испытывалъ ужасную боль, но молча, ради Бога, не показывая никому своихъ страданій, онъ сокровенно отъ похвалы людской совершалъ свой подвигъ. Рассказываютъ много случаевъ его удивительной прозорливости, изъ нихъ приведемъ въ примѣръ хотя одинъ. Такъ, однажды скитскому Иеросхимонаху О. Исидору случилось справедливо оскорбиться на одного инока, жившаго въ томъ же скиту, который, считаясь его духовнымъ сыномъ, сознательно оскорбилъ своего духовнаго отца и не приходилъ къ нему, чтобы по обычаю иноческому смирился и попросить прощенія; между тѣмъ подошло время говніи, и оскорбившему волей-неволей надо было прийти къ О. Исидору на исповѣдь. Послѣдній, оскорбившись, рѣшилъ не принимать его на исповѣдь, но отослать къ другому духовнику. «Только что это я подумалъ и рывилъ такъ сдѣлать, — рассказывалъ самъ О. Исидоръ, — какъ въ церкви подходитъ ко мнѣ старецъ О. Исаія и удивительно говорить мнѣ:

«Нѣтъ, отецъ, нѣтъ, ты его не отгоняй отъ себя, это онъ такъ, по простотѣ своей сдѣлалъ, да еще врагъ на него поддѣивалъ. Онъ исправится, прими его и не смущайся», — закончилъ старецъ и отошелъ отъ меня. Я былъ до крайности удивленъ, думая, какъ же это такъ, почему онъ могъ провидѣть мое намѣреніе и узнать мои мысли? Конечно, послѣ этого я съ любовью принялъ помянутого инока, и послѣдній дѣйствительно послѣ этого случая совершенно исправился».

6. О СИЛѢ СЛОВЪ
СТАРЦА ИЕРОМОНАХА ИСАИИ

Прійхавъ однажды въ Предтеченскій скитъ на лодочкѣ съ провожатымъ изъ обители одинъ весьма почтенной наружности генералъ. Хозяинъ скита О. И. пошелъ къ нему съ привѣтствіемъ. Генералъ объявилъ ему, что онъ по благословенію отца Игумена прійхалъ для того, чтобы побесѣдовать со старцемъ О. Исаіей; тогда хозяинъ скита отвѣтилъ ему: «Что же можетъ Вамъ особенное сказать Отецъ Исаія — вѣдь онъ челоуѣкъ простой, необразованный и едва ли Вы можете отъ него узнать что-либо интересное». Генералъ какъ бы опѣшилъ и смущенно возразилъ: «Мнѣ сказали, что старецъ О. Исаія — подвижникъ святой жизни». На эти слова генерала хозяинъ отвѣтилъ: «Да у насъ-то и всѣ здѣсь живущіе братія — подвижники. Но только для Васъ, какъ челоуѣка образованнаго, О. Исаія, какъ старецъ-престецъ, для собесѣдованія не годится. Вотъ Вы лучше сходите въ нашу скитскую церковь; погуляйте по острову, здѣсь у насъ есть чудная живописная мѣстечка». — «Да, нѣтъ же! Я не за этимъ сюда прійхалъ, — отвѣтилъ ему смущенно генералъ, — мнѣ надо успокоить свою душу, кто бы онъ ни былъ, вашъ отецъ Исаія, а разъ Игуменъ благословилъ мнѣ съ нимъ побесѣдовать, то прошу покорно провидѣть меня къ нему» — «Въ такомъ случаѣ, пожалуйста! Вотъ братъ Николай проведетъ Васъ до его келліи».



О. Исаія

«Мы пошли вмѣстѣ, — послѣ рассказывалъ намъ братъ Николай, — когда я сотворилъ молитву у дверей келліи, старецъ отвѣтилъ «Аминь!» и отворилъ дверь своей келліи. Генераль вошелъ въ келлію, а я остался въ коридорѣ. Прошло нѣсколько минутъ, и вотъ я слышу, изъ келліи О. Исая сталъ раздаваться какой-то сильный плачь; меня это ужасно заинтересовало, кто это плачетъ и почему? — думалъ я. Подождавъ нѣсколько минутъ, я не вытерпѣлъ, меня волновало духовное желаніе попользоваться старческой бесѣдой, и я тихонько слегка приоткрылъ дверь, такъ что мнѣ въ образованную щель можно было слышать ихъ бесѣду. Слышу, генераль плачетъ, какъ дитя, а старецъ строгимъ голосомъ, но раствореннымъ вмѣстѣ и любовно, вразумляетъ его. Генераль сквозь слезы между прочимъ говоритъ старцу: «Эти два человѣка, батюшка, по моей винѣ погибли! Я — виновникъ ихъ смерти!» Старецъ отвѣчаетъ на это ему: «Тебѣ нужно Давидово покаяніе, подражай ему въ этомъ, но не отчаявайся подобно Саулу. Вотъ Слово Божіе какъ намъ объ этомъ говорить», — при этомъ О. Исая сталъ приводить тексты изъ Священнаго Писанія, и такъ всё это у него выходило разумно и паидательно, что я былъ удивленъ до крайности: да нашъ ли старецъ-престецъ О. Исая такъ разумно и прекрасно, думалъ я, говорить?! Генераль не могъ много говорить, а только плакалъ и рыдалъ. Наконецъ старецъ сталъ его успокаивать и, утѣшая, сказалъ: «Не скорби сильно, а уповай на милость Божію; Господь да поможетъ тебѣ и да подастъ тебѣ



Схимонахъ Никита

истинное и спасительное покаяніе и умиротвореніе!» — и сталъ съ нимъ прощаться. Въ это время я поспѣшилъ отойти отъ двери. Немного спустя вышелъ изъ келліи и генераль весь въ слезахъ и, утирая дорогой слезы, сказалъ мнѣ: «Ведите меня на пристань къ лодкѣ». — «Можетъ быть, Вы желаете посмотреть скитъ?» — возразилъ я. «Нѣтъ, нѣтъ, ничего мнѣ больше не надо, я получилъ то, за чѣмъ сюда прѣхалъ!» Видно было, что отъ волненія генераль не въ состояніи былъ ничего больше говорить, и я молча провелъ его до лодки, и онъ съ провожатымъ уѣхалъ изъ скита обратно въ монастырь».

7. О БЛАГОДАТНЫХЪ СЛОВАХЪ СТАРЦА СХИМОНАХА ОТЦА НИКИТЫ

Подобный же случай произошелъ и съ другимъ человѣкомъ, который неожиданно заплакалъ,

увидѣвъ схимонаха О. Никиту. Рассказывалъ намъ объ этомъ помощникъ гостинника О. Петръ. Прѣхалъ къ намъ на Валаамъ среднимъ лѣтъ офицеръ, прѣхалъ собственно не для богомолья, такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень маловѣрующій и къ религіознымъ вопросамъ относился весьма равнодушно, какъ и самъ онъ послѣ объ этомъ говорилъ. Цѣль его поѣздки была: поразвлечься и полюбоваться красотой дивнаго и живописнаго Валаама. Получилъ благословеніе у Настоятеля О. Игумена осмотрѣть скиты и всѣ достопримѣчательности обители, послѣдній пожелалъ прежде всего покататься на лодкѣ по заливамъ монастыря и на пути заѣхать кое-куда въ скиты: «Вотъ меня и командировали, — говорилъ О. Петръ, — спрово-

ждать послѣдній и показать всё интересное. Вотъ мы съ нимъ и поѣхали на лодкѣ по заливу; дорогой мой спутникъ разговорился со мною по душѣ — сознавался, что ему жизнь ужасно надоѣла: цѣль жизни онъ давно уже потерялъ; кругомъ видить только одну ложь и лицемеріе. «Ничего отраднаго въ своей жизни не нахожу; ко всему» сталъ холоденъ и равнодушенъ, смотрю на всё прямо съ какимъ-то озлобленіемъ» — и т.д. и всё въ такомъ же родѣ говорилъ мой унылый и разочарованный въ своей жизни спутникъ. Осмотрѣли мы Ковескій скитъ; поѣхали дальше по заливу въ Предтеченскій скитъ. Прѣхали. Выйдя изъ лодки и поднявшись на гору, мы осмотрѣли сначала братскія келліи, садъ, зашли на минутку въ церковь, затѣмъ пошли ко Кресту, откуда открывался чудный видъ на озеро и на острова — всё это произвело на моего спутника пріятное впечатлѣніе. Затѣмъ пошли по дорожкѣ кругомъ острова. У меня было давнишнее желаніе повидать старца схимонаха О. Никиту и побесѣдовать съ нимъ по душѣ — на пользу. Но какъ поступить? Я знаю, что спутникъ мой этого не желаетъ и не интересуется этимъ; тогда я его дорогой осторожно предупредилъ и сказалъ ему такъ: «Я Васъ на нѣсколько минутъ оставлю, такъ какъ думену зайти для духовной бесѣды къ одному старцу». — «Пожалуйста, пожалуйста!» — отвѣтилъ на мои слова мой спутникъ. — Сколько угодно говорите, я подожду, только ужъ меня отъ этого увольте, такъ какъ я не имѣю никакой охоты слушать назидательные рассказы». Дорожка скитская, какъ извѣстно, проходитъ мимо самой келліи старца. Только что мы подошли къ его келліи, я слегка

постучался въ дверь келліи, и старецъ немедленно вышелъ навстрѣчу. Мой спутникъ-офицеръ, не успѣвъ ещё отойти и какъ бы невольно обернувшись или заинтересовавшись видомъ старца-схимника, посмотрѣлъ на него. Отецъ Никита съ своей обычной ласковой и приветливой улыбкой посмотрѣлъ на насъ и, поклонившись, сказалъ намъ: «Здравствуйте, дорогие гости, добро пожаловать! Заидите ко мнѣ, убогому, поспѣйте меня, грѣшнаго!» Офицеръ растерялся отъ неожиданности такой встрѣчи и приветствія, да и я тоже не зная, что дѣлать. Старецъ, какъ бы не замѣчая нашего смущенія, ещё приветливо приглашалъ насъ поспѣвить его. Мой странникъ развелъ руками и въ недоумѣніи, не отдавая себѣ отчета, покорно пошелъ за старцемъ въ его крошечную переднюю молитвенную келлію. Старецъ посадилъ насъ, а самъ сѣлъ передъ нами на низенькую скамеечку и, любезно глядя на насъ, началъ просто и добродушно съ нами разговаривать. Я замѣтилъ, что мой странникъ, какъ будто чѣмъ пораженный, сдѣлался растроганнымъ. Сказавъ старцу нѣсколько словъ, онъ вдругъ неожиданно залился слезами, откуда только онъ взялся у него, онъ плакать такъ, какъ плачутъ маленькія дѣти, когда ихъ кто-нибудь сильно обидитъ. Тогда старецъ началъ его утѣшать, говоря: «Не скорбите, а молитесь Господу и Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ, и Вамъ будетъ отрадно». Но онъ сквозь слезы, рыдая, говорилъ: «Батюшка! Батюшка! Вѣдь я великій грѣшникъ!» — «Не отчаявайтесь въ своемъ спасеніи, дорогой мой, вѣдь Господь-то пришелъ на землю грѣшниковъ спасти, а не праведниковъ», — отвѣтилъ на это ему старецъ. Я почувствовалъ, что мое присутствіе здѣсь излишне, и молча вышелъ изъ келліи. О чѣмъ они говорили, я не знаю, но только спустя довольно порядочное время вышелъ мой офицеръ съ лицомъ, опухшимъ отъ слезъ. Дорогой, возвращаясь обратно въ монастырь, послѣдній мнѣ неоднократно говорилъ съ изумленіемъ: «Я не понимаю, что это со мной произошло; я въ жизни своей никогда такъ не плакалъ, какъ теперь плакалъ. Этотъ старецъ у Васъ, дѣйствительно, святой человѣкъ, и я чувствую, что въ душѣ послѣ разговора съ нимъ произошло какой-то спасительный переломъ. Теперь и жизнь для меня стала имѣть смыслъ, и я знаю, къ чему человѣкъ долженъ стремиться, чтобы найти счастье. Безъ Бога мы дѣлаемся самыми жалкими и несчастными людьми». Слыша такіе слова отъ своего спутника, я радовался въ душѣ и благодарили Бога, думая, что вотъ, гдѣ онъ и не ожидалъ, обрѣлъ миръ своей мятущейся душѣ и отраду своему сердцу.

8. О. НИКИТА: «ПОСЛУШАНИЕ И ВЪ ВОДѢ НЕ ТОНЕТЪ»

Разсказывалъ О. Петръ. «Будучи ещё послушникомъ, я иногда ходилъ къ покойному старцу схимонаху О. Никитѣ въ Предтеченскій скитъ для

духовной пользы. Однажды, ровно за годъ до его смерти, старецъ просилъ меня, черезъ другихъ, чтобы я зашелъ къ нему для какого-то дѣла. Утромъ, пораньше, я пошелъ къ нему; это было въ срединѣ Апрѣля мѣсяца, когда на озерѣ ледъ былъ очень плохъ. Пользуясь утренникомъ, я перебѣжалъ съ нашего монастырскаго острова на Предтеченскій островокъ благополучно и пришелъ къ старцу. Старецъ радушно меня принялъ и просилъ написать ему отвѣты на нѣсколько полученныхъ имъ писемъ. Я охотно согласился и писалъ письма почти до обѣда. Затѣмъ мы съ нимъ пошли въ убогую трапезу скита, по окончаніи трапезы я снова пошелъ въ келлію старца и продолжалъ писать письма. Закончивъ, мы съ нимъ духовно побесѣдовали, поинтересались. Такъ какъ время уже было далеко за полдень, то старецъ при прощаніи со мною, съ своей обычной приветливой улыбкой, сказалъ мнѣ: «Ты, братъ П., когда спустишься отъ моей келліи на озеро, такъ иди смѣло не по дорогѣ, а на мысокъ, который выдается съ Валаамскаго острова, и иди смѣло «ничтоже сумняшася». Богъ да благословитъ тебя и да сохранитъ!» Я, окрыленный старческой бесѣдой и напутственнымъ благословеніемъ, радостно пошелъ въ обратный путь. Спустившись съ горы по лѣстницѣ, которая идетъ отъ келліи старца на озеро, я приблизился къ водѣ и вижу, что тамошній скитскій Іеромонахъ Иллѣодоръ бросаетъ на ледъ камни, желая узнать твердость льда; камни пробивали ледъ легко и погружались въ воду, такъ какъ весеннее солнце сильно пекло, и ледъ сдѣлался очень слабымъ. У меня въ душѣ не обнаруживалось ни малѣйшаго страха, ни смущенія, и я, не подходя близко къ іеромонаху, боясь, чтобы онъ меня не задержалъ разговорами или бы не отговорилъ меня отъ переправы по плохому льду, смѣло вступилъ на ледъ и твердо и увѣренно пошелъ къ другому берегу. Ледъ хотя былъ очень слабъ, но я, какъ бы слыша въ ухахъ благословеніе О. Никиты, къ которому имѣлъ большую вѣру и любовь, безбоязненно шелъ по льду всё дальше и дальше. Іеромонахъ, какъ онъ послѣ говорилъ пишущему сіи строки, съ ужасомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на это шествіе какъ бы прямо по водѣ, хорошо сознавая, что идти по льду ни въ какомъ случаѣ было нельзя. Благополучно перейдя на указанное мѣсто, я тогда какъ бы ономинился и, сознавая всю серьезность своего путешествія, сталъ уже не вѣрой, но разсудкомъ руководствоваться и, пройдя немного по берегу, снова захотѣлъ испытать, насколько твердъ ледъ, и только что коснулся ногой льда, какъ сразу же ввалился чуть не по поясъ въ холодную воду и моментально высочился на берегъ. Выливъ изъ сапогъ зачерпнутую воду, я уже не сталъ больше испытывать твердость льда, но быстро пошелъ домой. Объ этомъ случаѣ я никому ни слова не говорилъ, опасаясь прослыть чудотворцемъ или

хвастушью. Но это истинное событие, которое было со мной за год до смерти схимонаха Никиты, и только сила его старческих молитв и мое къ нему послушаніе спасло меня отъ потопленія».

9. КОНЧИНА О. НИКИТЫ И О. ОНУФРІЯ

Повѣдалъ одинъ инокъ, что, будучи однажды въ скиту Всѣхъ Святыхъ, онъ зашелъ въ церковь, служба ещѣ не начиналась, и покойный старецъ схимонахъ Онуфрій былъ уже въ церкви. Вскорѣ пришелъ въ церковь и Отецъ Никита, Предтеченскій пустынноикъ-схимонахъ, для того, чтобы помолиться; это было на второй день Святой Пасхи. Старцы, увидѣвъ другъ друга, стали любезно между собою бесѣдовать, поэтому, чтобы не мешать ихъ духовной бесѣдѣ, ранѣе приходившій инокъ хотѣлъ отойти отъ нихъ въ сторону; замѣтя это, старцы пожелали, чтобы и онъ былъ участникомъ ихъ бесѣды. Говорили между прочимъ и о своей смерти, которая скоро, скоро должна ихъ посѣтить. Тогда инокъ промолвилъ было словечко и о себѣ, что дескать, и его смерть, можетъ быть, скоро придетъ. Но старцы съ улыбкой отвѣтили ему: «Нѣтъ! ты ещѣ поживешь, вѣдь ты ещѣ молодой, всего впередъ увидишь. — и горькаго и сладкаго, а вотъ намъ-то, старичкамъ, пора уже къ ней-то и готовиться». При этомъ О. Никита сказалъ: «Я прошу у Господа, чтобы мнѣ умереть на Пасху; это мое искреннее желаніе». — «А я, — промолвилъ О. Онуфрій, — молю Господа и Пресвятую Богородицу, чтобы мнѣ умереть на Успеніе на первый, или на второй, или же на третій день сего дивнаго праздника Царицы Небесной». Старцы, поговоривъ съ любовью о Господѣ, просили другъ у друга святыхъ молитвъ. Въ это время начали Богослуженіе. И что же мы видимъ? Дивны дѣла Твои, Господи! — Отецъ Никита скончался въ вечеръ Великой Субботы. Хоронили его на третій день Святой Пасхи. А О. Онуфрій скончался 17-го Августа, а погребенъ 19-го Августа въ поспразднство Успенія Божіей Матери.

Понстинъ велики къ намъ милости Божіи! Господь волю боящихся Его сотворить, и молитву ихъ услышитъ», — какъ говоритъ Псалмопѣвецъ. «Возблагодаримъ Господа Всеблагаго, Который милуетъ боящихся Его и волю ихъ исполняетъ, если она не противна Его Божественной волѣ!»

10. БЛАГОДАТНАЯ МОЛИТВА СХИМОНАХА О. ОНУФРІЯ

Внутренняя жизнь инока всегда была сокровенна для всѣхъ его окружающихъ, по слову апостола Павла: *Имуще животь Вашу сокровень со Христомъ въ Бозѣ*. Подобно и преп. Исаакъ Сиринъ пишетъ: «Буди сирянтъ отъ всѣхъ». Вслѣдствіе этого

иноки-подвижники сохраняють свое сердце, какъ Святая Святыхъ, неприступнымъ и сокровеннымъ для окружающихъ ихъ, хотя и близкихъ и духовно расположенныхъ къ нимъ людей. Только передъ смертію бываетъ то, что повѣдалъ иногда подвижникъ свое внутреннее состояніе близкому по духу, кому-либо изъ братіи.

Мирною кончиною отошелъ отъ насъ къ Господу 17-го Августа 1912 года старецъ-подвижникъ схимонахъ О. Онуфрій. Прожилъ онъ на свѣтѣ 81 годъ, изъ нихъ 49 лѣтъ провелъ въ монашествѣ. Последние годы своей жизни прожилъ онъ въ скиту Всѣхъ Святыхъ, гдѣ и погребенъ за алтаремъ скитскаго храма. Старецъ О. Онуфрій былъ инокъ примѣрной жизни, сіющій многими добродѣтелями, какъ то: нестяжательностью, молчаніемъ, воздержаніемъ, трудолюбіемъ, любовію къ молитвѣ церковной и келейной, кроткій, смиренный, незлобивый и т.п. Последние годы онъ былъ боленъ, но покорно и благодушно переносилъ свою тяжкую болѣзнь. Многіе уважали его за его святую жизнь и иной разъ, навѣщая его боляшаго, пробовали узнать его внутреннее дѣланіе, разспрашивая, какъ у него идетъ молитва, но онъ всегда уклонялся и никого не впускалъ въ свое сердце, никому не довѣряя свое сокровище, только уже наканунѣ своей смерти, сидя на своемъ убогомъ ложѣ, съ радостной и любовной улыбкой повѣдалъ онъ близкому себѣ по духу иноку свою жизнь и какъ онъ пріобрѣлъ себя непрестанную молитву.

«Я былъ въ міру господскимъ человѣкомъ и сильно отъ самой юности стремился къ монашеству, и не разъ просился у своихъ господъ отпустить меня въ монастырь; но меня противъ моей воли женили. Впрочемъ, не долго я пожилъ со своей женой, которая, кстаи сказать, была добрая и вѣрующая, и я еѣ упросилъ отпустить меня въ монастырь. Въ то время крестьяне уже вышли на волю, баринъ уже не могъ меня удерживать, но мужички-то меня удерживали и долго не отпускали. Пришлось ихъ, по ихъ желанію, угостить водочкой, и вотъ только тогда они меня уволили изъ общества. И вотъ наконецъ-то, развязавшись отъ всѣхъ мірскихъ сѣтей и оковъ, устремился я въ монастырь, съ великою радостію. Про Валаамъ я уже слышалъ ранѣе, куда и направилъ свои стопы и *Богу помогающе*, 10-го Іюня 1863 года вступилъ я въ тихую святую Валаамскую Обитель».

Живя въ монастырѣ, я усердно проходилъ многія возложенныя на меня послушанія, во всемъ отъсѣвая свою волю, стараюсь навѣвать монашескимъ добродѣтелямъ, а наипаче внутренней Иисусовой молитвѣ. По совѣту и благословенію своего старца, я сталъ усердно заниматься Иисусовой молитвой. Старецъ училъ меня творить молитву просто, не прибѣгая ни къ какимъ искусственнымъ приемамъ, держа вниманіе въ грудной полость. По прошествіи нѣкотораго времени на меня начали нападать

различныя сильныя брани и искушенія. Сначала возмутила мой умъ брань чрезъ различныя помыслы: то злоба, то гнѣвъ на ближнихъ возмущала меня, и словно туча мрачная висѣла надо мною — такъ нападла на меня всевозможныя помышленія. Потому я повѣдалъ свое тяжелое состояние старцу. Онъ, меня успокоивъ, сказалъ: «Это пройдетъ, не смущайся и твори усердіе Иисусову молитву, приимай никакиѣ помыслы и воображенія; отгоняй ихъ, но никакъ со вниманіемъ въ молитвенныя слова и отъ души взывай ко Господу съ покаяніемъ и смиреннѣмъ сознаніемъ своего ничтожества и всѣдлѣй грѣховности, помня также Его вседѣ присутствіе. Не успѣла ещѣ эта брань угнуживъ, какъ пришла новая напасть, обнаружилъ во мнѣ сильнѣйшій жаръ, наиболее въ груди, и настолько сильный, что я не зналъ, что и дѣлать. Прикладывалъ я и снѣгъ, и лѣтъ къ своей груди, но ничего не помогало, словно во мнѣ горѣло что-нибудь. Спасибо старцу! Онъ меня и въ этомъ искушеніи поддержалъ и не далъ впасть въ уныніе и безнадѣе. Едва это искушеніе стало пропадать, какъ налетѣло новое: пошли у меня по всему тѣлу какіе-то подкожныя пузыри; кожа какъ-то странно опухала, вздувалась, хотя боли я не ощущалъ, но порядочно смущался этимъ новымъ горемъ. Постѣ этого ещѣ худшее искушеніе стряслось со мной. Пропалъ у меня сонъ, и я сильно страдалъ безсонницей: проходили дни, недѣли, мѣсяцы, а сна у меня почти совершенно нѣтъ; какъ ни быось, а заснуть никакъ не могу. Признаться, я уже испугался не на шутку, думая, что такъ, видно, съ ума я сойду отъ безсонницы. Но опять старецъ успокоилъ меня и увѣрилъ, что и это искушеніе скоро пройдетъ. Такъ я бился, боролся съ различными искушеніями года четыре; но, наконецъ-то, помиловалъ меня Господь, окончились у меня эти искушенія, и я сталъ усюкоиваться. Теперь мнѣ все легче и легче стало заниматься умной молитвой; вниманіе уже не такъ отбѣгало, и все чаще и чаще стали приходять слезы умиленія и покаянія. Во время молитвы миръ Божественный сталъ освѣять мою грѣшную душу. Я всегда просилъ Господа, чтобы Онъ удостоилъ меня быть молитвенно неотходно съ Нимъ, и чтобы молитва всегда возносила къ Нему изъ моего сердца. И вотъ, Вселгаіи Господь благоволилъ меня недостойнаго угтѣшить и наградитъ не по дѣламъ моимъ, но по Своей неизреченной милости. Помню, это было въ Свѣтлую Христову заутреню, когда пошли по обычаю церковному съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви и заплѣ торжественную и радостную пѣснь: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесахъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебѣ славити». Внезапно въ моемъ сердцѣ какимъ-то непостижимымъ образомъ возгорѣлся духовный огонекъ и съ тѣхъ поръ сталъ

меня непрестанно духовно согрѣвать и угтѣшать. Молитва пошла сама собой, какъ руческъ воды текущей, закипла въ моемъ сердцѣ неизсякнмая ко Господу любовь; духовная радость наполнила мою душу, а слезы-то, по слову Псалмопѣвца, *бѣгаа мнѣ хлѣбъ день и ноцъ*. Только просилъ я Господа, чтобы въ трапезѣ мнѣ не плакать и этимъ не выдавать себя и не смущать братію; это Господь даровалъ мнѣ. И вотъ прошло уже 37 лѣтъ, какъ неотходно этотъ духовный огонекъ обитаетъ въ моемъ сердцѣ. Правда, бывали случаи, за какое-нибудь неосторожное слово онъ меня на нѣкоторое малое время оставлялъ; тогда я плакалъ, каюсь предъ Господомъ; просилъ Его милости, и огонекъ снова появлялся въ моемъ сердцѣ и согрѣвалъ меня духовно. Настолько онъ тонокъ и духовенъ, что лезья не только что-нибудь худое сдѣлать, но онъ не терпитъ и разговора о чемъ-нибудь суетномъ или грѣховномъ. Теперь безъ Господа я не могу жить и одной минуты, что бы я ни дѣлалъ, а въ сердцѣ моемъ огонь молитвенный неослабно горитъ, и молитва, какъ струя, течетъ всегда внутри меня. Вотъ завтра, если Господь благословитъ, — закончилъ свою речъ старецъ, съ веселой улыбкой глядя на своего собесѣдника, — нашъ скитскій Іеромонахъ О. Серафимъ утромъ причаститъ меня Божественныхъ Христовыхъ Таинъ, да пора, пора мнѣ уже домой къ протцамъ». — «Ну, Вы еще поживете, батюшка, — возразилъ инокъ, — вѣдь Вы ещѣ не такъ слабы, чтобы такъ скоро Вамъ уже и умереть». — «Нѣтъ, — отвѣтилъ на это старецъ увѣреннымъ и твердымъ голосомъ, — завтра я оставлю васъ и отправляюсь домой къ протцамъ. Вѣдь тамъ несравненно лучше, чѣмъ здѣсь». — «Но я, — говоритъ инокъ, — въ своемъ сердцѣ этому не повѣрилъ, видя его такимъ весело-радостнымъ и добро сидящимъ на своемъ убогомъ ложѣ и твердымъ голосомъ со мною говорящимъ». Разговоръ этотъ былъ уже позднимъ вечеромъ, а на другой день, 17-го Августа, послѣ ранней литургии, причастившись Святыхъ Христовыхъ Таинъ, спустя какихъ-нибудь полчаса послѣ причащенія, старецъ тихо и мирно предалъ духъ свой въ руцѣ любимаго имъ Господа, Котораго онъ отъ юности возлюбилъ всемъ сердцемъ и Которому онъ всею душою усердно служилъ и угождалъ. Надъ нимъ вонисту исполнялось слово псалмопѣвца: *Блаженъ, егосже избралъ еси и прилъ, вселится во дворѣхъ Твоихъ* (Пс. 64, 5).

Мы вѣримъ, что нынѣ онъ во *святостехъ Святыхъ*, наслаждаясь липезрѣніемъ Господа, неизречно блаженствуя, славить Всеблагаго Бога.

11. О. ВЕНАМИНЪ: ПОМОЩЬ ИНОКУ ИЗЪ ЗАГРОБНАГО МІРА

Справедливо Св. Отцы сказали: «Монахъ не вернется въ свою келлію такимъ, какииъ вышелъ изъ

нея». Что же сказать намъ о тѣхъ отлучкахъ невольныхъ за святое послушаніе изъ обители иноковъ, когда имъ приходится долго жить среди міра и его соблазновъ, напримѣръ, на подворьяхъ въ городахъ, или, что ещё несравненно опаснѣе и вреднѣе для инока, жить среди семьи, окруженнымъ разными соблазнами мірскими? Въ такую обстановку жизни попадаютъ священноиноки, когда ихъ временно посылаютъ на приходъ вмѣсто священника, тогда поневоле приходится иноку жить въ семьѣ среди соблазновъ. Врагъ старается уловить въ свои сѣти вышедшаго изъ обители инока, и только сила молитвы и сила св. послушанія сохраняютъ ихъ отъ паденія грѣховнаго. Рассказывалъ намъ одинъ инокъ, находившійся въ подобной обстановкѣ: «Однажды, когда мнѣ было очень тяжело и я уже былъ на краю гибели, а помощи подать мнѣ было нѣоткуда, я находился въ сильномъ волненіи, какъ вдругъ моментально, совсѣмъ неожиданно для себя, я впалъ въ забывчивость или какъ бы въ легкой сонъ. И вотъ я вижу, откуда-то по воздуху величаво и радостно идетъ ко мнѣ покойный нашъ старецъ Иеросхидіакоу Веніаминъ въ полной схимѣ. Лицо у него было какъ свѣтъ; схема — словно огненная; лучи свѣта испускаетъ отъ себя вся его величавая личность. Подошелъ онъ ко мнѣ, приятный, веселый и радостный. Увидавъ его, я бросился къ нему какъ бы на шею и низко, низко поклонился ему; затѣмъ сталъ жаловаться на свое тяжелое положеніе, сказавъ ему между прочимъ: «Помолитесь, батюшка, за меня, мнѣ вѣдь здѣсь очень тяжело стало жить». — «Я за тебя постоянно молюсь!» — отвѣтилъ старецъ. — Не скорби. Богъ да поможетъ тебѣ и да охранитъ тебя!» Съ этими словами старецъ моментально отъ меня скрылся, а я будто бы очутился уже на Валаамѣ, въ церкви Предтеченскаго скита. Вижу, на своемъ обычномъ мѣстѣ, за правымъ клиросомъ, сидитъ уважаемый всѣми нами въ то время еще здравствовавшій старецъ-схимонахъ О. Никита. Я радостно устремляюсь къ нему и говорю ему тѣ же слова, какія говорилъ и О. Веніамину: «Батюшка, помолитесь за меня; мнѣ вѣдь очень тяжело и опасно жить среди міра». Отецъ Никита, тоже утѣшивъ меня духовными словами и обещавъ молиться обо мнѣ, между прочимъ сказалъ мнѣ: «Господь поможетъ тебѣ. Не бойся! Не скорби!» Съ этими словами я очутился отъ своей забывчивости и что же? Совершенно другое состояніе ощутилъ я въ своей душѣ, тишину, миръ и полное прекращеніе брани грѣховной. Вскорѣ окончивъ свое послушаніе, я вернулся въ обитель и, когда пріѣхалъ въ Предтеченскій скитъ, увидалъ старца О. Никиту и, радостно привѣтствовавъ его, сталъ было говорить ему, какъ мнѣ было тяжело и просилъ его св. молитвы. На это онъ съ обычной своей улыбкой отвѣтилъ мнѣ такъ: «Я постоянно за тебя молюсь, Я

зналъ, что тебѣ было тяжело». А потомъ какъ-то особенно посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ: «Вѣдь я же у тебя былъ тогда». И я сразу же понял, о чемъ онъ говоритъ. Понялъ, что онъ дѣйствительно былъ у меня въ ту самую ужасную минуту, когда я изнемогалъ въ тяжелой борьбѣ, и если бы не наши два старца, одинъ — изъ того міра, а другой — изъ живой ещё братіи, по Божію милосердію, не спасли бы меня отъ грѣховной гибели, то не знаю, что бы тогда было съ моей бѣдной душой».

12. ВИДѢНІЕ СХИМОНАХА О. ИННОКЕНТІЯ

Повѣдалъ намъ схимонахъ Иннокентій. «Когда я жилъ на послушаніи въ Германовскомъ скиту, то однажды, когда вся скитская братія говѣла, а у іеромонаха того же скита О. Іосія случилась съ однимъ изъ братіи размолвка и дѣло дошло до легкой ссоры, во время литургіи, подхода ко Св. Причащенію, я подумалъ съ сожалѣніемъ про помянутаго іеромонаха, какъ-то онъ себя чувствуетъ, бѣдный, отъ этой неприятности? Спокоенъ ли его духъ? И вотъ, подходя къ Св. Чашѣ, я испуганно посмотрѣлъ ему въ лицо. И что же я увидѣлъ? Я даже до сего времени не могу понять этого. Узрѣлъ я его стоящимъ какъ бы на какомъ-то возвышеніи и ростомъ чуть ли не въ два раза выше меня, такъ что, чтобы поглядѣть ему въ лицо, мнѣ пришлось высоко поднять голову, и притомъ отъ него исходилъ какой-то необыкновенно приятный свѣтъ, такъ что даже и волоса на головѣ свѣтились и всё лицо сіяло; а одежда была какая-то особенно блистательная. Я было до крайности пораженъ и изумленъ его видомъ. Со страхомъ подошелъ я къ Св. Причащенію. О. Іосій съ кроткой и приятной улыбкой преподавалъ мнѣ Божественныя Тайны. Когда же я отошелъ отъ Св. Чаши и обернувшись, снова посмотрѣлъ на іеромонаха, то уже увидѣлъ его въ обычномъ видѣ, безъ всякой перемѣны. Я много удивлялся сему видѣнію, но никому не говорилъ ни слова, размышляя самъ въ себѣ и удивляясь, какъ это Всемилостивый Господь возвышаетъ и украшаетъ Своихъ служителей, не смотря на ихъ нѣкія малыя немощи и недостатки?»

13. ВИДѢНІЕ ІЕРОМОНАХА О. НАОНАИЛА

Повѣдалъ намъ покойный Іеромонахъ О. Наонаилъ про себя слѣдующее: «Когда я, будучи ещё послушникомъ, жилъ въ монастырѣ и, проживъ въ немъ спокойно нѣсколько лѣтъ, нимало волнуясь мыслно уйти обратно въ міръ, я уже сталъ подумывать, какъ бы мнѣ окончательно отписаться отъ міра — приуказаться и быть инокомъ монастыря. Но вдругъ мое намѣреніе сразу почему-то стало перемѣняться. Пошли различныя помыслы о

домашних, оставленной приятности мирской жизни и т.п. В обители мнѣ всё стало казаться каким-то скучнымъ и унылымъ; братья казались словно чужие и непривлекательные. Однимъ словомъ, я заскучалъ и сталъ жить въ монастырѣ съ большой тиготой и скорбною. Ходилъ и къ своему старцу; открывалъ ему свое тяжелое состояніе. Старецъ утѣшалъ меня какъ могъ и совѣтовалъ перетерпѣть это вражеское искушеніе; оно должно было, по его словамъ, скоро кончиться. Но время шло..., а мнѣ становилось всё скучнее и всё тяжелѣе. И вотъ я рѣшился уѣхать къ роднымъ въ міръ; пожить среди нихъ, чтобы успокоить свою унылую душу. Пошелъ къ О. Игумену и сказалъ ему, а также и старцу, свое рѣшеніе; они долго меня уговаривали и убѣждали не уѣзжать изъ обители, но я крѣпко уперся, увѣряя ихъ, что у меня больше нѣтъ силъ жить въ монастырѣ, а ужъ лучше я съѣзжу домой и тамъ отдохну и успокоюсь: «Потомъ снова приѣду къ вамъ и тогда уже со свѣжими силами примусь за иноческіе подвиги и труды». Тогда они, видя мое упорство, уступили, сказавъ: «Ну что жъ дѣлать? Дѣлай, какъ знаешь, если не хочешь насъ слушать!» Я былъ въ восторгѣ, что уѣзжаю домой; живо сдаль монастырскія вещи и поспѣшилъ перебраться изъ монастыря на гостиницу, горя нетерпѣливымъ поскорѣй съ первымъ парходомъ уѣхать съ пустынного и скучнаго Вадаама. Наканунѣ своего отъѣзда, вечеромъ, находясь одинъ въ келліи на гостиницѣ, я присѣлъ не раздѣваясь на кровать и сталъ раздумывать, какъ я поѣду, съ кемъ увижусь, какъ буду себя держать въ кругу старыхъ знакомыхъ и родныхъ. Картинныя мысли — одна другой радужнѣе и привлекательнѣе воображались предъ моими очами. Въ келліи было совершенно свѣтло. Я лежалъ съ открытыми глазами, иной разъ на минутку закрывалъ ихъ, а потомъ снова съ открытыми глазами мечталъ и мечталъ о своемъ будущемъ счастье. Но вотъ во время самого моего разгара мечтаній, открывъ сжатые глаза, я увидѣлъ странное и поразительное зрѣлище. Визу маленькаго чернаго зоиона, вроде маленькаго мальчугана негра, посреди келліи съ бубнами въ рукахъ, лихо и быстро плясущаго въ присядку; причемъ ударяя въ бубны онъ выражалъ свою буйную и сильную радость. Я смотрѣлъ на него, выпуча глаза въ ужасѣ и страхѣ, и отъ страннаго измѣненія могъ только сказать: «Господи помилуй!» Что же это такое?! — и вдругъ моментально плясунъ изъ моихъ глазъ исчезъ. Я вскочилъ съ кровати въ страхѣ и ужасѣ. Такъ вотъ кому я доставилъ радость-то, вотъ кто меня такъ сильно ташилъ въ міръ. Если это такъ, то не поѣду я нигуда изъ обители, чтобы радовался ты, врагъ, обо мнѣ! Съ такимъ твердымъ рѣшеніемъ я немедленно пошелъ къ старцу и къ О. Игумену Іонавану, разсказалъ имъ свое видѣніе и просилъ ихъ прощенія и благословенія снова жить и трудиться во святой обители. Они сердечно обрадовались и благословили

меня жить и снова бороться съ врагомъ. Скоро брань моя кончилась. Опять стало нравиться жить въ монастырѣ и всё было по душѣ: и братство, и послушаніе, и уставъ монастырскій. Этимъ искушеніемъ я много пользовался и, если когда-либо мысль толкала меня въ міръ, то вспоминая ликованіе и пляску бѣсовскую, я быстро успокаивался и не колебался уже мыслію уѣхать изъ монастыря.

14. НЕСТЯЖАНІЕ СХИМОНАХА АВЕЛЯ

Схимонахъ отецъ Авель, скончавшійся 26-го Іюля 1906 года, удивлялъ насъ своею рѣдкою въ наше время нестяжательностію и волюноу Христа ради нищетою. Нравомъ онъ былъ простъ и добръ, а всѣмъ умомъ и сострадательнымъ сердцемъ былъ какъ бы евангельское дитя, имѣя въ себѣ мудрость змиуную и простоту голубиуную. Въ обращеніи онъ былъ и скромнъ, и откровеннъ. За свою прямоту и открытое слово не разъ былъ переводимъ изъ скита въ скитъ. Удивлялъ онъ всѣхъ своею покорностію и послушаніемъ. Какъ только, бывало, хозяинъ скита, востерпѣвшій его обличенія, а потому-и устроившій его переводъ въ другой скитъ, объявлялъ ему, что, дескать, собирайся отецъ Авель на другое послушаніе, тебѣ О. Игумень благословилъ перебраться въ скитъ на «святой островъ». Отецъ Авель преспокойно снималъ мантию, беретъ клубокъ, а въ небольшую ручную корзинку кладетъ книжицу, взятую для прочтенія изъ бібліотеки, чай, сахаръ, спички для вязанія чулокъ, одежду надѣваетъ на себя и идетъ изъ келліи. «Вотъ,— говоритъ онъ,— я уже и готовъ!» — «А что же, отецъ Авель, развѣ постыльный войлокъ и подушку не возьмешь съ собой?» — спрашиваетъ его кто-то. «А зачѣмъ они мнѣ,— отвѣчаетъ онъ,— въ каждомъ скиту найдется всё это». — «А самоваръ-то, развѣ тоже не возьмешь?» — «И это тамъ найдется, къ чему мнѣ самому съ этими вещами таскаться изъ скита въ скитъ, я возьму необходимое, что мнѣ надо, а остальное всё на мѣстѣ найдется». Такъ онъ, какъ птица, перелеталъ не разъ съ послушанія на послушаніе. Въ келліи у него буквально хотъ шаромъ покати — ничего нѣтъ, и онъ этимъ былъ очень доволенъ. Много лѣтъ онъ проводилъ такую жизнь и былъ постоянно миренъ и покоенъ духомъ. Последнее время онъ жилъ въ Предтеченскомъ скиту въ дальней (Константиновской) келліи. Незадолго до смерти посѣтилъ его одинъ братъ, но не засталъ его въ келліи, онъ былъ на послушаніи. Подождавъ у келліи недолго, братъ увидѣлъ старца, возвращающагося домой. Поздоровавшись со старцемъ, онъ просилъ позволенія войти къ нему въ келлію. Отецъ Авель разрешилъ ему войти. Войдя въ келлію и помолясь на образа, братъ началъ: «Багнокша, скажите мнѣ что-нибудь на пользу душевную, какъ мнѣ жить въ обители, чтобы спасти свою душу?» Старецъ сталъ просто и очень

назидательно говорить брату о послушании — как его разумно надо проходить, живя въ монастырь, о смиреніи — насколько оно намъ необходимо и какъ оно скоро приводитъ къ духовному преуспѣянію и привлекаетъ на инока благодать Божию. Слова свои старецъ основывалъ на св. Отцахъ, часто ссылался на аву Дороея, Иоанна Лѣтвичника и Исаака Сирина. Такъ всё это у него выходило поучительно, просто и духовно-усладительно. Закончилъ старецъ свою бесѣду самоукореніемъ: «Вотъ что, братъ, говорю-то я такъ, а самъ-то живу по-другому: итъ у меня у самого-то ни послушанія, ни терпѣнія, ни смиренія, только вотъ св. Іоаннъ Предтеча, въ скиту котораго я живу, покрываетъ меня грѣшному, нерадивому и исполненнаго всякихъ немощей и страстей». При этихъ словахъ слезы такъ и покатились изъ глазъ у старца. Братъ былъ настолько доволенъ и растроганъ старческую сердечную бесѣдою, что, простясь со старцемъ и поблагодаривъ его отъ души за доброе поученіе, выйдя изъ келліи отпа Авеля, ни къ кому уже изъ другихъ старцевъ, живущихъ въ томъ же скиту, не заходилъ, хотя до этого и думалъ побывать у всѣхъ старцевъ. Такъ его наплатилъ и угѣшилъ своею духовною пишею старецъ О. Авелъ.

Скончался старецъ тихо и мирно 26-го Іюля 1906 года. И что дивно! За его смиреніе Господь судилъ ему такіе торжественные похороны, которые у насъ на Валаамѣ никогда никому изъ братіи не бывають, даже и отцу Ігумену. Отпѣвалье его нашъ Владыка, Архіепископъ Финляндскій и Выборгскій Сергій, въ то время объѣзжавшій свою епархію и заѣхавшій на Валаамъ, соборно, въ сослуженіи съ прѣзкимъ архимандритомъ Евгеніемъ и нашимъ отцемъ Ігуменомъ Пафнутиемъ съ 8-ю іеромонахами. Во время литургій академикъ Іеромонахъ О. Стефанъ (Тверднскій) сказалъ прекрасную похвальною речъ почившему схимонаху О. Авелю, чего тоже никогда у насъ въ монастырь не было. Такъ что исполнилось надъ старцемъ слово Спасителя: «Смирязъ себѣ вознесеть»; и въ сей кратковременной жизни, а наипаче въ будущей блаженной вѣчности».

15. ЯВЛЕНІЕ ПРЕПОДОБНЫХЪ СЕРГІЯ И ГЕРМАНА СХИМОНАХУ О. ІОАННУ «МОСКОВСКОМУ»

Схимонахъ отецъ Іоаннъ* повѣдалъ намъ о себѣ слѣдующее истинное событіе, приведшее его въ

монастырь. «Когда я ещё жилъ въ міру и о монашествѣ и о монастыряхъ не имѣлъ совершенно никакого понятія и помышленія, такъ какъ жизнь проводилъ свѣтскую, развѣянную; къ религиознымъ вопросамъ былъ равнодушенъ, холоденъ и вообще духовнымъ ничѣмъ не интересовался. Но Вселоблгій Господь, не хотѣвшій мерзости грѣшника, коснулся Своєю благодатію и моего холоднаго и жестокаго сердца, и я, совершенно перемѣнивъ жизнь свою, началъ искренно молиться Богу; ходитъ въ церкви; подавать носилыю милостыню; соблюдать посты; читать Св. Евангеліе и вообще стать вѣрующимъ человѣкомъ. Тогда ненавидя добро діаволъ, напалъ на меня сильнѣйшее духовное браніе чрезъ худыя и всевозможныя грѣховныя помыслы, приводя меня въ страшное смущеніе, иной разъ доходящее до легкаго отчаянія. Не имѣя совершенно никакого понятія, какъ въ этой невидимой брани надо сражаться съ врагомъ и отражать его, я страдалъ, мучился; иной разъ мнѣ настолько становилось трудно, что я даже выбѣгалъ изъ дома на улицу, въ ужасѣ и страхѣ. Усердно я молился Богу объ избавленіи меня отъ этой ужасной грѣховной брани, умоляя Его избавить меня отъ этого страданія. И вотъ Всемилостивый Господь взялъ мои, хотя немощныя, но усердно молитвы и Божественною Своєю благодатію чудно освободилъ меня отъ этой бѣсовской брани, чрезъ Своихъ угодниковъ Преподобныхъ Сергія и Германа, въ обители которыхъ вносилъ схи́му и жить до конца своей земной жизни.



Схимонахъ Іоаннъ
«Московскій».

Однажды, не помню, въ какой-то праздникъ, по своему обычаю, сходявъ къ ранней литургии и возвратясь по окончаніи ея домой, попивъ чайку, я намѣревался сходить и къ поздней литургии, но такъ какъ было ещё рано, то я на краткое время не раздѣваясь прилежъ отдохнуть, и, сейчасъ же задремавъ, вижу такой ясный сонъ. Подходить ко мнѣ два святлолюбные старца въ схимническомъ одѣяніи: первый держалъ въ своихъ рукахъ чашу и лициу, а второй — какой-то бархатный покровъ, хорошенько я не могъ разсмотрѣть, какой это былъ покровъ. Первый, подойдя ко мнѣ, молча далъ мнѣ три раза лицей изъ чаши Святое Причастіе, а второй покрылъ мою голову покровомъ, держимымъ въ своихъ рукахъ. Послѣ этого я, сразу же проснувшись, ощутилъ въ своей душѣ великую радость и глубокой миръ душевный. Грѣховной брани въ моей душѣ и слѣда не осталось, а я сердечно возблагодарилъ Всещедраго Господа за Его великую ко мнѣ грѣшному явленную милость.

*См. «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» № 20 за 1999 г., стр. 115-119.

«И кто же эти святые старцы?» — многократно задавая себя этот вопрос, думалъ я. И вот, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда я промысломъ Божиимъ прѣйхалъ на Валаамъ, то подоидя къ ракъ мощей Преподобныхъ Отцевъ нашихъ Сергія и Германа Валаамскихъ Чудотворцевъ, я сразу же узналъ, что именно они-то ко мнѣ и явились. Когда же я жилъ въ г. Баку на Кавказѣ, они-то именно меня, по милосердію Божию, избавили отъ грѣховной, душевной бури и таинственно призвали въ свою св. обитель, гдѣ по дивному промыслу Божию доживаю я свой вѣкъ и уже самъ я сталъ схимникомъ и насельникомъ Св. Валаамской Обители».

16. ЯВЛЕНИЕ ИГУМЕНУ ДАМАСКИНУ ИЗЪ ЗАГРОБНАГО МИРА

Повѣдалъ намъ Иеросхимонахъ Ефремъ слышанное имъ отъ покойнаго старца Иеросхимонаха О. Алексія, бывшаго много лѣтъ келейникомъ и любимымъ ученикомъ Игумена Дамаскина, слѣдующее событие:

«Въ началѣ правленія монастыремъ Игумена Дамаскина не было въ обычаѣ въ нашей обители вносить умершихъ иноковъ въ поминальные синодики, а поминали обычно новопреставленнаго 40 дней, а затѣмъ каждый инокъ поминаль по своему усердію какъ желалъ своихъ отцевъ и братій почившихъ; а синодики, ил, какъ у насъ называютъ, поминальныхъ досокъ, тогда ещё не существовало. Видя такое упущеніе, благоразумный Игумень Дамаскинъ возмѣлъ похвальное желаніе завести правильное и неупустительное поминованіе отшедшихъ въ вѣчность отцевъ и братій родной обители.

Сначала онъ для обсужденія своего намѣренія призвалъ старцевъ и выразилъ имъ, во-первыхъ, свое сѣтованіе по поводу отсутствія правильного церковнаго поминованія умершихъ братій, во-вторыхъ, свое желаніе исправить это унуженіе и завести постоянное церковное поминованіе. Старцы, въ свою очередь, вполне соглашались съ мнѣніемъ отца Игумена, одобрили его разумное желаніе и рѣшили немедленно собрать по кингамъ кашцеларію всѣхъ почившихъ отцевъ и завести неупустительное церковное поминованіе. Въ скоромъ времени за ранней литургіей завелся добрый обычай, существующій и донынѣ, поминать въ алтарѣ на проскомидіи, а также и за клиросомъ въ церкви и на

ехтеніи за литургіей молитвенно воспоминать усопшую братію обители и благодѣтелей ея. Въ эти же самые дни случилось почтить о Господѣ одному иноку. О. Игумень самъ его отпѣвалъ и предалъ земль. Прошло нѣсколькихъ дней. Однажды, какъ-то находясь въ молитвенномъ состояніи, сидѣль маситный старецъ О. Игумень въ своей внутренней келліи и видѣть, что въ его келлію тихо входитъ недавно умершій инокъ. Вошелъ въ келлію, истово перекрестился, положилъ три поясныхъ поклона предъ святыми иконами. Игумень, хотя спознало, но всё-таки съ большимъ изумленіемъ взиралъ на явившагося къ нему иноку, ясно сознавая, что явившійся есть уже умершій и погребенный. Между тѣмъ умершій инокъ, обратясь къ О. Игумену и кланяясь ему, какъ было принято у насъ раиѣ — въ ноги, произнесъ: «Спаси, Господи, батюшка О. Игумень, что ты установилъ насъ, усопшихъ братій, всегда поминать въ церкви, какъ это для насъ дорого и полезно — невозможно тебѣ и сказать!» — «Отецъ И., — воскликнулъ Игумень, — да вѣдь ты уже умершій!» — «Какъ же, какъ же, батюшка, — спокойно отпѣвши явившійся инокъ, — я, дѣйствительно, умершій. Вѣдь, ты же самъ меня и отпѣвалъ, и хоронилъ. Вотъ я и явился къ тебѣ, посланный отъ Валаамскихъ отцовъ и братій, уже отшедшихъ отъ житія сего, чтобы поблагодарить тебя отъ ихъ имени, за молитвенное поминованіе насъ умершихъ. Господь да воздастъ тебѣ за сіе Своєю милостію!» Сказавъ эти слова, инокъ вторично поклонился Игумену до земли и такъ же тихо и быстро удалился изъ его келліи. Это событіе не разъ рассказывалъ Игумень Дамаскинъ своимъ близкимъ инокамъ.

Изъ сего можно ясно понять, какъ поистинѣ дорого и спасительно отшедшимъ братіямъ церковное поминованіе, и какъ они радуются, когда мы ихъ не забываемъ въ молитвахъ и умоляемъ Господа, испрашивая имъ оставленіе грѣховъ, милость Божию и Царство Небесное.

17. МИРНАЯ КОНЧИНА СХИМОНАХА ТЕГУДДИЛА

Святая Церковь, мать наша, разумно постановила испрашивать за каждой службой для своихъ чадъ о ниспослани имъ христіанскія кончины, безболѣзненныя, непостыдныя и мирныя.



Игумень Дамаскинъ.

И такого именно конца своей жизни и сподобляются отъ Господа, мирнаго, непостыднаго и безболѣзненнаго.

На дняхъ монахъ О. Прокль повѣдалъ намъ о мирной кончинѣ святаго Старица Схимонаха Іегудилла (въ монашествѣ Іоны), которой онъ былъ очевидцемъ. Старица Іегудилла знали мы хорошо; жизни онъ былъ святой: кротокъ, миренъ, усердный молитвенникъ, имѣвший умиленіе, т.е. иногда и сидя въ трапезѣ не могъ удерживаться отъ слезъ, слушая чтеніе житія Святыхъ. Жилъ онъ много лѣтъ въ скиту Всѣхъ Святыхъ. Скончался старецъ 25-го Сентября 1895 года, 73-хъ лѣтъ отъ роду. Больше онъ немолого; когда ослабѣлъ, то пришель изъ скита въ монастырскую больницу и остался тамъ. Въ то время О. Прокль былъ служителемъ при больницѣ.

Вотъ какъ-то подзываетъ меня О. Іегудиль къ себѣ и съ обычной своей кроткой улыбкой говорить мнѣ: «Братъ Павелъ, потрудись Бога ради сходить за моимъ духовникомъ О. Мельхиседекомъ, пускай онъ мнѣ прочтаетъ отходную, вѣдь мнѣ пора уже и помирать». «Хорошо, батюшка, сейчасъ схожу», — отвѣтилъ я ему. Должно замѣтить, что старецъ уже причастился Св. Христовыхъ Таинъ въ этотъ же день. Скоро пришель и приглашенный мною его духовникъ. «Ну что, О. Іегудиль! Развѣ ты уже собрался умирать?» — спросилъ его духовникъ. «Да, батюшка, пора, пора мнѣ ужъ перейти въ другую жизнь. Помощи за меня и прочитай мнѣ отходную», — отвѣтилъ старецъ. «Хорошо, прочитаю!» — отвѣтилъ духовникъ. «Да только, вотъ бѣда-то какая случилась! — спохватился духовникъ. — Требникъ-то вотъ я позабылъ. Не взялъ съ собой, надо за нимъ сходить». «Не надо, батюшка, тебѣ за нимъ ходить. Не трудись. А только ты меня благослови; а я самъ всё прочитаю». «Ну что же, если знаешь ты наизусть отходную, то читай», — спокойно отвѣтилъ ему духовникъ и, надѣвъ епитрахиль, сказалъ: «Благословенъ Богъ нашъ!... Умирающій старецъ, сидя на постели, яснымъ голосомъ началъ по порядку, показанному въ требникѣ, наизусть читать весь канонъ Божіей Матери. Всё прочиталъ, вилотъ до отуста. И когда духовникъ сдѣлалъ отступъ, отецъ Іегудиль поцѣловалъ съ великою любовью св. крестъ и взялъ благословеніе у духовника. Духовникъ, попрощавшись со старцемъ и пожелавъ ему мирной кончины, ушелъ домой. Тогда старецъ О. Іегудиль, сидя на кровати, спокойно сказалъ мнѣ: «Братъ Павелъ! Поставь предо мною табуретку». Я поставилъ её. Старецъ потянулъ подушку сбоку себя, я помогъ ему положить её на табуретку. Тогда старецъ съ мирнымъ, спокойнымъ, приятнымъ лицомъ наклонился и, сидя на постелѣ, легъ лицомъ на подушку и умоля. Я подошелъ къ нему, желая узнать, не надо ли ему что-нибудь ещё помочь. Но батюшка О. Іегудиль уже почилъ о Господѣ.

Незамѣтно душа его оставила свою земную хранину и отлетѣла въ другой, лучшій міръ. Какъ жилъ онъ свято и мирно, такъ и почилъ. Воистину: «Честна предъ Господемъ смерть Преподобныхъ Его!»

Достоинъ вниманія то обстоятельство, что старецъ О. Іегудиль наизусть зналъ отходную. Изъ чего ясно видно, что онъ задолго до смерти частенько читалъ канонъ на исходъ души, возбуждая въ себѣ память смертную. Поэтому и смерть встрѣтилъ мирно и спокойно.

18. АНГЕЛЬСКОЕ ВРАЗУМЛЕНИЕ БЕЗЧИНСТВУЮЩЕМУ ВО СВ. АЛТАРѢ

Это событіе произошло въ нашей обители 9-го Іюня 1876 года въ четвертомъ часу пополудни.

Проживающій у насъ въ монастырѣ 17-лѣтній паренъ, крестьянинъ Ярославской губ. Михаилъ Прокофьевъ, занимающійся въ храмѣ, въ алтарѣ блебніемъ арки въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, въ недалекомъ разстояніи отъ св. Престола, забравшись на стремянку и прислوبيвшись поудобнѣе, усердно работалъ, но по молодости и безпечности своей совершенно забылся, что находится и работаетъ онъ во Святомъ мѣстѣ, и по невниманію своему къ Святыни и разсѣянности затянулъ пѣсенку, причемъ на немъ была даже надѣта на голову и фуражка. Немедленно же Господь вразумилъ его безумное поведеніе. Вдругъ онъ увидѣлъ на горнемъ мѣстѣ, въ алтарѣ у запрестольной иконы въ блюмѣ блестящемъ одвѣянъ съ длинными волосами прекраснаго юношу. Грозно взглянулъ на него прекрасный юноша и, быстро подойдя къ его вышкѣ, отталкивая её рукою, строго сказалъ: «Посторонись, не на мѣстѣ бѣлишь!» И, проговоривъ эти слова, исчезъ. Отъ сихъ словъ и неожиданности сего видѣнія безпечный паренъ Михаилъ настолько растерялся, что въ ужасѣ сталъ метаться по алтарю, не находя дверей, чтобы выбѣжать вонъ изъ храма, и, увидя окно, выскочилъ чрезъ него на дворъ. Немного успокоившись, онъ сталъ разспрашивать своихъ товарищей и братію, не былъ ли кто-нибудь изъ нихъ въ алтарѣ, и разсказалъ имъ подробно, что кто-то такъ страшно его напугалъ, но ему отвѣтили и успокоили его, сказавъ, что за всё время его работы ни въ алтарѣ, ни даже въ церкви никого не было. Тогда убѣдившись, что тамъ никого не было и мало-помалу успокоившись, онъ вновь пошелъ въ алтарь за своей свалившейся съ головы фуражкой. Но какой же былъ его ужасъ и страхъ, когда онъ опять увидѣлъ того же юношу въ блюмѣ одвѣянъ, стоящего уже у жертвенника! Затрепетавъ отъ сего видѣнія, онъ, не помня себя, въ ужасѣ выбѣжалъ изъ церкви. Прибѣжавъ домой, заперся въ комнатѣ и сидѣлъ въ уголѣ. Но такъ какъ жилъ въ комнатѣ не одинъ, то другіе рабочіе,

придя съ работы, стали стучаться въ дверь комнаты и, когда онъ отворилъ имъ дверь, они увидѣли его сильно испуганнымъ и плачущимъ. Тогда они стали его спрашивать, желая узнать причину его волнения и слезъ, и парень со страхомъ повѣдалъ имъ всё случившееся. Послѣ сего онъ долго не могъ успокоиться: всё плакалъ, признавая въ этомъ юношѣ св. Ангела Господня Хранителя Престола Божія. Послѣ сего онъ, чистосердечно покаявшись предъ старцами въ своемъ безумномъ поведении и усердно помоясь у раки Преподобныхъ Сергія и Германа, уже съ великимъ страхомъ дерзнулъ вступить во св. алтарь и продолжать свою работу уже не безчинно, а со вниманіемъ и благоговѣніемъ къ св. алтарю.

19. ВИДѢНІЕ СТАРИЧКУ АНГЕЛА

Разсказывалъ одному иноку старичокъ-послушникъ, живущій въ нашей обители. «Мнѣ теперь 60 лѣтъ отъ роду, и моя жена доселѣ ещё жива; мы съ ней разстались по взаимному добромъ согласію. Когда мнѣ было ещё 30 лѣтъ, то жена моя стала почему-то болѣть и чахнуть, и это продолжалось довольно долго. Я, какъ человекъ молодой, сожалѣлъ, что у меня супруга болѣетъ и мнѣ приходится въ молодости жить не такъ, какъ живутъ прочіе люди въ супружествѣ. Вотъ и явилась у меня такая мысль (ужъ и не знаю, откуда она пришла): помолюсь-ка я Богу и попрошу Его, чтобы онъ прибралъ мою болную супружницу. И вотъ я рѣшилъ помолиться. Однажды, выбравъ подходящее время, я всталъ на молитву предъ св. иконами, желая исполнить свое намѣреніе и усердно попросить у Бога, чтобы Онъ прибралъ мою болную супружницу и, только что, перекрестясь съ благоговѣніемъ, я усердно положилъ земной поклонъ и не успѣвъ ещё даже начать читать молитву, какъ вдругъ, поднимаясь съ земли, вижу дивнаго юношу съ длинными прекрасными волосами въ какомъ-то голубо-розовомъ одѣяніи неописуемой красоты, стоящимъ предо мною на воздухѣ. Взвизавъ на меня, онъ строгимъ и грознымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «Что это ты хочешь просить и зачѣмъ этого желаешь? Знай, что если твоя жена умретъ, то тогда тебѣ несравненно будетъ жить хуже!» При этихъ словахъ онъ мнѣ внушительно грозилъ своимъ перстомъ. Я съ великимъ удивленіемъ и ужасомъ глядѣлъ на него. Проговоривъ эти слова, онъ мгновенно сталъ невидимъ. Пораженный симъ дивнымъ видѣніемъ, я возблагодарилъ Господа за вразумленіе и почувался: насколько Богъ близокъ къ намъ; ещё прежде моей молитвы и неразумнаго прошенія, Онъ уже вразумилъ меня и поставилъ на спасительный путь.

Этого видѣнія я никогда никому кромѣ своего духовнаго отца не говорилъ; даже и моя жена не

знала про это. Понстишь, какъ не удивляться намъ *диному и всепретворному Промыслу Божію, творщему съ нами великаго же и неизслѣдованнаго славная и ужасная, ижесть ивѣстна числа* (Утр. молитва). *Судбы Господни бездна многа* (Пс. 35, 7) и *слаждія онъ паче меда и сота* (Пс. 18, 11).

20. ОБРЪТЕНІЕ НЕТЛѢННАГО ТѢЛА

Разсказывали намъ старцы такой бывшій у нихъ на глазахъ случай. Однажды при управленіи обителью Игумена Дамаскина производили какой-то ремонтъ снаружи монастыря у хлѣбной, которая, какъ извѣстно, примыкаетъ къ братскому кладбищу. И вотъ, при конаніи какого-то рва, обрѣли гробъ съ совершенно нетлѣннымъ тѣломъ иеромонаха. Покойникъ былъ большого роста, борода рыжеватая, въ рукахъ, по обычаю иеромонашескаго погребенія, держалъ онъ небольшой серебряный крестъ. Кто былъ покойникъ? Никто не зналъ. Возвѣстили объ этомъ отцу Игумену Дамаскину. О. Игуменъ, какъ старожилъ, болѣе полѣика прожившій на Валаамѣ, пришелъ, посмотрѣть на лицо почившаго и сказалъ: «Я что-то не помню такого иеромонаха, очевидно, онъ жилъ до моего прихода на Валаамъ». Помощникъ ризничаго старый монахъ О. Іосифъ, прожившій на Валаамѣ болѣе 40-ка лѣтъ, находившійся въ это время здѣсь, благословился у О. Игумена перебраться крестъ, держимый покойникомъ, обмѣнить его на другой. О. Игуменъ благословилъ это сдѣлать. Тогда О. Іосифъ, взявъ изъ рукъ покойнаго крестъ, вручилъ ему другой крестъ. Послѣ сего рабочіе, по благословенію О. Настоятеля, у хлѣбной же въ стѣнѣ сдѣлали подкопъ-нишу и поставили гробъ съ тѣломъ почившаго туда, закопавъ его землею. Кто это былъ нетлѣнный почившій иеромонахъ, даже и до сего времени никто не знаетъ.

21. КОНЧИНА О. АДРИАНА

Разсказывалъ намъ покойникъ О. Никита Чредниченко (закройщикъ). «Когда я ещё первые годы жилъ въ монастырѣ, меня О. Игуменъ Іонафанъ назначилъ послужить двумъ умиравшимъ старцамъ: Иеросхимонаху Воинфатію и монаху О. Адриану.* Келліи у нихъ были рядомъ въ больничномъ корпусѣ, такъ что мнѣ было удобно навѣщать обоихъ ослабшихъ старцевъ и служить имъ. Старцы оба были очень слабы, но въ полной памяти и съ мирнымъ духомъ, сознательно приближались къ неизбѣжной для всехъ живущихъ на землѣ смерти. «Однажды, помню, — говорить О. Никита, —

*Родной отецъ покойнаго монаха Феранонта, огородника.

поздно вечеромъ, послуживъ одному старцу, О. Адриану, и исполнивъ его немногочисленныя желанія и простившись съ нимъ, я перешелъ къ другому, О. Вонифатию. Сдѣлавъ и тому всё нужное, я опустился на стулъ и какъ-то сразу же задремалъ и вижу такой ясный и дивный сонъ, который и по сіе время словно у меня передъ глазами. Вижу я, будто бы какой-то особенный свѣтъ, и вотъ отъ земли до самаго неба протянулся широкой коверъ, настолько чудный и необыкновенно, неописуемо красивый, что невозможно и выразить его красоту, словно живые цвѣты, роскошные и благоухающіе были вилетены въ него. По этому коврику поднимается отъ земли на небо мой большой старецъ О. Адрианъ, келлюю котораго я только что оставилъ, простившись съ нимъ. Старецъ былъ въ бѣломъ одѣяніи или хитонѣ. Величественно и радостно онъ слѣдовалъ по этому предивному коврику и шелъ не ногами, а какъ бы на колышкахъ, левидимой силой влекомый, плавно и торжественно возвышаясь — поднимался всё выше и выше отъ земли къ небеси. Я не могъ оторваться отъ этого дивнаго зрѣлища, но почему-то дальнѣйшаго я былъ недостойнъ узрѣть, сонъ мой сразу какъ-то пресѣкъся и я, проснувшись, недоумывалъ. Что же такое означаетъ это удивительное сонное видѣніе? Мои размышленія прервалъ болящій старецъ О. Вонифатій, въ келлію котораго я задремалъ. «Братъ Никита! Что это такое творится у моего сосѣда О. Адриана? — спросилъ онъ меня. — Тамъ происходитъ какое-то служеніе, я слышу тамъ прекрасное пѣніе, ужъ не молебень ли у него братія по его просьбѣ служатъ? Поди-ка посмотри, что тамъ дѣлается у него?» Я пошелъ.

Отворивъ въ его келлію дверь, вижу, что въ келлію у него никого нѣтъ, а самаго старца обрѣлъ съ пріятнымъ и радостнымъ лицомъ, мирно почивающимъ о Господѣ.

Воистину, скажемъ мы словами псалмопѣвца, *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Пс. 115, 6).

Блаженіи мертвіи, умирающіи о Господѣ отыти. Ей, глаголетъ духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ (Апок. 14, 13).

Скончался О. Адрианъ 14-го Марта 1883 года, а отецъ Вонифатій — 16-го Марта того же 1883 года.

22. ЯВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНЫХЪ СЕРГІЯ И ГЕРМАНА СОМНѢВАЮЩЕМУСЯ ИНОКУ

При О. Игуменѣ Пафнутіи, стоящій у раки Пресп. Сергія и Германа монахъ К. часто мысленно сомнѣвался и смущался такимъ помысленіемъ: здѣсь ли подлѣ спудомъ обрѣтаются мощи первоначальниковъ нашей святой обители и чудотворцевъ Сергія и Германа или гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ? «Угодники Христовы! — часто говорилъ онъ, — хотя бы мнѣ, грѣшному, во снѣ увидѣть Васъ. Въдь вотъ я нахожусь постоянно у Вашей святой раки, а сомнѣніе не оставляетъ меня, маловѣрнаго!»

И вотъ богоносные Отцы наши благоволили его утѣшить и объяснить его сомнѣніе: «Однажды, — говорилъ онъ, — помню, это было въ Декабрѣ мѣсяцѣ, пришелъ я, по своему обычаю, раньше, чтобы привести всё въ порядокъ къ вечернѣ. Отворивъ церковь, подошелъ къ ракѣ и, по обычаю, совершенно спокойно, ни о чѣмъ особенно не думая, сталъ кое-что дѣлать и убирать. Вижу, лампада надъ ракою ясно горитъ. Тутъ мнѣ пришла мысль въ голову и явилось желаніе приложиться къ Преподобнымъ. Не сталъ я обходить, какъ полагается, раку, а гдѣ стоялъ на лѣвой сторонѣ, тутъ и сталъ прикладываться, сначала къ Преп. Герману, и только что вступить на ступени, какъ вижу ясно въ ногахъ у раки съ правой стороны, у аналоя стоитъ схимникъ въ полной схимѣ. Со мной что-то произошло непостижимое и никогда мною не испытанное. При полномъ мирѣ сердечномъ и спокойствіи, я почувствовалъ,



Современная икона Пресп. Сергія и Германа Валаамскихъ.

что словно я безъ тѣла сталъ: сдѣлался какимъ-то особеннымъ, легкимъ. Приложившись къ Преп. Герману, иду на правую сторону раки и, когда сталъ прикладываться къ Преп. Сергію, то увидѣлъ то же и на лѣвой сторонѣ: въ ногахъ у раки стоитъ другой схимникъ. Тогда я, приложившись къ Преп. Сергію, всталъ перель ракою и вотъ уже ясно вижу двухъ святотѣльныхъ старцевъ-схимниковъ, стоящихъ молча по бокамъ раки, причѣмъ Преп. Сергія какъ бы шевелится, или поправляетъ свою схиму и мантию. Малое освѣщеніе отъ лампады не позволяло мнѣ рассмотреть до тонкости черты ихъ лицъ, но всё-таки въ общемъ видны были ихъ бороды, очертанія лица, носа

и скимническое одьяние. Въ это время я, находясь въ какомъ-то неизреченномъ благоговѣйномъ духовномъ чувствѣ, подумалъ: «Неужели же я вижу Васъ, Преподобные Отцы наши Сергіе и Германе! Господи помилуй! Что же это такое?» «Старшы Божии! Земнии Ангели и Божии человекки!» — воскликнуть я и въ радостномъ чувствѣ отъ избытка духовной радости и зримого видѣнія упалъ на колѣни, и въ порывѣ чувствъ, съ благоговѣіемъ положилъ земной поклонъ угодникамъ Божиимъ. Когда же я поднялся на ноги, то Преподобные скрылись изъ моихъ глазъ и стали невидимы. Не скоро я могъ прийти въ себя, настолько это сильно потрясло и поразило меня. Но когда я понялъ и убѣдился, что я, недостойный, сподобился видѣть своихъ Преподобныхъ Отцевъ Сергія и Германа, тогда умилилось мое сердце и слезы ручьемъ потекли изъ глазъ моихъ. И я плакалъ нѣсколько дней. Конечно, я старался скрыть свои слезы отъ братіи и никому въ то время ни слова я не проронилъ о своемъ видѣніи; а самъ съ тѣхъ поръ сердечно увѣровалъ, что угодники Божии тутъ же обратятся и ещё сильнѣе любовію привязался къ нимъ.

23. СМЕРТОНОСНОЕ ПИТИЕ

Господь по святымъ Евангеліи говорить: *Аще что и смертно истинно, не вредитъ ihm* (Мт. 16, 18). По вѣрѣ въ помощь Божию можно и смертноносное и ядовитое что-нибудь выпить и не потерять ни малѣйшаго для здоровья вреда. Одному нашему Иеромонаху пришлось служить въ одномъ глухомъ мѣстѣ въ Финляндіи. При первой же литургіи онъ ощутилъ въ большомъ мѣдномъ посеребряномъ потирѣ, въ огромной его подставкѣ, что-то жидкое движущееся. Онъ сталъ осматривать его со всѣхъ сторонъ, но нигдѣ отверстия видимаго не нашелъ, между тѣмъ, въ дѣлѣ потира, несомнѣнно, была какая-то жидкость. Тогда онъ понялъ, что, по всей вѣроятности, въ потирѣ есть какая-нибудь невидимая для глазъ дырочка и въ неё, время отъ времени, капелька за капелькой, во время совершения св. литургіи утѣкала Божественная Кровь. Сталъ онъ искать, какъ бы отнять самую подножку отъ чаши. Долго ему не удавалось, но наконецъ-то удалось отвинтить подставку. И что же? О, Господи, помилуй! Онъ вылилъ оттуда цѣлый большой ковшикъ темно-зеленоватой жидкости. Очевидно, отъ времени мѣдный сосудъ совершенно измѣнилъ обычный цвѣтъ вина и окрасилъ его своею

купоросною окисью. Что же дѣлать? Вѣдь это же изъ св. потира натекала Божественная Кровь Христова, надо её употребить. Но съ другой стороны: какъ же и пить-то её? Вѣдь это же чистѣйшій ядъ — окисъ мѣди, и, безусловно, очень ядовитая и вредная для здоровья жидкость. Не много разудавка, сей не изнемогшій въ вѣрѣ служитель Престола Божія, подливъ кипятку въ эту жидкость и перекрестившись, выпилъ всю до капельки. И вотъ, Слава Богу! Не потерялъ ни малѣйшаго вреда для своего здоровья. Истинно Господь сказалъ: «По вѣрѣ вашей будетъ Вамъ». Затѣмъ чрезъ добрыхъ людей Богъ помогъ ему приобрести для этого храма новый хорошей серебряный сосудъ-потиръ; а прежній упразднить какъ несоотвѣствующій своему назначенію.

24. БЛАГОДУШІЕ СТАРЦА ИЕРОМОНАХА ОТЦА АЛЕКСІЯ



Иеросхимонахъ Алексій.

Отцы наши, помимо внутреннихъ добродѣтелей, имѣли и внѣшнія прекрасныя качества, при содѣйствіи которыхъ они старались ничемъ не опечалить и не оскорбить своихъ собратіи, покрывая своимъ великодушіемъ и любовію часто невольныя ихъ ошибки и погрѣшности.

Однажды къ старцу О. Антипѣ П-му пришелъ по нѣкому дѣлу его соотоварищъ по скиту Вѣсъ святыхъ старецъ отецъ Алексій. О. Антипа любезно принявъ гостя и побесѣдовавъ съ нимъ о чѣмъ надо было, пригласилъ его попить съ нимъ чайку. О. Алексій, не желая огорчить старца отказомъ, согласился на его предложеніе. Вскорѣ уже появился на столѣ кипящій самоваръ. Наливъ себѣ и гостю по мѣстѣ чайку въ стаканы чай, О. Антипа самъ сталъ пить чай съ наколотымъ ещё заране на мѣлкіе кусочки сахаромъ, а для гостя, какъ бы желая лучше его угостить, придвинулъ въ корбочкѣ сахарный песокъ и, съ любовію угощая гостя, собственными руками положилъ ему въ стаканъ двѣ переполненные ложки сахарнаго песка. Но, увы! Къ сожалѣнію, это былъ не сахарный песокъ! Но надо же быть такому грѣху, какъ впоследствии оказалось: по ошибкѣ вмѣсто сахарнаго песка, онъ ему положилъ двѣ ложки соли, которая хранилась у старца въ одинаковой же корбочкѣ. О. Алексій, помешавъ ложечкой въ стаканѣ чай и проглотивъ глоточекъ чая, понялъ, что старецъ по ошибкѣ положилъ вмѣсто сахарнаго песка соли, но чтобы не смутить старца и не опечалить его, онъ никакого вида не показалъ ему въ этомъ, а понемножку съ веселымъ

лицом выпил весь этот соленый чай. Отец Антина предложил гостю выпить ещё стакан, но О. Алексий, добродушно поблагодарив хозяина, отказался, ссылаясь на то, что недавно пил чай и поэтому сейчас больше пить не хочет. Побеседовав на пользу душевную, старцы любезно прощались и разошлись. Спустя некоторое время О. Антина понял свою ошибку, и хотя очень глубоко сожалел о ней, но амбст сь тьм удивляясь выдержк, терпѣнню и благодутню О. Алексія, покрывшаго его невольную ошибку своею любовію. Моужн, по выраженію Премудраго: Терпѣливъ можетъ много въ разумѣ (Притч. 14, 29).

25. ВРАЗУМЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ЗА ОСУЖДЕНИЕ ИЕРОМОНАХА

Святѣйшій апостолъ пишетъ: «Пресвитеры сугубя чести да сподобляются». А посему презирать ихъ или хотя внутренно осуждать, унижать и злостить весьма нехорошо и погрѣшительно. Пользуясь этимъ, врагъ рода человѣческаго дерзновенно приражается къ человѣку, нанося ему различныя искушенія и напасти. Одинъ инокъ повѣдалъ намъ слѣдующій бывшій сь нимъ случай. «Когда я жилъ въ Германовскомъ скиту на островѣ, то случилось, что у насъ при церкви не было іеромонаха. Прѣжній уѣхалъ въ монастырь, а назначенный вместо него замѣститель ещё къ намъ не прѣхалъ. Между тѣмъ, подошелъ великій праздникъ — Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали прѣзда іеромонаха. Наканунъ праздника вдругъ прѣхалъ іеромонахъ, но не тотъ, котораго мы ожидали, а другой — нежелательный ии хозяину скита, ии намъ. У меня въ душѣ всколыхнулось злое чувство, неприязнь къ прѣзжему іеромонаху. А когда я узналъ, что завтра даже и литургія не будетъ, такъ какъ нѣтъ проедфоръ, то зло въ моей душѣ ещё болѣе усилилось и наполнило мое сердце. По своей безпечности и грѣховному омраченію я не отогналъ это недоброе чувство, но весь день былъ въ омраченіи этого зла, такъ и легъ спать. Проснувшись ночью, около 2-хъ часовъ, я вздумалъ помолиться ради праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и прочитать Божіей Матери акаѣнствъ. Хотя ещё зло въ душѣ моей не прошло, но я всё-таки бодро всталъ на молитву, думая помолиться подольше и прочитать нѣсколько акаѣнствъ Матери Божіей.

Но видно негодна была моя молитва Господу и Пречистой Его Матери, возносимая отъ души, исполненной — неприязненнымъ чувствомъ къ пресвитеру Божію. Только что я приступилъ къ чтенію акаѣнста, какъ слышу вдругъ, позади меня двери моей келліи съ шумомъ растворились, и я почувствовалъ, словно холодный вѣтеръ ворвался въ мою келлію, при этомъ слышался какой-то шумъ, словно сухіе древесные листья шуршали около меня. Я съ большимъ удивленіемъ, обомлѣвъ отъ страха, повернулъ голову, желая узнать причину всего происходящаго, и вотъ ясно вижу: большая черная змѣя, аршина полтора длины и въ руку толщиной, извиваясь и шурша ползеть по полу около моихъ ногъ. У меня рѣшительно волосы на головѣ отъ ужаса встали и я уже не помню, какъ я съль на стулъ и впалъ въ безмятежство. Когда же я очнулся, то вижу, восковая свѣча почти вся сгорѣла, и ещё бы одна минута, то и псалтирь раскрытый загорѣлся бы, а сь нимъ и пелена на аналоѣ и всё прочее вспыхнуло бы. Сначала я ничего не могъ припомнить и сообразить, на-столько мнѣ сильно отшибло память; потомъ уже всё вспомнилъ. Келлія моя была наполнена какимъ-то отвратительнымъ запахомъ, который на нѣсколько дней пропиталъ её такъ, что многие меня спрашивали: «Отчего у тебя такой гадкій запахъ въ келліи?» Но я никому не говорилъ причины сего. У меня же языкъ не могъ говорить недѣли дѣй, словно его кто держалъ, и я на вопросы братіи, почему я не говорю, съ трудомъ отвѣчалъ: «Языкъ болитъ». Въ довершеніе случилось у меня то, что я въ жизни своей никогда не испытывалъ: появились у меня паразиты на тѣлѣ, кромѣ головы и ногъ въ такомъ ужасающемъ и несмѣтномъ количествѣ, что мнѣ убивать ихъ было невозможно, при всемъ моемъ стараніи, и я спасался отъ нихъ только тѣмъ, что три раза въ день погружалъ свою рубашку въ кипятокъ, а чистую надѣвалъ, но и та рубашка чрезъ малое время была полна паразитами. Это ужасное мое состояніе, которое я ото всѣхъ тщательно скрывалъ, продолжалось около двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ прекратилось совершенно.

Такъ-то Господь меня вразумилъ и наказалъ, попустивъ злему врагу навѣсти на меня такой страхъ, ужасъ и болѣзнь, какихъ я никогда ещё въ жизни своей не испытывалъ. Слава Богу, что я ещё съ ума не сошелъ грѣшнѣй; видно, Царица Небесная пожа-



Іероскимоначъ Антина II.

дла ещё меня. Съ этихъ поръ я сталъ бояться имѣть гнѣвъ и злобу на кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе на пресвитера Божія.

26. ЧУДЕСНОЕ ИСЦѢЛЕНІЕ МОНАХА ОЕОФИЛАКТА

Игумень Дамаскинъ въ своихъ келейныхъ запискахъ оставилъ слѣдующее, случившееся въ 1853 году, соборіе. Изложение рѣчи оставляемъ почти какъ есть въ подлинникъ Игумена Дамаскина.

«Валаамскаго монастыря монахъ Оеофилактъ, проходя кларское послушаніе, простудилъ правую руку, въ которой послѣдствіемъ открылась сильная ломота, такъ что онъ не могъ терять и не находилъ себѣ мѣста отъ болѣзни. Прибѣгалъ онъ ко многимъ медицинскимъ пособіямъ, но всё было тщетно, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, понимая нѣсколько медицину, пользовать другихъ, но нѣтъ, *иже не Господь соизвѣдетъ, то все трудается человекъ* (Пс. 126, 1).

Будучи не въ силахъ болѣе проходить кларское послушаніе, старецъ Оеофилактъ, по волѣ Настоятеля, удалился въ Большой Михайловскій скитъ и здѣсь, исключительно посвятивъ себя строгой аскетической жизни, оставя всё медицинскія пособія, онъ вполнѣ предался Господу, по слову Псалмопѣвца: *Возврати на Господа печаль твою*. Умоляя онъ Господа и угодниковъ Его, прося облегчить его болѣзнь, которая довела его уже до крайности, ибо хотя духъ-то и боролъ, но плоть наша, по слову Господа, — немощна.

Въ одно время, когда въ Михайловскомъ скиту была литургія, старецъ Оеофилактъ пришелъ въ церковь во время проскомидіи и здѣсь въ скорби сердца своего призвалъ Господа, и Господь услышалъ его, ибо *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его и возно божащихъ Его сотворитъ и молитву ихъ услышитъ* (Пс. 144, 18-19). Итакъ, старецъ вошелъ на правый клиросъ и сталъ предъ образомъ святаго Іоанна Дамаскина, находящагося въ иконостасѣ, и, воззрѣвъ съ живою вѣрой на священный ликъ угодника Божія, привелъ себѣ на память страдальческой подвигъ сего досточуднаго мужа и невинное отъсѣченіе его десницы, а затѣмъ чудесное и славное исцѣленіе оной. О. Оеофилактъ разгорѣвшись любовію къ угоднику Божію и отъ сердца помолвившись Ему, призывалъ Его помочь ему въ нестерпимой болѣзни; затѣмъ, сотворивъ три земныхъ поклона съ вѣрой приложилъ свою большую руку къ изображенной на образѣ Его десницѣ, продержавъ такъ съ минутой и положивъ еще три земныхъ поклона, онъ внезапно почувствовалъ облегченіе и, отступя отъ иконы, въ радости сердца сталъ възсѣлать благодарную молитву угоднику Божію за облегченіе отъ болѣзни. По окончаніи обѣдни возвратясь въ келлію, онъ отъ радости не вѣрилъ самъ себѣ, но вечеромъ опять началъ думать, а

что если сію наступающую ночь, какъ и прошедшую, придется провести всю безъ сна, но вполнѣ поручивъ себя угоднику Божію и совершивъ своей обычнѣйшей келейной канонъ, не чувствуя совершенно болѣзни, возлегъ на своей одрѣ и уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Пробудившись отъ сна, старецъ Оеофилактъ ощутилъ себя совершенно здоровымъ. Возблагодаривъ тогда отъ всего сердца угодника Божія Преподобнаго Іоанна Дамаскина, онъ разказалъ все случившееся Отцу Игумену. Съ тѣхъ поръ у него болѣзнь эта окончательно прекратилась, и онъ благословляетъ Господа, дивнаго во Святыхъ Своихъ.

Писано со словъ монаха Оеофилакта, по благословенію Настоятеля въ 1860 году, т.е. спустя 7 лѣтъ по исцѣленіи (записъ объ этомъ смотри въ архивахъ).

27. ЯВЛЕНІЕ ИЗЪ ЗАГРОБНАГО МІРА МОНАХА ІУЛІАНА

При Отцѣ Игуменѣ Пафнутіи однажды было такое событіе. 11-го Ноября 1906 года скончался еше не старый 48-лѣтній монахъ Іуліанъ. Прошло нѣсколько дней послѣ его смерти. И вотъ какъ-то дежурившій по ночамъ въ нижнемъ соборѣ 70-лѣтній старецъ, монахъ Адамъ, человекъ твердой воли и мужественной души, въ міру Николаевскій создатель, много кое-чего видавшій на своемъ вѣку, вообще человекъ небожливый и спокойный, среди глубокой ночи, часовъ около 2-хъ зажегъ свѣчку, взявъ поминальный синодикъ и, ставъ на правомъ клиросѣ, по обычаю своему началъ поминать братію о упокоеніи. «Вдрузь я слышу, — говорилъ намъ О. Адамъ, — позади себя голосъ: «Помолись и за меня — монаха Іуліана». Я оглянулся назадъ и вижу — посреди церкви, въ длинной бѣлой рубашкѣ и локубѣ стоитъ монахъ Іуліанъ, умершій 9 дней тому назадъ, и горько-горько плачетъ; причѣмъ рукавомъ своей рубашки вытираетъ свои льющіяся изъ глазъ слезы. Съ лѣвой стороны церкви ярко горѣли дрова, и огонь изъ каминна яно освѣцалъ всю его фигуру. У меня, — продолжалъ О. Адамъ, — при полномъ сознаніи, что это человекъ «не отъ міра сего», какъ уже умершій, въ душѣ не обнаружилось ни малѣйшаго страха или смущенія, но я спокойно смотрѣлъ на него и говорилъ съ нимъ, какъ будто съ живымъ человекомъ. «Скажи отцу Игумену и братіи, — прогнѣсь явившійся, — чтобы они помолвились за меня, мнѣ очень худо, я не раскаялся въ одномъ грѣхѣ и за это попалъ въ бездну». «Скажи братіи, чтобы они раскаявались непременно во всѣхъ своихъ грѣхахъ; нераскаявшимся здѣсь очень бываетъ худо». Говоря это, монахъ Іуліанъ горько плакалъ и утиралъ слезы рукавомъ рубашки. У меня же въ это время не было ни малѣйшаго страха. «Ахъ ты, бѣдный Іуліанъ! — сказалъ я ему сочувственно, — значитъ, твое положеніе неважно», — «Да! — подтвердилъ онъ.

— Я попалъ въ бездну. Охъ, какъ плохо тому, кто нераскаивнымъ отойдетъ отъ сей земной жизни! Скажи, непременно скажи брати, чтобы не таили предъ духовникомъ своихъ грѣховъ, но спѣшили бы сокрушенно исповѣдовать ихъ на исповѣди. — «Послѣ этого, — говорилъ О. Адамъ, — я посмотрѣлъ на иконостасъ и положилъ три земныхъ поклона о упокоеніи монаха Іуліана. Потомъ я взглянулъ на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, а его уже не было. Видно, подумалъ я, онъ ушелъ за колону съ лѣвой стороны храма. Взявъ въ руки свѣчку, я пошелъ въ обходъ всего храма и, пройдя половину храма, не видя ввишагося тутъ, внезапно какъ бы пришелъ въ себя и съ ужасомъ понялъ, что я разговаривалъ съ человекомъ изъ другого міра — съ покойникомъ. Налая на меня тогда такой сильной и непонятной страхъ, что я буквально задрожалъ всѣмъ тѣломъ, руки и ноги у меня затряслись и свѣчка выпала изъ моихъ рукъ. Потомъ, хотя этотъ страхъ скоро прошелъ, но руки-то тряслись дня три. О всемъ видѣнномъ мною, я рассказалъ брати. Нѣкоторые мнѣ повѣрили, а другіе съ насмѣшкой и недоверіемъ отнеслись къ моему видѣнію. Но я не лгу, что мнѣ за интересъ лгать, 70-лѣтнему старику!» — говорилъ О. Адамъ. Послѣ онъ все это событие собственноручно записалъ въ тетрадь и отдалъ на храненіе въ монастырскую библиотеку, для памяти и на пользу брати.

28. ЧУДО ОТЪ МОЩЕЙ

ПРЕПОДОБНЫХЪ СЕРГІЯ И ГЕРМАНА

Повѣдалъ намъ Іеромонахъ О. А. слѣдующее событие о исцѣленіи своей руки. «Когда я жилъ еще въ новоначали, будучи еще рясофорнымъ монахомъ, то, часто работая на холоду, я сильно простудилъ правую руку, сначала еще не такъ сильно она болѣла, а потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе болѣть стала. Наконецъ болѣзнь до того усилилась, что я былъ не въ состояніи даже поднять руку, чтобы сдѣлать крестное знаменіе. Наступилъ Великій постъ. Помню, въ Понедѣльникъ вечеромъ пошелъ я съ великимъ трудомъ въ церковь. Читали положенный на повечеріи канонъ св. Андрея Критскаго. Забрался я на хоры въ сторонку, чтобы меньше меня люди видѣли; но и на хорахъ пришлось встать между двумя старшами, первый — Іеромонахъ Августинъ, въ послѣдствіи Іеросхимонахъ Алексій, а второй — монахъ Филаретъ — стожаръ. Старцы, видя, что я стою и не дѣлаю, какъ положено по уставу на каждый стихъ по три поясныхъ поклона, стали меня, не зная того, что я болѣнъ, укорять какъ лѣниваго и нерадиваго. Сначала я всё молчалъ, но потомъ, когда они стали меня больше журить, я не вытерпѣлъ, сказалъ имъ слезно: «Отцы, повѣрьте мнѣ, я руки не могу поднять, настолько она у меня отъ простуды

сильно болитъ, что я не въ состояніи её поднять, чтобы перекреститься. Что же мнѣ дѣлать? Вѣдь я и самъ не радъ этому и сильно объ этомъ скорблю!» Тогда они, узнавъ мое положеніе, пожалѣли меня и посочувствовали моей скорби. Я же, въ скорби сердца моего помолясь усердно Богу, сошелъ съ хоръ и, подойдя къ рацѣ мощей Преподобныхъ Отцевъ нашихъ Сергія и Германа, попросилъ ихъ какъ могъ о помощи и исцѣленіи моей руки, и когда стали прикладываться къ нимъ, то ошутить, что рука моя по-прежнему свободно поднимается безъ всякой боли, и я легко положилъ на себѣ крестное знаменіе. Отъ радости я и самъ себѣ не вѣрилъ; былъ сильно изумленъ и не могъ понять, какъ это такъ быстро окончилась моя лютая и мучительная болѣзнь по молитвамъ Превидныхъ Угодниковъ нашихъ Преподобныхъ Сергія и Германа. Отойдя отъ раки и крестясь безъ всякой боли, свободно, я отъ всего сердца возблагодарилъ Угодниковъ Божіихъ за ихъ скорую помощь. Съ тѣхъ поръ даже до сего времени я не ощущаю совершенно никакой боли въ своей руке».

29. СПАСЕНІЕ ОТЪ СМЕРТИ ПОМОЩІЮ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Не такъ давно повѣдалъ намъ монахъ О. П. событие, случившееся съ нимъ годъ тому назадъ. «Любилъ я, — рассказывалъ онъ, — въ свободное отъ послушанія время пройтись и подышать свѣжимъ воздухомъ. Вотъ прошлой зимой и понравилось мнѣ ходить по льду до Никольскаго скита, находящагося, какъ извѣстно, отъ монастыря на разстояніи одной версты. Главнымъ образомъ, меня привлекалъ храмъ во имя Святителя Николая, къ которому я издавна имѣлъ любовь и вѣру въ его благодатную помощь. Вотъ однажды какъ-то пошелъ я, по своему обыкновенію, по льду. Дѣло это было весной, но ледъ былъ довольно еще крѣпкій. Поэтому шелъ я увѣренно и спокойно; тѣмъ болѣе я былъ спокоенъ, что по этому мѣсту я уже ходилъ раньше: вчера и третьего дня. Вдругъ неожиданно передъ самымъ скитомъ я почувствовалъ, что ледъ подъ моими ногами опускается, и не успѣлъ еще я, какъ говорится, глазомъ моргнуть, какъ по самую грудь погрузился въ холодную воду, только руки остались на поверхности льда. Попробовалъ было я выскочить навѣрхъ. Но не тутъ-то было! Вижу, ледъ около меня всебѣмъ слабѣй и я едва только держусь на немъ. Тогда я сообразилъ, что если только начну я барахтаться въ водѣ, то совсѣмъ съ головой иду подъ ледъ. Такъ какъ задержаться было совершенно не за что, настолько былъ слабъ ледъ. Признаться, сначала я порядочно поиспугался и понялъ, что мнѣ своими силами никакъ не возможно спастись отъ потопленія. И вотъ тутъ-то я и вспомнилъ Великаго

Чудотворца Святителя Христова Николая, спасающаго всѣхъ, съ вѣрою къ нему прибѣгающихъ и призывающихъ имя его снатею на морѣ и на сушѣ. «Святителю Христовъ! Помоги мнѣ! Отче Николае, спаси меня отъ потопления и внезапной смерти!» — началъ я сердечно вопіять къ нему. И что же случилось? Воистину чудо преславно! Какъ вѣрою поется въ стихирахъ про Святителя Николая — *всюду призываемый быстро превращени на помощю*. Только что успѣлъ я сказать молитвенно нѣсколько словъ Святителю, какъ вдругъ почувствовалъ подъ ногами что-то твердое, какъ бы камень или скалу; тогда я, собравшись съ силами, какимъ-то неостижимымъ образомъ сдѣлалъ прыжокъ и выскочилъ изъ воды на твердый ледъ. Не помня себя отъ радости, я отъ души возблагодарилъ Господа и Его дивнаго Угодника Святителя Христова Николая, спасающаго меня отъ неминуемой смерти. Зная хорошо это мѣсто, такъ какъ много разъ видѣлъ, какъ здѣсь ходили пароходы, я твердо убѣжденъ, что тамъ глубина не меньше 2-хъ или 3-хъ сажень и что никакая скала или камень тамъ никогда не было. Ясно, что спасся я чудесною помощію Святителя Христова Николая. Воистину, скажемъ мы, «Дивенъ Богъ во Святыя Свои!» Дивенъ и Угодникъ Божій Святитель Николай, помогающій всѣмъ въ бѣдахъ и напастьхъ и спасающій всѣхъ съ вѣрою Его усердно призывающихъ!» *при скорѣи и вѣрою призывающихъ*

30. ПРОМЫСЛЬ БОЖІЙ, СПАСАЮЩІЙ РАБОВЪ СВОИХЪ

Очень часто мы какъ бы не замѣчаемъ дивныхъ дѣлъ Божіихъ, а если и замѣчаемъ, то очень мало обращаемъ вниманія на тѣ событія, которая нерѣдко происходятъ у насъ передъ глазами. Не такъ къ этому относятся внимательные и духовно-проницательные люди, они, видя дивныя событія, не остаются сълѣпыми и безчувственными, но въ порывѣ благодарнаго чувства сердечно возсылаютъ Всеправящему Богу благодарную молитву, «творящему съ нами великая же и неизслѣдованная, славная же и ужасная, ихже нѣсть числа» (Утренняя молитва.) Духовные люди видятъ и убѣждены въ томъ, что, какъ любящая мать охраняетъ своихъ маленькихъ дѣтей отъ всякихъ опасностей, такъ и Господь нашъ блюдетъ и хранитъ своихъ рабовъ отъ различныхъ скорбей и бѣдъ. Сколько было бы нечаянныхъ смертей, сколько бы должны остаться калѣками на всю жизнь, если бы Всегдній Промыслъ Божій не сохранялъ ихъ отъ различныхъ несчастій и опасностей!

Вотъ мы приведемъ нѣсколько примѣровъ и доказательствъ этого:

1. Въ скитѣ Преподобнаго Аврамія Ростовскаго, находящагося въ 7-ми верстахъ отъ монастыря, на островкѣ, память поминнаго выше сятаго пародуется Святою Церковію 29-го Октября. Наканунѣ помнутаго дня въ 1890 году отпарился по Ладожскому озеру небольшой монастырскій пародикъ «Валаамъ», нынѣ переименованный въ «Сергія». Въ то время этотъ пародикъ былъ ещѣ безъ палубы, только на кормѣ была небольшая каютка. День былъ воскресный. Погода тихая, а потому желающихъ прокатиться по озеру нашлось немало, набралось пассажировъ чловѣкъ 40; въ числѣ которыхъ былъ и пишущій сн строки. Когда пародикъ выхалъ въ озеро, то немного спустиа на озерѣ образовался густой туманъ, такъ что берегъ совершенно скрылся изъ нашихъ глазъ. Не дожжая верстѣ двухъ до скита, неожиданно пародикъ налетѣлъ на подводную скалу и, взобравшись съ разбѣга по ея отлогой плоскости, онъ съ шумомъ упалъ на одинъ борть и остановился. Братія въ ужасѣ бросились и ухватились за одинъ высокій край пародоа, и когда всѣ они повисли на высокомъ борту, то пародикъ всей своей тяжестію перевернулся на другой борть и упалъ вторично. Только милость Божія и Его благое промышление сохранили насъ отъ неминуемой смерти. Всего на одинъ вершокъ отъ воды находился борть пародоа. Къ счастью нашему, на озерѣ было тихо — не было волнъ. Рядомъ-то со скалой была странная глубина, и одно бы движеніе — и пародикъ нашъ, какъ безпалубный и желѣзный, какъ ковчикъ ушелъ бы на дно озера. Часа два висѣли мы на борту пародоа, пока прѣхавшія изъ скита лодки не сняли насъ и не увезли на берегъ. По прѣздѣ же въ монастырь во главѣ съ О. Намѣстникомъ Гаріиломъ, ѣхавшимъ съ нами на пародикѣ, отслужили молебень у раки Преподобныхъ Отцевъ нашихъ Сергія и Германа съ благодареніемъ Всеблаговому Господу, спасающему рабовъ Своихъ отъ нечаянныхъ смертей.

2. Монахъ О., будучи ещѣ послушникомъ, живя на послушаніи въ скитѣ Всѣхъ Святыхъ, какъ-то при рубкѣ лѣса въ присутствіи хозяина скита О. Θεофила и другихъ скитскихъ братій, подпиливъ одну большую сосну и не успѣвъ отбѣгать отъ нея при ея паденіи, попалъ подъ такуюю, и сосна придавила голову его къ землѣ. Только чудомъ спасся послушникъ отъ смерти. Оказалось, что голова его была цѣла, но волосы и колпачокъ его (скуфейка) были подъ деревомъ. Кое-какъ, но всѣ-таки, хотя съ большимъ трудомъ, удалось отнять его отъ дерева; конечно, при этомъ не мало волосъ его осталось подъ сосной; а колпачокъ никакъ не могли достать, только спустиа дня два, перепиливъ дерево, достали его оттуда. Такъ онъ, по милости Божіей, ничѣмъ не пострадалъ, отдался одними волосами.

3. Монахъ О. рассказывалъ, что когда ещё онъ жилъ въ новоначали, то проходилъ послушаніе помойщика: возилъ изъ монастырской братской кухни на лошади на коровникъ помой. «Однажды, сидя на телегѣ впереди большой 40-ведерной бочки, наполненной помоями для коровушекъ, подъѣзжая къ лѣтнему коровнику, спускался подъ гору, незамѣтно, — рассказывалъ онъ, — я сползъ съ перекла и упалъ между лошадиной и телегой; голова моя очутилась въ сторонѣ, а чрезъ мои ноги переѣхала вся тяжесть большой телеги съ наполненной бочкой. Когда я упалъ, то почувствовала, какъ чрезъ мои ноги проѣхали колеса телеги, и увидавъ, что моя лошадь быстро отъ меня удаляется, въ это время у меня въ умѣ была только одна мысль: чтобы лошадѣ-то не ушла отъ меня. А потому, быстро вскочивъ на ноги, я сталъ её догонять, и когда уже догналъ её, то снова съѣлъ на передокъ, и только тогда я пришелъ въ себя, какъ бы опомнился и сообразилъ, что же это такое произошло со мною. Послѣ сего событія я долго дивился: почему же мои ноги не только не поломаны и совершенно цѣлы, но даже не болятъ? Прославилъ я тогда и благодарилъ милосердіе Божіе и Вселѣгій Промыслъ, сохранившій меня на дѣлѣ святаго послушанія невреденнымъ и безболѣзненнымъ».

Очевидно, что Господь Своихъ рабовъ хранитъ, какъ сказано въ Священномъ Писании, «яко зѣнцу ока».

31. МИРНАЯ КОНЧИНА МОНАХА НАУМА

11-го Января 1922 года скончался въ нашей обители монахъ отецъ Наумъ. Жилъ онъ на Валаамѣ почти 23 года. Послушаніе проходилъ долгое время въ рухольной, выдавая братѣмъ одежду и обувь, причѣмъ всегда былъ для братѣй добръ и услужливъ. Очевидно, онъ имѣлъ какія-нибудь тайныя добродѣтели, а потому и призвалъ его Господь изъ сей скорбной и многоятежной жизни въ будущую вѣчную жизнь такою мирною и христіанскою кончиною. Кончина его была такова. Болѣлъ О. Наумъ всего дней пять. Самъ пришелъ въ больницу, гдѣ его и оставили. У него оказался заворотъ кишокъ и при всемъ стараніи нашего монастырскаго доктора О. Андрея, тотъ помочь ему ничѣмъ не могъ. Тогда ему предложено было отправиться въ г. Сердоболь, въ городскую больницу, для сдѣланія операціи, чтобы спасти жизнь его. Но отецъ Наумъ рѣшительно отказался отъ послѣдней, сказавъ: «Въ Сердоболь я не желаю ѣхать, а если угодно Господу, чтобы я умеръ, то и слава Богу! Вѣдь мнѣ уже 59 лѣтъ. Будеть. Пожилъ!.. Лучше мнѣ умереть во святой обители, среди своей братіи, чѣмъ въ чужомъ мѣстѣ среди иновѣрцевъ!» Такъ онъ и не поѣхалъ. Между

тѣмъ боѣзнь все усиливалась, но до самой своей смерти онъ былъ спокоенъ и въ полной памяти. Причастили его Св. Христовыхъ Тайнъ. Затѣмъ въ день смерти, вечеромъ, докторъ, видя его ослабѣвающимъ, предложилъ ему причаститься, на что послѣдній согласился съ любовью. По причащеніи предложили ему и пособороваться; онъ и на это охотно согласился. И вотъ, во время соборованія, держа свѣчку въ рукахъ и полагая на себѣ крестное знаменіе, онъ молился Господу. Затѣмъ отъ слабости, не имѣя уже силъ держать въ рукахъ свѣчку, онъ отдалъ её. Когда же оканчивалось соборованіе, и по чину таинства положили ему на голову Святое Евангеліе и стали читать заключительную молитву, въ которой совершитель сего таинства говоритъ: «Господи, не полагаю (я) руку твою грѣшнику на главу болящаго; но Твою руку крѣпкую и сильную, яже во Св. Евангеліи семь...», и т.д. И вотъ во время произнесенія сей главной въ семь таинствъ молитвы О. Наумъ тихо, мирно, почти незамѣтно для глазъ предать свою душу въ Святѣйшія и Всесильныя руки Божіи, словно не умеръ, а заснулъ тихимъ, мирнымъ и сладкимъ сномъ. Это поистинѣ была не смерть, а мирное усненіе. Слава Богу, устроившему такой мирный конецъ рабомъ Своимъ!

32. «КАКЪ ГУБИТЕЛЬНО МОНАШЕСКОЕ ВЫСОКОУМІЕ И СВОЕВОЛІЕ»

«Аще не Господь бы былъ въ насъ, никтоже отъ насъ противу возмогъ бы вражимъ бранемъ одолѣти» (Антифонъ 6-го гласа). Благий нашъ Господь, но Своему человеколюбію не хотѣяй смерти грѣшника, часто милуетъ насъ, шадитъ и удерживаетъ отъ гибели, когда мы по навету злаго врага, неусыпную ведущаго съ нами брань, и по дѣйствию развившейся страсти, сами стремимся къ погибели, въ ослѣпленіи своего ума не сознавая, къ чему мы стремимся и что мы дѣлаемъ.

Для назиданія приведемъ слѣдующее истинное происшествіе, переданное намъ Геросхимонахомъ О. Ефремомъ, какъ достоверное. Это событіе пусть вразумитъ тѣхъ изъ насъ, которые всецѣло вѣрятъ только своему мнѣнію, живутъ безъ совѣта, по своему разуму и мышленію, а посему бываютъ и увлечены отъ «тлителя смысловъ», врага душъ нашихъ. Жилъ въ нашей обители старичокъ монахъ О. Лукіанъ, скончавшійся въ 1889 году. Отецъ Лукіанъ, хотя былъ простой и малограмотный, но трудящійся, хорошей и воздержной жизни инокъ. Проходилъ онъ послушаніе въ рухольной, въ саножной мастерской. При всехъ своихъ добрыхъ качествахъ, онъ имѣлъ непохвальную привычку: вѣрять только своему мнѣнію, подозрѣвать и лобопытствовать. Если, напримѣръ, кто-нибудь придетъ къ его сосѣду по келліи въ гости, то онъ не

утерпеть, чтобы не узнать, кто это пришел, по какому дѣлу, что они говорят и г.д. Старцу же своему онъ не открывалъ этой своей грѣховной болѣзни, которая съ годами всё сильнѣе и сильнѣе росла и овлађвала имъ и, наконецъ, до такой степени врагъ его опуталъ, что онъ уже никому не могъ вѣрить, какъ только своему разуму и догадкамъ. Такъ, было однажды, онъ отдалъ въ переплетную для переплетенія свою книгу «Псалтирь». Книгу эту скоро и хорошо переплели и отдали О. Лукіану. Взглянувъ на книгу, онъ говоритъ: «Это не моя книга. Вы её мнѣ подмѣнили и дайте другую». «Что ты, что ты, О. Лукіанъ, — возразилъ ему на это помощникъ хозяина, — это та самая книга, которую ты намъ отдалъ переплести!» — «Нѣтъ! Нѣтъ! Меня не обманете. Я сразу вижу, что другая». И такъ и сикъ пробовали его уговаривать, даже свели къ мастеру, который переплелъ книгу. Но убедить его не могли. Такъ онъ и ушелъ съ тѣмъ, что, дескать, книгу ему подмѣнили. Наконецъ врагъ настолько уже умственно опуталъ его своими сѣтями, что онъ даже сталъ безусловно всему вѣрить; что ему внушалось отъ врага. Жиль по своему разуму: былъ ужасно мнительнымъ, всегда вѣрилъ только своему разуму, размышлению и опредѣленію. Такимъ образомъ, почва у врага была уже вполне подготовлена. Святые Отцы сказали: «Преусыбіяіе монаха познается при искушеніи». Слѣдовательно, и порча душевная тоже обнаруживается при скорби и искушеніи. Такъ и случилось. Пришло искушеніе такого рода на бѣднаго отца Лукіана. Во время большаго стеченія богомольцевъ на Валаамъ въ лѣтнее время его обычно называли на гостищу кубогрѣемъ, т.е. готовить для богомольцевъ кнютюкъ. По искушенію вражескому, О. Игумену наклеветали совершенно ложно, якобы онъ очень пріятливъ и излишне любезенъ къ женщинамъ. Отецъ Игумень Іоаннавъ повѣрилъ клеветѣ и смѣнилъ его съ этого послушанія, пославъ его въ скитъ на Святой островъ. Вотъ тутъ-то и грянуло О. Лукіана. Онъ растерялся, сильно затужилъ, заскорбѣлъ, въ душѣ у него поднялась страшная буря, доводящая его до отчаянія. Хотя скоро, узнавъ о его невиновности, его снова перевели въ монастырь; но всё же онъ былъ несокоро и разбитъ этимъ искушеніемъ, считая себя обиженымъ и безъ вины пострадавшимъ. Скорби своей, по обычаю, онъ никому не открывалъ, ни съ кѣмъ про неѣ не говорилъ, но въ душѣ своей тайно горечь обиды и томленіе духа. Между тѣмъ врагъ не дремалъ, по внушалъ ему помыслы одинъ другого мрачнѣе и губительнѣе. И вотъ однажды ему пришелъ такой нелѣпый и ужасный помыслъ. Ужъ лучше умерѣть, чѣмъ такъ жить и скорѣть на этой грѣшной землѣ, гдѣ столько зла и неправды. Это помышленіе доучало ему нѣсколько дней. Если бы онъ имѣлъ

довѣріе къ своему старцу или къ кому-нибудь изъ отцовъ и открылъ бы имъ свою брань, то, конечно, отъ всей этой мысленной бѣсовской брани ничего бы не осталось: она вся бы какъ прахъ разлетѣлась, какъ намъ тысячечратный опытъ показываетъ. Но, къ сожалѣнію, О. Лукіанъ имѣлъ несчастную привычку никому не открывать своихъ помысловъ и ни съ кѣмъ не совѣтоваться, а самъ лично въ нихъ разбирался. А врагъ всё крѣпче и крѣпче насѣдалъ на него, и наконецъ О. Лукіанъ, всё болѣе и болѣе склоняясь, сдался и, согласившись съ помысломъ, рѣшилъ чрезъ самоубійство покончить свою жизнь. «Но какъ же я её окончу-то?» — мысленно спрашивалъ онъ самъ себя. Врагъ тотчасъ же ему услужливо мысленно подсказалъ: «Ужъ лучше и легче всего — это утопиться, время сейчасъ зимнее, прорубить на озерѣ прорубь, да и прыгнуть въ воду. Скоро и хорошо!» Согласился бѣдный инокъ съ врагомъ и, выбравъ подходящее время, взявъ въ руки пѣшию, отправился въ путь. Придя на озеро между Претченскимъ скитомъ и Валаамскимъ островомъ, онъ далеко отошелъ отъ берега и на большой глубинѣ началъ прорубать ледъ. Прорубь готова. Отбросивъ пѣшию въ сторону, О. Лукіанъ осмотрѣлся, нѣтъ ли кого поблизости на озерѣ? Нѣтъ, никого не видно, ни души. «Ну, теперь можно и прыгнуть!», — прошепталъ онъ; при этомъ рука его какъ бы невольно поднялась и онъ перекрестился, говоря: «Господи! Прости меня, грѣшнаго!» И съ этими словами моментально прыгнулъ обѣими ногами въ прорубь. Но что же это такое? О. Лукіанъ только по поясъ опустился въ воду, а дальше не могъ погрузиться, подъ ногами его оказалась скала. Между тѣмъ на этомъ мѣстѣ, извѣстно намъ, страшная глубина. Постоялъ, постоялъ онъ въ водѣ. Потомъ, какъ бы очнувшись, быстро выскочилъ изъ проруби на ледъ, вылилъ воду изъ сапоговъ и, схвативъ пѣшию «да что есть силы» — быстро побѣжалъ домой — въ монастырь. Прибѣжавъ въ свою келлію, обшухился, согрѣлся, но никому ни слова не проронилъ о своемъ происшествіи. Прошло ещё несмого времени, врагъ вторично, съ новой силой налетѣлъ на своегоумнаго инока: опять замучила его мысленно эта брань — «Что тебѣ здѣсь жить и постоянно страдать и мучиться, ужъ лучше сразу покончи свою жизнь и успокойся!» Тогда О. Лукіанъ снова согласился съ врагомъ и снова рѣшился окончить свою жизнь. «Но какъ же мнѣ теперь покончить свою жизнь-то?» — думалъ онъ. «Да вотъ, теперь-то ужъ лучше всего, — внушалъ ему врагъ, — ножомъ прірѣзать себя. Хватилъ разъ по горлу себя, и готово дѣло! Вотъ вѣдь у насъ въ сапожной и ножикъ хорошій есть, которымъ кожи-то кроютъ, — острый, большой, съ одного раза можно съ собой покончить». Подслушалъ бѣдный старичокъ этого помысла и потихоньку отъ всѣхъ изъ

мастерской незамѣтнымъ образомъ взялъ онъ въ свою келлію ножикъ и, выбравъ удобное время, одѣлся, закинулъ въ рукавъ острѣе въ глубь рукава ножикъ, а ручку ножа держа въ рукахъ, отправился въ лѣсъ. Пройдя пустыньку, онъ подошелъ къ часовнѣ Песково-Печерской (нынѣ упраздненной, а на томъ же мѣстѣ поставлена часовня Преп. Сергія Радонежскаго). О. Лукіанъ вошелъ въ часовню, помолвился, приложился ко всемъ св. иконамъ и, выйдя изъ часовни, пошелъ налѣво въ гору, въ туюто лѣсъ. Войдя въ лѣсъ и выбравъ гладкое мѣсто, вродѣ небольшой полянки, О. Лукіанъ остановился, оглядывая кругомъ себя и, прошептавъ про себя: «Ну вотъ, здѣсь и можно съ собой покончить», — потихоньку вытащилъ изъ рукава ножъ, поглядѣвъ на него и, по своему добруму обычаю, не торопясь перекрестился. Потомъ размахнулся, чтобы со всей силой полоснуть себя по горлу, и ещѣ бы одна секунда, и прельщенный инокъ былъ бы жалкій самоубійца и вѣчная жертва ада. Но многомиловитый Господь не попустилъ врагу посягаться надъ послѣднимъ! Какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что ножъ въ его рукахъ нѣтъ. Посмотрѣлъ — и глазамъ своимъ не вѣрять. Ножъ изъ его рукъ неожиданно куда-то исчезъ. «Что это за диво такое?» — прошепталъ онъ. Кругомъ осмотрѣлся: нѣтъ ли гдѣ-нибудь около него ножа? Не упалъ ли на землю? Но нигдѣ не видно. Пропалъ ножъ внезапно. Тогда, какъ бы очнувшись, О. Лукіанъ промолвилъ: «Господи! Да что же это такое со мной дѣлается! Прости меня, окаяннаго!» Тутъ вдругъ папала на него какой-то сильный страхъ и радость. «Охъ! Горе, горе мнѣ грѣшному!» — произнесъ онъ и съ этими словами быстро зашагалъ обратно домой, въ свою келлію. Придя въ обитель, онъ опять никому ни слова. Прошло нѣсколько дней послѣ сего, и Господь постыдилъ его предсмертною болѣзнію. Старичокъ сталъ болѣть и угасать.

Вотъ однажды въ праздничный день молодые послушники изъ сапожной мастерской отправились прогуляться по лѣсу. По Божію смотрѣнію, пришли они на ту полянку, гдѣ О. Лукіанъ хотѣлъ съ собой покончить. И что же? Вотъ видятъ они на землѣ лежитъ знакомый имъ сапожный ножъ. «Смотри-ка, братъ Николай, — воскликнулъ одинъ изъ нихъ, — вѣдь это, кажется, ножъ-то нашъ закройной?» — «Да! Это онъ самый и естъ!» — отвѣтилъ Николай. — А мы-то его искали-искали, а вотъ онъ гдѣ нашлся. Но только странно, какъ онъ могъ сюда попасть?» — «Да! Очень это удивительно!» — отвѣтилъ тотъ. — Снесемъ его въ рухольную нашему хозяину».

Придя домой, ножъ передали хозяину по принадлежности, и вотъ вся мастерская въ рухольной не могла додуматься и понять, какимъ это образомъ ножъ очутился въ лѣсу. Кто-то изъ рухольной братіи, придя навѣстить болящаго О.

Лукіана, сообщилъ ему эту новость. О. Лукіанъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ постывшему его иноку: «Прошу тебя, Бога ради, позови ко мнѣ сейчасъ же моего духовника и старца отца Иоасафа: мнѣ крайне нужно ему открыться и исповѣдать свой грѣхъ. Я желаю теперь же всё ему открыть, что есть у меня на душѣ». Духовникъ пришелъ, и О. Лукіанъ съ полнымъ сознаниемъ своего грѣха и сокрушеніемъ сердца, исповѣдовалъ старцу всё, что было, въ подробности, умоляя его простить ему и снять съ души его это тяжкое грѣховное бремя. Духовникъ, разрѣшивъ его и успокоивъ и умиротворивъ его плечу, ушелъ. И вотъ послѣ исповѣди, точно гора съ души спалилась, такъ ему стало радостно и легко на душѣ. Всё свое искушеніе онъ послѣ тоже кой-кому рассказалъ и удивлялся милосердію Божію, не попустившему ему погибнуть злою смертію. Вскорѣ послѣ сего О. Лукіанъ тихо и мирно, напутствуемый Святыми Тайнами, окончилъ свою жизнь; причислился къ своимъ отцамъ и мирно погребенъ среди подвижниковъ и Отцовъ Валаама.

Это истинное событіе да предостережетъ нѣкоторыхъ изъ насъ: не всегда полагаются на свой разумъ и мышленіе, но открывать свою мышленную брань тѣмъ лицамъ, къ которымъ имѣемъ довѣріе. Не вѣритъ своимъ подозрѣніямъ и догадкамъ, а также помня слова Священного Писанія: «Спасеніе состоитъ во мнозѣ совѣтѣ».

Въ заключеніе сего скажемъ, воистину Вселгаи Господь, ежедневно творящій съ нами по Своему неизреченному милосердію великая же и неизслѣдованная, славная же и ужасная, ихъ же и есть числа, спасаетъ насъ, какъ любящій Отецъ малыхъ дѣтей, а посему какъ намъ не воскликнуть къ Нему въ чувствѣ глубочайшей благодарности, словами Василя Великаго: «Велій еси Господи, и чудна дѣла Твоя, и не едино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ». Ты, Господи! Своєю премудрости, «Человѣколюбиво всю строю и полезное всѣмъ подавая», человеколюбиво всѣхъ насъ направляешь и влечешь къ вѣчному спасенію.

33. ЯВЛЕНІЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Монахъ О. А., придя послѣ всенощной на Никольнъ день 5-го Декабря въ свою келлію, вздумалъ, не снимая клобука съ головы и мантии, прочитатъ акавистъ Святителю Николаю. «Началь я читатъ, — говорилъ онъ, — сначала бодро, а потомъ или по немощи, или по лнности моеи, не знаю отчего, папала на меня непреодолимый сонъ. Какъ я ни боролся съ нимъ, какъ ни силился, а все-таки сонъ меня одолѣлъ. И вотъ, хорошо не помню, какъ я оступился на стулъ, и въ это время книжечка съ акавистомъ выпала изъ моихъ рукъ на полъ, и я погрузился въ глубокой сонъ. Вдругъ слышу очень ясно голосъ: «Что же ты спишь? Вѣдь надо

бодрствовать и молиться». Это было сказано мнѣ такъ сильно и строго, что я, моментально проснувшись, открыл глаза и вотъ вижу, что во мѣе желѣзи стоить Святитель Христовъ Николай въ фелони; въ правой рукѣ у него крестъ, и этой же рукою выше локтя, прижимая къ груди, держитъ Св. Евангеліе, а въ лѣвой рукѣ какая-то трость или посохъ; я даже не успѣлъ хорошенько разсмотреть. Видь его такой же, какъ его изображаютъ на иконахъ: сѣднѣный, маленькій, лыснѣй. Въ душѣ моей въ эту минуту не было ни малѣйшаго страха, но только почувствовать я себя какъ бы виноватымъ. Святитель Христовъ Николай, строго посматривая на меня нѣсколько времени, измѣлъ изъ моихъ глазъ какимъ-то необъяснимымъ образомъ. Я вскопчил на ноги; на серціѣ у меня была тихая духовная радость. Сна какъ не бывало. Молитва легко шла изъ сердца, и я въ эту ночь уже не спалъ вплоть до ранней литургии. Даже весь этотъ день у меня на душѣ было какое-то особенное духовное и молитвенное настроеніе и сердечная тихая радость.

34. ЧУДЕСНОЕ УДЕРЖАНІЕ ВЪ МОНАСТЫРЬ ЮНОШИ, ВПОСЛѢДСТВІИ ИНОКА

Повѣдалъ намъ молодой инокъ М. о томъ, какъ онъ остался жить на Валаамѣ. «Съ дѣтскихъ дней я имѣлъ сильную любовь къ монастырю. Если когда-либо приходилось мнѣ увидѣть монаха, то я этому очень радовался. Имѣлъ я и самъ большое желаніе уйти изъ міра въ монастырь, но никакъ этого нельзя было сдѣлать. Мать моя не соглашалась ни за что меня отпустить. Долго мнѣ не удавалось исполнить свою завѣтную мечту и покинуть родительскій домъ. Однажды наши знакомые собрались съѣздить для богомоленія на Валаамъ. Попросился и я у матери съѣздить съ ними, и она отпустила меня только на недѣлю — посматрѣть и помолиться. Когда я прѣѣхалъ во святую обитель, то у меня съ сердца какъ бы тяжель камень упалъ и стало мнѣ такъ приятно и радостно, что и сказать не могу, словно я попалъ въ какой-то другой лучшій міръ. Быстро, какъ одинъ день, промелькнула недѣля и когда мои спутники сказали мнѣ, что пора намъ уже и домой собираться, то я такъ горько заплакалъ, что никакъ не могъ удержать своихъ слезъ, которая ручьемъ лились у меня изъ глазъ. На гостиницѣ окружающіе утѣшали меня какъ молодого еще юношу, доказывая мнѣ, что съ такихъ молодыхъ лѣтъ очень даже prematurely оставаться въ монастырѣ и что надо ещё сначала дома потрудиться, а монастырь, дескать, отъ меня никогда не уйдетъ и т.п. Но я на все подобныя увѣщанія ещё болѣе сокрушался и плакалъ ещё сильнѣе. Даже нѣкоторые изъ братьѣ, узнавъ причину моихъ слезъ, меня уговаривали, чтобы я не плакалъ; однако при всемъ моемъ желаніи я никакъ не могъ успокоиться. Но вотъ раздался свистокъ парохода —

надо было идти на пристань, и я сзади всѣхъ, плача, вышелъ изъ гостиницы и потихоньку началъ двигаться къ пристани. Но только что я отошелъ нѣсколько шаговъ отъ гостиницы, какъ ясно услышалъ около себя голоса: «Иди назадъ!» Я отпрянул. Но ничего около меня нѣтъ. «Что за диво!» — подумалъ я и снова пошелъ впередъ. Но немного пройдя, вторично этотъ же голосъ ещё сильнѣе и повелительнѣе сказалъ мнѣ: «Иди назадъ!» Я съ удивленіемъ посматривалъ на всѣ стороны и опять смотрю: нѣтъ ни души около меня. Въ это время раздался второй пароходный свистокъ. Я, подошедши къ каменной дѣлнвицѣ, ведущей къ пристани, только что хотѣлъ спуститься по ней внизъ, какъ сильный повелительный голосъ трижды произнесъ тѣ же слова: «Иди назадъ! Или назадъ! Или назадъ!» И послѣ этого бывшая на мнѣ накидка безъ рукавовъ (какія прежде носили офицеры) была невидимой силой сорвана съ плечъ съ крючка. Тутъ на меня напалъ такой сильный страхъ, что я, забывъ всё, побѣжалъ изъ всѣхъ силъ обратно на гостиницу. Прибѣжавъ туда, я скоро успокоился. Пароходъ ушелъ, а я остался въ монастырѣ жить и сталъ послушникомъ. Моя матушка, хотя и не сразу, но все-таки вскорѣ благословила меня навсегда жить въ монастырѣ. Конечно, этому я былъ очень радъ. Прѣѣхавъ я въ обитель въ 1916 году, а мѣнѣе чѣмъ черезъ годъ вспыхнула въ Россіи революція, и вся наша дорогая родина закружилась, замутилась и застонала миллионами воплей. Всемилостивѣй же Господь укрылъ меня въ сѣнѣхъ тихой и святой обители на Валаамѣ, гдѣ я и по сіе время, по милости Божіей, живу духовно утѣшаясь и всегда благодарю Господа за Его великую ко мнѣ, грѣшному, явленную милость».

35. МОНАХЪ ѠАДДЕЙ: МАТЕРЬ БОЖІЯ СПАСЛА ОТЪ СМЕРТИ

Не вы Мене избраете, но Азъ избрахъ васъ, — сказалъ Господь Своимъ ученикамъ (Ин. 15, 16). И ещё сказалъ: *Прииди, ижеже хощиже Самъ* (Мк. 3, 13). Изъ сихъ словъ можно заключить, что и въ монашескую жизнь безъ воли Божіей нельзя вступить. Вотъ и въ наши дни часто приходится слышать, что человѣкъ, ещё жившій въ міру и не помышлявшій о монашествѣ, получаетъ въ видѣніи указаніе о будущемъ своемъ монашескомъ званіи.

Повѣдалъ намъ старичокъ монахъ Ѡаддей слѣдующее событіе, случившееся съ нимъ ещё въ молодости, когда онъ жилъ и трудился въ т. Шлиссельбургѣ простымъ рабочимъ. «Однажды какъ-то въ праздникъ около Покрова, одѣвшись въ праздничную одежду, вышелъ я изъ квартиры съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы купить себѣ карманные часы. Дорогою подошелъ ко мнѣ одинъ высокаго роста

рабочий, котораго я мало зналъ, но все-таки отъ другихъ рабочихъ слышалъ, какъ они его называли по фамили — Бомбовъ. «Дай мнѣ на хлѣбъ! — сказала онъ, — я голодень!» «Какъ же это такъ, — отвѣтилъ я ему, — такой-то молодой здоровый и прошишь у меня на хлѣбъ, такого же рабочаго, какъ и ты самъ?» — «А вотъ все же я ѣсть хочу. Дай мнѣ сколько-нибудь денегъ». Я, какъ человекъ простой, деревенскій, не привыкшій еще лгать, говорю ему: «Да у меня мелкихъ нѣтъ. Вотъ есть пять рублей, бумажка». — «Ну такъ что же? Пойдемъ разбѣняемъ — вовъ въ той лавкѣ, и ты дай мнѣ 20 копѣекъ, я куплю себѣ селедку и хлѣба». — «Ну, пойдѣмъ! — сказала я и прибавилъ, — Богъ съ тобой, я дамъ тебѣ 20 копѣекъ». Разбѣнявъ пятирублевою бумажку и давъ ему 20 копѣекъ, я вышелъ изъ лавки. Мѣсто было довольно безлюдное, а время уже вечерело. Вижу, подошелъ къ намъ ещѣ одинъ человекъ, какъ впоследствии оказалось, сообщникъ его, караулившій, чтобы ихъ не накрыли. Бомбовъ, оглядѣвшись и не видя вблизи насъ никого, быстро сдернулъ съ меня пальто и шарфъ и, обвивъ меня шарфомъ вокругъ шеи, сильно затянулъ мнѣ горло и потащилъ меня по направленію къ Шлиссельбургской канавѣ, очевидно, имѣя намѣреніе совсемъ ограбить меня, лишить жизни и бросить въ канаву. «Братъ! Что это ты дѣлаешь? — могъ я только сказать ему, — вѣдь я же далъ тебѣ на хлѣбъ, чего же ещѣ ты отъ меня хочешь?» — «А вотъ что: всё что ты имѣешь, я хочу взять отъ тебя!» — «Да бери всё, только меня не тронь», — отвѣтилъ я. «Нѣтъ! Этого мало. Я тебя убью». — «Не убивай меня, — тогда взмолился я, — вотъ бери деньги и всё, что



Икона Матери Божіей «Валаамская».

хочешь, только не убивай меня!» — «Нѣтъ ужъ! Какъ ты не упрасивай, а я съ тобой прикончу, — ещѣ настойчивѣе проговорилъ злодѣй, — а то, я знаю вашего брата, ты меня выдашь!» И съ этими словами онъ, ударивъ меня по головѣ, сшибъ съ ногъ и колѣномъ наступилъ мнѣ на грудь. Въ это время я увидѣлъ, что у него въ рукѣ блеснулъ небольшой ножъ. Тогда, не знаю почему, но у меня пропалъ весь страхъ и я, воодушевившись, сказалъ ему: «Нѣтъ, братъ, ты меня не убьешь, потому что есть на небѣ Царица Небесная, Она меня защититъ и не допуститъ, чтобы ты убилъ меня». Эти слова говорилъ я съ живой вѣрой въ силу заступленія и помощи Матери Божіей. Тогда разбойникъ,

изглянувъ на меня съ насмѣшливой и злой улыбкой, отвѣтилъ мнѣ: «А вотъ посмотришь, какъ Она тебя избавитъ и защититъ отъ смерти», — и, держа ножъ въ рукѣ, какъ бы издѣвался надъ мною безпомощностию. Вдругъ увидѣлъ я — на небѣ блеснула яркій и ослѣпительный свѣтъ, образовался большой свѣтлый кругъ, лучи отъ этого сіянія падали на землю — именно на то мѣсто, гдѣ я лежалъ придавленный разбойникомъ. И что же? О, дивное чудо! До сего времени не могу я безъ чувства радости вспомнить это небесное видѣніе. Вижу, что среди этого свѣтлаго сіянія стоитъ Царица Небесная съ Ея держимымъ на рукахъ Божественнымъ Младенцемъ и, какъ бы воздвигши Свои Пречистыя руки, благословила меня. Въ это время наналъ на злодѣя сильный страхъ и

ужасъ, онъ задрожалъ, затрясся, какъ осиновый листъ, бросилъ меня и вмѣстѣ со своимъ сообщникомъ что есть силы пустились отъ меня бѣжать. А я, вставши на колѣни, съ радостію великою взираю на Пречистую Дѣву Богородицу, такъ дивно спасающую меня отъ рукъ злодѣя. На землѣ, куда падалъ свѣтъ съ неба, въ этомъ-то свѣтѣ явился какой-то человекъ, неизвѣстный мнѣ, который, какъ я впоследствии узналъ по иконѣ, былъ мой святой, имя котораго я носилъ отъ святаго крещенія — святой Священномученикъ Θεодотъ, епископъ Киринейскій. Одежды его были такія же, какія изображаютъ на иконахъ. Самъ онъ смуглый съ сѣдненькой бородкой. Святой Θεодотъ посмотрѣлъ на меня, снялъ съ себя длинную одежду вродѣ монашеской мантіи, положилъ еѣ на свои руки, слова посмотрѣлъ на меня, какъ бы этимъ давая знать, что эта одежда готовится въ будущемъ для меня.

Послѣ сего Матерь Божія исчезла изъ моихъ глазъ, а съ нею пропалъ и свѣтъ, а также стала невидимъ и Святой. Я, подивившись на ноги, въ восторгѣ воскликнулъ отъ всей души: «Слава Тебѣ, Царица Небесная, что Ты спасла меня отъ визанной кончины, не давъ мнѣ умерѣть безъ покаянія такой ужасной смертію». Съ этими словами я спокойно пошелъ домой, слава Бога и Пресвятую Богородицу. Придя на квартиру, я никому не сказалъ ни слова о своемъ происшествіи. Почти всю ночь не спалъ. Все думалъ о своемъ спасеніи и благодарилъ Царицу Небесную. Подъ утро заснулъ. Слышу кто-то ясно говорить мнѣ: «Иди въ городъ и получи икону Царицы Небесной». Я проснулся. И не обратилъ

особеннаго вниманія на эти слова. Слышу, въ легкомъ снѣ опять кто-то повторяетъ эти же слова. Но и опять я не придаю этимъ словамъ особаго значенія. Слова заснулы. И вотъ вижу: будто бы я иду по городу Шлиссельбургу. Прихожу на рынокъ и вижу, что какой-то человекъ въ сторонѣ отъ всѣхъ продаетъ стоящую на столѣ небольшую икону Царицы Небесной. Вставши отъ сна, я рѣшилъ немедленно идти и купить икону Божіей Матери. Быстро одѣлся и вышелъ изъ дома. Подхожу къ рынку. Было ещё довольно рано, чуть только рассвѣтало. Лавокъ ещё мало было открытых. Иду это я по дорогѣ и вдругъ слышу въ сторонѣ голосъ: «Братъ! Подойди-ка сюда!» Я взглянулъ въ ту сторону. Вижу: точь-въ-точь такой же столикъ, какой я видѣлъ во снѣ, и человекъ въ какой-то особенной одеждѣ краснаго цвѣта, стоящаго у стола, на которомъ стояла небольшая иконка Царицы Небесной. «Братъ! — сказалъ онъ, — вотъ возьми эту икону, она твоя; храни её до смерти и никому её не отдавай. Помни, что эта икона называется: «Достойно Милующая». Последнія слова онъ сказалъ медленно и выразительно. «А сколько она стоитъ-то?» — спросилъ я. «Да что съ тебя, бѣднаго человѣка, братъ-то. Бери её такъ, даромъ. Она твоя». И съ этими словами, взявши святую икону въ руки, благословилъ меня ево. Я же, съ великою любовію облобызавъ святой образъ, взять её въ свои руки. Тотъ же человекъ внезапнокъ взялъ столикъ и какимъ-то непостижимымъ образомъ быстро свернулъ его въ клубочекъ и ушелъ отъ меня. Я подумалъ: «Ахъ, какой добрый человекъ, безъ денегъ далъ мнѣ святую икону. Откуда онъ? Надо спросить его». И, желая еще поговорить съ нимъ, я оглянулся, а его уже нѣтъ. Я гляжу и туда, и сюда — нигдѣ не видать — пропалъ. Такъ я больше его и не видать. Кто онъ былъ? Ужъ не знаю. Только эту святую икону Матери Божіей я принесъ съ собою въ монастырь и до сихъ поръ храню её какъ великую святыню, данную мнѣ Царицею Небесною, спасшей меня отъ внезапной горькой смерти, впоследствии приведшей меня въ монастырь и удостоившей монашеской мантии, таинственно предуказанной мнѣ въ этомъ дивномъ видѣннѣ.

36. ТАИНСТВЕННОЕ ВИДѢНІЕ ХРИСТА ВЪРУЮЩЕЙ ДУШѢ

Повѣдалъ намъ одинъ простой малограмотный старичокъ-монахъ такой случай изъ своей личной жизни. «Нездало до поступленія моего въ монастырь я однажды какъ-то прочиталъ одинъ небольшой рассказъ, какъ одинъ бѣдный мальчикъ, имѣя живую и крѣпкую вѣру въ Бога, просилъ у Господа во святомъ храмѣ необходимой для жизни пищи, т.е. насущнаго хлѣба, и что же? По вѣрѣ своей

онъ нѣсколько разъ тутъ же въ храмѣ получалъ по большому ломту благаго хлѣба. Подивился я его вѣрѣ и Божіей къ намъ близости, какъ это такъ скоро Господь его услышалъ и такъ быстро исполнилъ его желаніе. У меня въ душѣ тоже загорѣлся вѣра въ Бога и сильное желаніе (конечно, дѣтское — неразумное) увидѣть Христа и поклониться Ему. Прошло порядочно времени, а эта мысль изъ головы у меня не выходитъ, и вотъ однажды, предавъ себя промыслу Божію, я ночью тихонько вышелъ изъ дома и пошелъ самъ не зная куда, но только съ цѣлю увидѣть Христа и поклониться Ему. Пошелъ я по большой дорогѣ, не боясь никакихъ опасностей отъ зѣбрѣй или отъ злыхъ людей. Пройдя верстъ десять, меня потянуло направо, въ сторону отъ дороги, въ дремучій лѣсъ. Я послушался этого внутренняго указанія и, свернувъ съ дороги, вступилъ въ лѣсную чащу. Мнѣ дѣла не было до того, что въ лѣсу, тѣмъ болѣе ночью можно легко повстрѣчаться со зѣбрами. Я былъ спокоенъ и, держась крѣпко вѣрою въ Бога и въ Его промыслъ, управляющій всею вселенной, свой умъ съ его разсужденіями оставилъ совершенно въ сторонѣ. Дѣло было весной, только что стаялъ снѣгъ. Идти было хорошо. Только свѣта было немного, такъ какъ въ лѣсу и днемъ-то бываетъ не особенно свѣтло. Вдругъ я увидѣлъ, среди леса вдалекѣ блеснулъ маленькій огонекъ какъ искра. «Видно, — подумалъ я, — недалеко отсюда находится деревня. Пойду я прямо на огонекъ». Съ радостію пошелъ я по направленію къ нему. Огонекъ, нисколько не увеличиваясь въ размѣрѣ, продолжалъ таинственно свѣтить и привлекать меня къ себѣ, указывая мнѣ путь. Пройдя версты четыре отъ дороги, какъ я послѣ на обратномъ пути по часамъ провѣрялъ, идя между громадными деревьями соснами и елками, я вдругъ какъ бы наткнулся на такое дивное зрѣлище. На небольшомъ возвышеннѣ стоялъ величественно чудный крестъ съ расшитымъ на немъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Пречистое тѣло Господа нашего было не написанное на кресте, а какъ бы настоящій Человѣкъ висѣлъ, пригвожденный къ дереву. Глаза Его были закрыты. Глава Божественнаго Страдалца была увѣнчана терновымъ вѣнцомъ. Въ боку зіяла глубокая, прободенная копѣемъ рана, совершенно свѣжая, такъ что и кровь еще только слегка загустѣла. На ногахъ — только ямочки, а не раны. Прекрасное шелковое полотнище прикрывало поясъ Спасителя, а концы отъ него, свѣсившись, спускались ниже Его коленъ. Огонькомъ же, который меня сюда привелъ, какъ оказалось, было Всевидящее Око, изображенное на крестѣ въ треугольничѣкѣ немного выше Главы Спасителя. Это огненное Око какъ живое свѣтилось, освѣщая вокругъ всё находящееся; и красивые елочкіи вокругъ креста, описывающія его и освѣщающія, такъ что св.

Крестъ какъ бы въ какомъ прекрасномъ прикрытомъ шатрѣ стоялъ. Увидѣвъ всё это, я сначала остановился, а потомъ отъ страха и радости упалъ лицомъ на землю. Затѣмъ, нѣсколько успокоившись, устремился съ восторгомъ къ подножью Св. Креста, упалъ предъ нимъ на колѣни и со слезами и съ плачемъ сталъ горячо Ему молиться, какъ могъ, прося, чтобы Господь снялъ съ меня грѣховную тяготу и облегчилъ бы меня отъ грѣховъ и страстей. Говорилъ я Ему, какъ живому, что у меня въ то время было на сердцѣ, все излить. «Вотъ, Господи, — между прочимъ говорилъ я, — Ты сказалъ: *Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы*. Вотъ, Господи, я и пришелъ къ тебѣ. Облегчи Ты меня отъ грѣховной моей тяготы и успокой меня отъ всѣхъ скорбей и страстей». Долго я такъ молился и плакалъ. Всего, должно быть, часа три. Затѣмъ поднялся съ земли съ великою радостію и страхомъ, облобызавъ Святѣйшія ноги Спасителя, я уже болѣе спокойно сталъ всё разсматривать вокругъ святаго Креста. И вотъ вижу: немного поодаль св. Креста небольшой колодезь со ступеньками для спуска въ него. Прозрачная вода показывала дно колодезя, устланное чистыми досками. У меня явилась мысль и желаніе обмыться въ этомъ святомъ колодезѣ. «Господи! — сказалъ я, — благослови мнѣ грѣшному обмыться въ этомъ колодезѣ, чтобы спада съ меня грѣховная моя тягость!» Съ этими словами, быстро раздѣвшись, я взмошелъ въ колодезь. Воды въ немъ было по поясъ. Погрузившись нѣсколько разъ въ него, я вышелъ и, стоя предъ Св. Крестомъ, снова съ вѣрою такъ помолился: «Господи! Благослови мнѣ концами Твоего полотенца, которымъ Ты препоясанъ, утереть мнѣ грѣшному лицо и грудь во облегченіе моей грѣховной тягости». И съ благоговѣніемъ подоидя ко Св. Кресту и съ любовію взирая на Спасителя, я обтеръ краями полотенца свое лицо и грудь. И что же я ощутилъ!? Повѣрьте. Слово кожа съ меня сошла или ровно какая-то тяжесть съ меня скатилась. На душѣ у меня стало радостно и легко! Я одѣлся. Долго въ радостномъ чувствѣ стоялъ я предъ Спасителемъ, молясь Ему и любуясь на дивную окружающую мѣстность. Елочка была какія-то особенная, мною никогда доселѣ не виданная. Да и все-то кругомъ было настолько прекрасно, что и сказать нельзя! Но вотъ у меня въ головѣ явилась такая мысль. А что, если я еще дальше пойду въ лѣсъ и снова буду искать Христа? Но только что я успѣлъ это подумать, какъ неожиданно какъ громъ поразилъ меня Божественный гласъ съ вершины Креста: «Что же еще тебѣ надо? Ты вѣдь Христа уже нашелъ!» Отъ ужаса и страха я упалъ ницъ на землю и услышалъ за этимъ протяжно произнесенное: «Аминь». Мало-помалу пріида въ себя и успокоившись, я, вновь приступивъ

ко Христу и облобызавъ еще разъ Священныя ноги Спасителя, оглянувшись снова, съ восхищеніемъ любуясь на дивную окружающую мѣстность и твердо рѣшивъ въ душѣ непременно еще побывать здѣсь въ ближайшіе дни, но только уже не ночью, а днемъ, чтобы снова поклониться Христу Господу. Помолвившись на прощаніе Господу, я направился въ обратный путь къ своему дому. Вступивъ въ дремучій лѣсъ, я всё время шлою оглядываясь и взирая на мерцающій мнѣ огонекъ со Святаго Креста, который какъ бы указывалъ мнѣ путь, и я, не перемѣняя направленія, черезъ часъ вышелъ на большую дорогу. Поблагодаривъ Господа около дороги, я сдѣлалъ на деревѣ замѣтку: вырѣзалъ крестъ и заломилъ вѣтку, чтобы въ слѣдующій разъ мнѣ было легко найти дорогу къ этому Святому и дивному мѣсту. Придя домой уже подъ утро, я никому ни слова не проронилъ, гдѣ я былъ и что видѣлъ. Затѣмъ спустя два дня я взялъ съ собой одного близкаго человѣка и мы съ нимъ вдвоѣмъ пошли туда. Придя на то мѣсто, гдѣ я сдѣлалъ при дорогѣ замѣтку, и найдя её, пошли мы по тому же направленію, по которому раньше я шель. Днемъ идти было хорошо. Все хорошо видно кругомъ. Однако не могли мы никакъ найти этого мѣста, какъ его ни искали. Всю ту мѣстность исходили мы и вдоль, и поперекъ, но никакого даже и слѣда не нашли. Такъ ни съ чѣмъ и вернулись домой. Послѣ я многихъ мѣстныхъ жителей разспрашивалъ: не видаль ли кто-нибудь изъ нихъ Крестъ въ лѣсу? Но никто никогда не только не видаль, но даже и не слышалъ, чтобы въ нашемъ лѣсу былъ Крестъ. Я же, поблагодаривъ Господа за утѣшеніе, сталъ собираться въ монастырь. И вотъ Всемилостивый Господь привелъ меня во святую обитель и удостоилъ меня грѣшного воспріять Ангельскій образъ».

Такъ закончивъ свой рассказъ престарѣлый инокъ. А я, чтобы не забыть, посвѣщилъ для памяти и для назиданія себя и другихъ записать сіе, помня слова Великаго Учителя монастыша Преп. Исаака Сирина, который такъ пишетъ: «Часто и не зная съюсти читай въ книгахъ учителей о Промыслѣ Божіемъ; потому что онѣ руководствуютъ умъ къ усмотрѣнію порядка въ тваряхъ и дѣлахъ Божіихъ» (Слово 56-е), и еще сказано въ Свяц. Писаніи: *Тайну Цареву храниши добро; дѣла же Божіи открывати славо!*

37. МИРНАЯ КОНЧИНА СХИМОНАХА СИЛЫ

«Великая милость всякой душѣ христіанской, причастившейся Святымъ Христовыхъ Таинъ и въ тотъ же день или часъ переселившейся изъ временной земной жизни — въ вѣчную!» Это булетъ, действительно, христіанская кончина, пеностыдная и мирная. Сподобляются ея люди добродѣтельные и глубоко вѣрующіе. По ученію нѣкоторыхъ святыхъ

отцов, если человекъ въ день своей кончины причастится Святыхъ Христовыхъ Таинъ, то душа его уже не задерживается отъ злыхъ духовъ на воздушныхъ мытарствахъ. Враги даже не могутъ и приблизиться къ ней: по причинъ соединенія ея съ Божествомъ. Такъ и въ «Добротолобїи» пишется: «Если имѣющіе преселиться отсюда причастятся Святыхъ Таинъ съ чистою совѣстью, то, когда умрутъ, Ангелы ради сего причащенія доносили возносятъ ихъ отсюда» (*Добротолобіе* т. 5 Калликта, гл. 92).

Скончался у насъ на Валамахъ 5-го Іюня 1921 года простой старецъ — схимонахъ Сила. Жилъ онъ въ Предтеченскомъ скиту, а когда уже ослабѣлъ въ силахъ, то перешелъ въ братскую больницу, гдѣ, постепенно угасая и неизменно тѣлесными силами, приближался къ неизбѣжной для всѣхъ людей смерти. По обычаю нашему, его соборовали и часто причащали Святыхъ Таинъ. Въ послѣдній день его жизни больничный духовникъ поздно вечеромъ зашелъ его навѣстить и, видя его уже совсѣмъ ослабѣвшимъ, сказалъ ему: «Отецъ Сила! Я тебя сейчасъ причащу Христовыхъ Таинъ!» — «Хорошо! Причащите!» — такъ же просто отвѣтилъ умирающій. Духовникъ, быстро спустившись въ полустынную церковь и, взявъ запасные Св. Дары и прочитавъ положенныя въ Трѣбникѣ молитвы, причастилъ умирающаго старца. Затѣмъ, поздравивъ его съ принятіемъ Св. Христовыхъ Таинъ и попросившись съ нимъ, ушелъ отъ него домой къ себѣ. Въ часъ ночи отецъ Сила тихо и мирно предель душой своей въ руцѣ Божїи. Лежащій съ нимъ рядомъ въ этой же келліи схимонахъ О. Мидионій слышалъ во время разлученія души его отъ тѣла какое-то чудное и невыразимо прекрасное пѣніе, но только словъ, къ сожалѣнію, не могъ понять. Въ этотъ же самый часъ больничный духовникъ видитъ такой сонъ, который какъ-то особенно врѣзался неизгладимо въ его память, такъ какъ былъ яркій, живой и какой-то особенный. «Вижу,— говорилъ духовникъ,— будто бы я снова иду въ келлію, гдѣ лежалъ умирающій О. Сила. Мнѣ надо подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ зданія больницы, и я вижу: по обѣимъ сторонамъ лѣстницы стоятъ какія-то ужасныя и злобныя страшилища въ человѣческомъ видѣ, которая дышатъ на меня страшною и непримиримо злобою. Но ко мнѣ прикоснуться не могутъ! Я, хотя со страхомъ и трепетомъ, но все же прошель среди нихъ и, поднявшись наверхъ, отворилъ дверь келліи умирающаго. Вижу — келлія точно такъ же наполнена ужасными страшилищами. Вижу — идетъ ко мнѣ навстрѣчу отецъ Сила, но уже видъ его не тѣлесный, но какой-то особенный, духовный и прїятный. Лице у него — чистое, спокойное и радостное. Одѣтъ онъ въ голубой шелковый хитонъ и препоясанъ поясомъ. Подойдя ко мнѣ, онъ съ ласковой улыбкой поцѣловалъ меня и сказалъ мнѣ:

«У меня денегъ много. Да мнѣ еще Отецъ небесъ. Я тутъ же про себя подумалъ: видно, Отецъ Небесный наградитъ его. Повернувшись отъ меня, онъ пошелъ въ уголь келліи, гдѣ стоялъ гробъ. За нимъ по пятамъ шель злой духъ, самый свирѣпый изо всѣхъ. Силится схватить его, но это ему не удавалось. Какая-то невидимая сила не допускала его даже дотронуться до схимонаха. О. Сила взошелъ во гробъ, а я въ это время, поднявъ съ пола какой-то мышокъ, до половины наполненный, чѣмъ-то не знаю, положилъ его ему въ гробъ. Поцѣловалъ меня еще трижды, О. Сила сказалъ: «Ну! Теперь иди! Не бойся ихъ», — указывая на духовъ, повторилъ О. Сила. Я пошелъ будто бы тѣмъ же путемъ обратно въ свою келлію и, спустившись съ лѣстницы, пройди мимо духовъ, проснулся. «Ужъ не скончался ли нашъ О. Сила?» — подумалъ я. Посмотрѣлъ на часы: часъ ночи. И что же оказалось? Именно въ этотъ часъ душа его разлучилась отъ бреннаго тѣла и перешла въ другой лучшей міръ на вѣчную радость и утѣшеніе, въ страну свѣта и вѣчнаго блаженства!»

38. ДѢЛА ПРОМЫСЛА БОЖІЯ О ЛЮДЯХЪ

1. Монахъ О. намъ повѣдалъ. «Однажды трусясь въ постынькѣ, гдѣ былъ много лѣтъ хозяиномъ, поднялся я на водокачку высотой 3 сажени и вотъ во время работы какъ-то по неосторожности упалъ оттуда внизъ головой въ канаву, наполненную водой, прямо на острые доски, образующія изъ себя плотину для задержанія воды въ канавѣ, ударившись со всей силой головой объ острую доску, которая прорѣзала мнѣ голову и шею на затылкѣ, къ счастью, не повредивъ черепъ. Свалившись въ воду, я, однако, не потерялъ сознания, но кое-какъ, съ помощью подошедшаго инока, выльзъ изъ воды. Кровь ручьемъ лилась у меня изъ глубокой раны и изъ лѣваго уха. Привезли меня въ больницу. Кровь все время, не переставая, струилась у меня изъ раны. Сдѣлали мнѣ въ больницѣ перевязку, и черезъ четыре дня я уже былъ здоровъ совершенно и снова пошелъ на свое святое послушаніе, окончательно исцелившись отъ всякой болѣзни».

2. Онъ же рассказывалъ намъ. «Когда я еще былъ 14-лѣтнимъ и жилъ при отцѣ въ деревнѣ, помогая ему въ его домашнихъ трудахъ, то однажды былъ такой случай. Послалъ меня, дѣло было зимой, отецъ сѣздить на лошаdkѣ за сѣномъ. Недалеко отъ нашего села протекала рѣчка, очень быстрая въ своемъ теченіи. Чтобы по мосту переѣхать ее, надо было далеконько уклониться въ сторону. А если переѣхать по льду, то совсѣмъ было близко до мѣста, гдѣ находилось наше сѣно. Я избралъ второй путь, т.е. поѣхалъ по льду черезъ рѣчку. Когда же я доѣхалъ до середины рѣчки, то ледъ внезапно обломился, и моя лошадь, вмѣстѣ съ сѣнами моментально про-

валившись под лёд, быстрым течением рѣки была унесена вмѣстѣ съ санями под лёд, и самъ-то я едва только успѣлъ выскочить изъ саней на лёд. Ужасъ напалъ на меня. Вижу: скрылась моя лошадка подъ льдомъ. Понявъ я, что уже теперь человѣческой помощи искать нельзя. Вспомнилъ я тутъ Великаго Чудотворца и скоропослушливаго помощника всѣхъ пребывающихъ въ нуждахъ, Святителя Христова Николая. Упалъ я на колѣни и какъ только могъ отъ всего своего дѣтскаго сердца съ вѣрою воскликнулъ: «Святителю Отче Николае, помоги мнѣ!» И что же? Внезапно дивное совершилось чудо! Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ меня какой-то сверхъестественной силой разорвалъ лёд, и моя лошадка вмѣстѣ съ санями непостижимымъ образомъ буквально вылетѣла изъ воды изъ-подъ льда и опять невидимой же силой была перенесена далеко на берегъ, гдѣ и была поставлена саженьяхъ въ 5-ти отъ берега. Стояла лошадь какъ вкопанная, дожидаясь меня. Я же, възблагодаривъ отъ всея души своея дивнаго и преславнаго Чудотворца Николая, такъ быстро помогаю мнѣ, похвалъ даѣте туда, куда послать меня отецъ мой».

3. Иеромонахъ О. М. рассказалъ о себѣ слѣдующее событіе. Во время сильнаго голода въ 1920 году онъ жилъ на послушаніи при Валаамской часовнѣ въ г. Петроградѣ:

«Жили мы тогда всё въпроголодь, часто случалось — были нѣвши до вечера. Однажды, находясь въ такомъ состояніи, иду это я, томимый голодомъ, по Литейному мосту на Выборгскую сторону, и вотъ навстрѣчу мнѣ попадаетъ молодая интеллигентная дѣвушка и, на ходу развернувъ свой свертокъ бумаги, достала изъ него порядочный кусокъ хлѣба и, отломивъ отъ него небольшой кусочекъ, стала его ѣсть. «Какая-то счастливая, — подумалъ я про себя, — а вотъ если бы она мнѣ хотя бы немножко удѣлила?» Въ этотъ моментъ эта дѣвушка, сравнявшись со мною, неожиданно, обратясь ко мнѣ, сказала: «Если не побрезгуете, батюшка, то я могу Вамъ удѣлить немножко хлѣба!» — «Пожалуйста. Очень-быль бы благодаренъ Вамъ!» — произнесъ я. Тогда она, отщипнувъ себѣ небольшую корочку хлѣба, остальной весь отдала мнѣ. «Спаси Васъ, Господи!» — съ чувствомъ искренней благодарности воскликнулъ я и, положивъ хлѣбъ въ карманъ себѣ, вдругъ спохватившись, подумалъ: «А какъ ея имя? Почему же я её не спросилъ? Для того чтобы по чувству благодарности помянуть её на молитвѣ?» И, быстро обернувшись, только что хотѣлъ произнести: «А какъ Ваше имя?» — но эти слова уже иному было сказать, потому что кругомъ на далекое разстояніе не видно было ни души человѣческой. Не довѣряя себѣ, я глядѣлъ по сторонамъ, но народу почти никого не было. Мѣсто на набережной — широкое. Кругомъ далеко все

видно. Тогда я подумалъ: «Да не спустится ли она съ моста по каменной лѣстницѣ къ рѣкѣ?» Я быстро подошелъ къ рѣшѣткѣ. Но и тамъ у воды никого нѣтъ. У меня отъ радости потекли слезы изъ глазъ. «Да куда же она такъ мгновенно могла исчезнуть?» — подумалъ я, и вотъ даже до сего времени не могу я своимъ разумомъ разгадать этотъ дивный случай и это приписываю, по вѣрѣ моей, милости Промыслителя Бога, дающаго пищу всякой плоти (Пс. 135, 25) и *птенецьмъ врановымъ, призывающимъ Его* (Пс. 146, 91). А посему и мнѣ, голодному, пославшему кусокъ насущнаго хлѣба.

39. ВИДѢНІЕ ПРЕПОДОБНЫХЪ СЕРГІЯ И ГЕРМАНА СОМНѢВАЮЩЕМУСЯ ИНОКУ

Повѣдалъ намъ монахъ К., что когда онъ жилъ еще въ новоначаліи, то часто слышалъ среди молодыхъ братьевъ такія слова, что, дескать, наши Преподобные Отцы Сергій и Германъ находятся не здѣсь, гдѣ стоитъ ихъ рака, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь въ соборѣ ихъ рака находится только для воспоминанія о нихъ, а сами-то они еще неизвѣстно гдѣ положены.

«Вотъ, послушавшись такихъ рѣчей, однажды я, стоя въ церкви на хорахъ во время всенощной, когда читали канонсы, сталъ объ этомъ размышлять и, какъ бы соглашаясь съ прочими, подумалъ: «А кто знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Преподобныхъ-то здѣсь нѣтъ? Вѣдь Валаамъ-то великъ! Они, можетъ быть, гдѣ-нибудь и въ другомъ мѣстѣ положены?» Но только что я успѣлъ это подумать, какъ въ душѣ моею произошло какое-то измѣненіе. Внезапно мое сердце умягчилось. Пришло инокъ Божественное умиленіе, полились слезы изъ моихъ глазъ, и душа моя исполнилась какимъ-то дивнымъ духовнымъ чувствомъ. Взглянувъ на иконостась, я узрѣлъ съ правой стороны у колонны Преподобныхъ Отцевъ нашихъ Сергія и Германа, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ иконы Божіей Матери, висящей на колоннѣ, именуемой «Валаамской». Одѣты они были въ мантіи и полное схимническое одѣяніе. На сѣмахъ были видны кресты и можно было прочесть слова: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный...» и т.д. Въ рукахъ они держали свитки. Лица ихъ были постническая, тощія. Глаза — чудные, голубые. Настолько видъ ихъ былъ дивный и божественный, что, кажется, глазъ бы отъ нихъ не отвелъ. Они смотрѣли внимательно на братію, какъ бы слѣдя и наблюдая за ними. Глядя на нихъ, у меня слезы лились изъ глазъ, а душа какъ-то неизречно радовалась и угѣшалась и горѣла любовью ко Господу и Угодникамъ Его. Отъ избытка своей радости, желая подѣлиться ею со стоящими рядомъ со мною инокомъ, я хотѣлъ показатъ ему видимое мною. Но только что успѣлъ я это подуматъ, какъ видѣніе

кончилось и Преподобные стали невидимы. По-прежнему висела на колоннѣ только икона Царицы Небесной. Послѣ этого видѣнія у меня всѣ помыслы и сомнѣнія о мѣстонахожденіи наших Преподобныхъ совершенно исчезли и я твердо увѣровалъ, что именно здѣсь, а не въ иномъ мѣстѣ находятся Угодники Божіи Сергіи и Германъ. Здѣсь они почиваютъ своими нетлѣнными и многоцѣлебными мошами, духомъ будучи внѣ всего видимаго и земнаго. Увѣровалъ я и убѣдился, что они назираютъ за братією и помогаютъ всѣмъ съ вѣрою и любовію припадающимъ къ ихъ честной рацѣ, облегчая ихъ скорби и нужды и врачуя немощи и неисцѣлимая болѣзни.

40. НЕПОНЯТНОЕ ЯВЛЕНІЕ

Много есть въ жизни непостижимаго и таинственнаго, если только кто, имѣя желаніе, внимательно будетъ слѣдить безъ предубѣжденія за тѣмъ, что случается особеннаго и непонятнаго въ нашъ маловѣрный XX вѣкъ.

Описывалъ намъ одинъ изъ нашихъ старцевъ слѣдующее событіе, бывшее съ нимъ еще въ юности. «Однажды въ праздникъ Рождества Христова покойные мои родители взяли меня съ собой въ гости къ моему дѣдушкѣ. Жили мы тогда въ сѣверной столицѣ. Надо было идти къ Николаевскому двору. Вотъ идемъ мы втроемъ: родители — впереди, а я сзади, за ними. Вижу я: на мосту стоитъ убогіи старичокъ-нищій. Обиѣхъ ногъ у него нѣтъ почти до коленъ. И стоитъ онъ на своихъ какъ бы обрубленныхъ ногахъ, а передъ нимъ на землѣ лежитъ его шапка, куда, очевидно, проходящіе кладутъ свою добротную милостыню. Жаль мнѣ стало бѣднаго старичка-страдальца. Быстро доставъ изъ кармана пятачокъ, я положилъ его въ шапку бѣдняка. Затѣмъ также быстро догнавъ своихъ родителей, я хотѣлъ показать имъ этого бѣднаго калѣку съ цѣлью и ихъ расположить къ подачѣ милостыни. Но когда я сказалъ имъ это и мы обернулись и хотѣли посмотреть на убогаго старичка, то уже на мосту никого не было. Онъ мгновенно исчезъ изъ нашихъ глазъ».

«Второй подобный первому случай, — говорилъ старецъ, — былъ со мною, когда я уже жилъ взрослымъ. Шли мы съ покойнымъ моимъ отцомъ и со старшею сестрою. Передъ нами разстилалось широкое и чистое поле, и вдругъ мы увидѣли не такъ

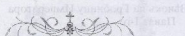
далеко отъ насъ впереди какого-то человѣка, одиноко стоящаго на нашемъ пути. Когда мы съ нимъ поравнялись, то увидѣли, что это былъ убогіи старецъ, который смиренно попросилъ у насъ милостыню. Доставъ кошелекъ, я, не помню хорошо, сколько-то денегъ далъ бѣдняку и пройдя нѣсколько шаговъ, сказалъ своему отцу: «Странное дѣло! Откуда это онъ такъ неожиданно появился?» И вотъ мы всѣ трое обернулись для того, чтобы взглянуть на старичка-нищаго. Но каково же было наше крайнее удивленіе? Мы старичка уже нигдѣ не видѣли. Хотя поле было и большое и широкое, но убогіи старецъ исчезъ, словно испарился въ воздухѣ. Это насъ всѣхъ тогда страшно удивило».

Богъ нашъ на небеси и на землѣ, и Промыслъ Его простирается не только надъ человѣками, но образу Его созданными, но и надъ всякою тварію. *Дай, — по словамъ Псалмѣвца, — пишу всякой плоти* (Пс. 135, 25) *и птицею врановымъ призывающимъ Его* (Пс. 146, 9). Онъ же даетъ питаніе и скимнамъ рыкающимъ восхитити и възскасти отъ Бога пишу себѣ (Пс. 103, 21). *Хранящій избранныхъ Своихъ, яко зѣлицу ока, и Ангеломъ Своимъ заповѣдаетъ сохранити тя на всѣхъ путехъ твоихъ* (Пс. 90, 18).

Смиримся посему и възблаговѣмъ предъ дивнымъ Его Промысломъ. Будемъ всегда помнить, что надъ нами всегда наблюдаетъ Его Недремлющее Око, а посему убоимся творить грѣхъ и беззаконія, но лучше устремимся къ творенію добрыхъ дѣлъ, угодныхъ Ему и указанныхъ въ Его законѣ, такъ какъ еще въ здѣшней жизни Онъ воздаетъ каждому по дѣлаемъ его, *възскащій же Господа не лишается всякаго блага* (Пс. 33, 11).



Рака Преп. Сергія и Германа
Валаамскихъ чудотворцевъ.



ПРИМѢЧАНІЕ

До насъ не дошло, кто же былъ авторомъ сего Патерика. По всѣмъ даннымъ думается намъ, что виновникомъ должно быть О. Ювану Валаамскому писемоводителю и лѣтописцу. (О немъ смотри «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» № 10, стр. 127-144, и № 11-12, стр. 52-70 за 1995 г.)



Древній Валаамскій Крестъ.

Возобновляющийся 43-ий годъ изданія, послѣ перерыва съ 1917 года.

Журналъ обладаетъ правами Copyright by St. Herman of Alaska Brotherhood.

Печатается и редактируется

ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA

P. O. Box 70, Platina California 96076 USA, Факс: (530) 352-4432 тел.: (530) 352-4430

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссионерскимъ движеніемъ, цѣль котораго сохраненіе и распространеніе древне-христіанской монашеской мудрости въ всѣхъ церковныхъ раздѣленіяхъ, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдующихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства Преп. Германа Аляксинскаго, исходящаго съ благословенія Аримандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (+1969), и утвержденаго Святителемъ Іоанномъ Максимовичемъ (+1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Сан-Францискскимъ.

ЖЕЛАЮЩЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВЪ РОССІИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссионерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на «Русскій Паломникъ», также автоматическѣ оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдеть въ Россію.

Годовое членство: 25 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Благословеніе Святѣйшаго Патріарха Алексія II.

Статьи принимаются, но безъ полемикъ.

Посылать по адресу: P. O. Box 70, Platina CA. 96076, U.S.A.

СОДЕРЖАНІЕ № 26, 2002

- | | |
|--|-----|
| 1. Саровъ 1903 — 2003 | 86 |
| 2. СОВРЕМЕННЫЙ ПАТЕРИКЪ
Преп. Антоній «Грошевицкѣ» | 88 |
| 3. Вѣнокъ на Гробницу Императора
Павла I-го | 106 |
| 4. ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГІЯ
Схимонахъ Михаилъ Ново-Валаамскій
и Харбинскій въ Сибири | 112 |
| 5. СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ
Схигуменія Михаила | 124 |
| 6. ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГІЯ
Рукописный Валаамскій Патерикъ | 131 |

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССІИ!

Ввиду того, что въ настоящее время въ Россіи получать журналъ по почтѣ затруднительно, советуемъ сирашивать нашъ журналъ въ церковныхъ лавкахъ Россіи.



Письма слѣдуетъ направлять по адресу:

125299 Москва
Вокзальный пер. д. 8,
кор. 1, кв. 11
Дмитрію Анатольевичу
Родионову
тел./факс: (095) 150-1820



Житийная икона-литография Преп. Серафима съ видами Дивьева и Сарова внизу. Народное издание, расхodiвшееся по лицу всей Руси въ годъ прославления, почти 100 леть тому назадъ.



Художественный портрет старца Антония Муромского,
работы Анатолия Паршикова, Саль Франциско.